Семён Грила

ПОХОРОНЫ СМИРНОВА

Рассказы и пьеса

Санкт-Петербург
2024

УДК 82-32:82-221
ББК 84стд1-447:84стд1-64
Г83

Семён Грила

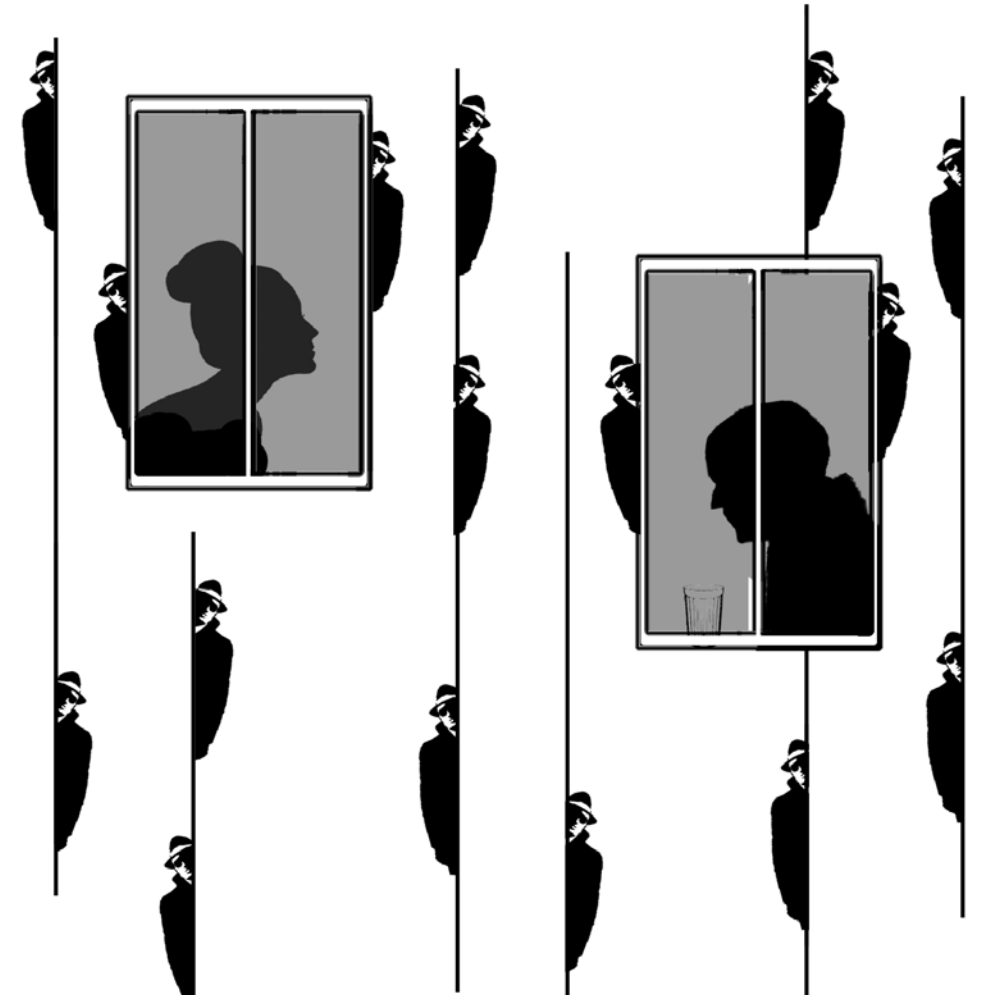
Г21 Похороны Смирнова. Рассказы и пьеса. — Санкт-Петербург, 2024. — 302 с.

Гюнтер всю жизнь боялся летать, а опять пришлось — в Антарктиду. Васнецов трудился над моделью интеллекта, она должна была распознавать желания человека по движению глаз, но выходила сущая ерунда. Лукьянова была звездой, инфоцыганкой, её арестовали. Неандертальцы выжили, но полковник Дворников принял их за инопланетян. Писатель Никандров стал суперклассиком, потому что время сделало свой выбор: он жил и жил, а другие нет. Это герои рассказов Семёна Грилы, которые вместе с пьесой «Похороны Смирнова» составили этот сборник. Семён Грила — автор пьесы «Мавзолей», романа «Коридоры», фантасмагорических сказок «Антарктида» и «Крокодил».

ISBN 978-5-4391-0937-1

© Семён Грила, 2024.
© Виктор Богорад, иллюстрации, 2024.

МАТИЛЬДА
И
ОТЕЦ

Эпизод первый

Он все время оглядывался. Нервный тик. Заработанный путем рассуждений о себе самом с самим собой. Ему казалось, он кому-то нужен. Но это была иллюзия. Он не был нужен никому. Кроме дочери.

Она и придумала эту игру, когда поняла, что лучше она сведет его с ума, чем он сделает это сам. В первом случае она знала, где ключи, во втором ей было бы значительно тяжелее. Управляемый хаос лучше неуправляемого, хотя это тоже иллюзия. Она, используя куски его прошлой биографии и нынешнюю ситуацию в стране и мире, создала ему его мир, где он был в безопасности, а она могла тратить на него не слишком много времени.

Она была чиновником высокого уровня. Ей нравилась ее жизнь, и она не хотела, чтобы ее мир был чем-то обременен. Поэтому тоже она придумала ему свой.

Она была обязана ему многим, но теперь он требовал слишком много сил от нее. Угрожал ее миру, в котором ей было уютно. Она спасала и его, и свой мир. Такая вот двойная цель была у всего этого.

Эпизод второй

Он спал. Ему снилось, как он ест устриц на пляже. Вернее, рядом с пляжем. На берегу. В каком-то ресторане. Смутно знакомом. Наверное, Испания.

Приходит сообщение. У него встреча. Он выходит. Какой-то человек идет за ним. Он не может оторваться. Бежит, петляет.

Тут он всегда просыпался. Один и тот же сон. Фабула — одна. Детали были разные, их было много. Многообразие до однообразия. Действия похожи, как фильмы про шпионов. Стертые лица, сюжеты и фразы. Все узнаваемо. Все.

Он сидел в кровати и курил. Она запрещала. Он, похоже, курил нарочно. Ведь никогда особенно не любил курить.

Встал, попил воды. Было уже утро, и можно было уже не ложиться. Ночи — это кошмар. Для него. Ночью невозможно. Он терпел до утра. Днем было легче.

Он считал, что она играет с ним, хочет свести его с ума. Его собственная дочь. Он не верил, но считал, что это так и есть.

Матильда (мамаша назвала ее так ему назло — как и всё, что она с ним сделала) была ему очень нужна, она была единственным проводником в сегодняшний мир, который пугал за окном.

Он оделся и пошел пить кофе. Он делал это каждое утро. В обычное кафе. Его там знали, это было удобно, упрощало коммуникацию с миром. Не надо было тратить силы и придумывать, как современно соответствовать этим правнукам его мира. Который ушел и оставил их взамен. Прислал из каких-то неведомых параллельных миров. Они с трудом уживались, не признавая друг друга, просто мирясь. День начался.

Эпизод третий

Он всю жизнь протрудился. Чиновник на незаметных должностях, и уже только годам к 50 доехал до директора департамента в министерстве, министерство занималось наукой и образованием.

И все бы ничего. Но однажды вечером его избили хулиганы. Он ехал с работы. Никого не трогал. Стечение неведомых обстоятельств. Игра случайностей. Долго лечился. Ну и досиживал на своем месте сначала, потом его понизили до зама. Он много бывал на больничном. Так и не оправился.

И вот теперь он пенсионер. Сходящий с ума или сводимый с ума. Или эти процессы идут вместе, а может, ему все это кажется.

Эпизод четвертый

Когда с отцом случилось несчастье, Матильда была студенткой. Переживала. В том числе и за себя.

Она рассчитывала на поддержку в начале своего самостоятельного пути после окончания вуза. В принципе, все обошлось, она справилась и теперь была заметным функционером. Дошла до всего сама. Хотя преемственность в биографии присутствовала, и это на первых порах помогало, а потом было поводом для каких-то теплых воспоминаний и инструментом растопить лед новых знакомств по службе.

Эти воспоминания и превратились со временем в легенду. Она как-то сказала отцу, что, считается, он тогда потерял какие-то документы. И поэтому тем, кто занимался расследованием, нападение кажется не случайным. И что расследование до сих пор не раскрыто.

Потом она придумала некоего ученого, который теперь стал известным. А тогда совершал свои откры-

тия и разрабатывал востребованные теперь технологии. И что уже тогда им интересовалась разведка. И именно с ним связанные документы пропали.

Отец ничего такого не помнил. Но с годами стал вовлекаться. Это стало поначалу их игрой, а потом и жизнью. Его жизнью.

Эта игра наполняла его существование смыслом, а его самого делало актуальным и современным. Адреналин бил, расправлял плечи. Впрочем, может, это были какие-то другие ингредиенты. Или гормоны.

Эпизод пятый

Она придумала — дальше история развивалась самостоятельно. Она периодически подбрасывала работу блогерам. Они потихоньку двигали историю. Ему приходили какие-то запросы, предложения дать интервью, под окнами иногда стояли какие-то личности, он убеждался, что за ним следят и знают о его жизни все.

Она говорила — это пустяки, плод его воображения. Но тем не менее несколько раз просила его рассказать снова и снова о том человеке и как все случилось. И настаивала, чтобы он был осторожнее в переписке. Времена тревожные, говорила она. Она переживала, это добавляло их игре искренности.

Он начал бояться, а с другой стороны — гордиться. Она организовала переписку. И тот великий теперь ученый ответил ему, вспомнил его и благодарил за помощь в те далекие годы.

Он стал опасаться, что теперь разведчики будут использовать их отношения. Он спросил Матильду, что ему делать. Она обещала посоветоваться кое с кем, как она сказала, и просила не терять бдительности.

Так прошло еще пару лет.

Эпизод шестой

Однажды ему позвонили. Человек говорил, что у них есть общая знакомая — Матильда. Он оставил свои координаты. Сказал, что когда ему будет удобно, пусть он ему напишет или позвонит — им необходимо встретиться. Он пробудет здесь еще пару недель. Отпуск.

Он бросился звонить дочери, та сказала, что да, на нее вышли соответствующие люди, сказали, что существует необходимость использовать его для продвижения некоего материала. Все под контролем и опасаться нечего.

Он понял, что кольцо вокруг сжимается, так же, как сейчас его сердце.

Я боюсь, сказал он. Не бойся, если что не так, поправим. Позвони после встречи, ответила Матильда. Хорошо, сказал он, и она отключилась.

Эпизод седьмой

Они встретились в его кафе. Пришедший был мил и обаятелен. Сказал, что у него прекрасная дочь. И она — влиятельный человек. И он наверняка ею гордится.

Он отвечал, что так и есть. Он смотрел в окно, мимо шли люди. Кафе было на пешеходной улице. Жизнь текла прямо на глазах, совершалась на глазах и превращалась прямо у них под носом в прошлое. Как и их разговор. Хотя нет, их разговор превращал прошлое в настоящее.

— Может, вы напишете о том времени, о встречах, которые запомнились, людях, с которыми работали. И мы бы потом обсудили. Вам надо вернуться туда, чтобы получше вспомнить. Тогда бы мы опять поговорили. Вам сейчас трудно так сразу. Нас интересуют любые детали. И не спешите. Я буду вам

позванивать, если позволите. Пишите спокойно. Время есть,— пришедший попрощался и ушел.

Он остался смотреть на настоящее и возвращаться в прошлое. Ему не хотелось.

Когда он рассказал дочери, она ответила: ведь ты всегда хотел написать мемуары. Вот тот самый случай.

Он не помнил, чтобы когда-то хотел писать мемуары, но, конечно, радостно поддакивал, потирая руки. У него появилось дело.

Эпизод восьмой

Она была довольна, ее стратегия давала плоды, она перевела игру в постоянно действующую модель реальности.

Он писал. Она читала. Они были в контакте. Она передавала его строчки дальше. Заинтересованным лицам. Те благодарили. Из вежливости. Для них это было одолжение влиятельному чиновнику. Впрочем, случай был не безынтересный — человек, вокруг которого крутилось повествование, тоже. В общем, все потихоньку втягивались, у всех появился жир на ладонях. Возможны плодотворные отчеты о проделанной работе. Благодаря этому благодарности стали искренними, а ожидание новых страниц рукописи все более нетерпеливым.

Эпизод девятый

А он все вспоминал. Люди под окном стали чаще меняться, но появлялись не от случая к случаю, а стали постоянным атрибутом его улицы.

Его нервозность усиливалась. Он совсем перестал спать. Только писал и курил. Да и начал пить. Много.

Матильда забеспокоилась, услышав однажды заплетающийся голос. Он сказал, что простудился. Она не поверила. Неожиданно появилась и все увидела своими глазами. Отругала и запретила. И сказала, что заинтересованные лица высоко ценят его творчество и ждут от него ответственного подхода. Вот прям так и сказала — ответственного подхода.

Он удивился и промолчал. Обещал не пить. Конечно, не стал выполнять обещанное. Да она и не рассчитывала особо. Пока все было контролируемо, она не переживала. Она вообще не особо переживала, но хотела, чтобы какие-то рамки он соблюдал. Он соблюдал. Аккуратно выкидывал посуду перед ее визитами.

Парни, похоже, не докладывали о его проказах, или их начальники не волновали Матильду. Все шло хорошо. Весна. Жасмин. И все прочее, что сопутствует весне.

Эпизод десятый

И он вспомнил. Опять снилось то же самое. Обычное его кино. Погоня. Удалось заснуть. И потом он увидел. И понял. Его тогда избили не случайно. Он помогал уехать тому самому. Кем теперь интересуются. Он потерял память. А они его ждали. Они отобрали его портфель. Им был нужен портфель. Вот в чем дело.

И теперь они снова хотят добраться через него. До того, который.

Он все понял. У него не было никакой дочери. Это все специальная постановка. Чтобы он выдал. Значит, они так и не добрались до него, значит, все дело в нем.

Не будет его воспоминаний — не будет этой ниточки. Вот как. Как же он этого не понимал. Он достал

бритву. Взял бутылку виски, счастливо недопитую вчера. Открыл воду в ванной и стал ждать, когда наберется вода. Он вспомнил, и это делало его осмысленным, понятным и понятым

Эпизод одиннадцатый

Она нашла его в ванной. С перерезанными венами. Спокойно уснувшим в красной ванне. Как настоящий патриций, подумала она. Он показался ей красивым и молодым. Изменившимся.

Ну вот, и я схожу с ума, подумала она. Зачем он это сделал? Впрочем, он всегда был таким после того случая. Несчастным параноиком. А теперь он вырвался. Галопом.

Вы не против вскрытия? Вежливо спросил местный следователь. Она посмотрела на него невидящими глазами. Повернулась, пошла в комнату, у постели лежала стопка бумаги. Записи от руки.

А вот и мемуары, подумала она. Будет что почитать ребятам. Хорошую игру я придумала, грустно сказала она. И еще она сказала: «Прости. Прости, папа. Прости, что мы не доиграли».

Эпизод двенадцатый

По его сбивчивым каракулям выходило, что тогда, когда он был молодец, он все правильно делал. А тот, другой, который теперь знаменитый, он все делал, чтобы его подставить. И у него получилось. Он, потерявший память, спокойно жил, пока дочь не придумала игру, которая закончилась так печально.

Профессионалы до сих пор в недоумении, какая красивая была сыграна комбинация. Вопросов только прибавилось. Матильда теперь под подозрением. Ее

тщательно, но негласно проверяют. Она не знает или не хочет знать. Но умные люди догадываются, что она делала это все не только из-за отца. И ее «прости» имело гораздо больше смысла, чем казалось.

НЕ СЕГОДНЯ

Те, кто живут сегодняшним днем,
живут счастливо, но, к сожалению,
мы живем под их руководством.
Арман Жан дю Плесси де Ришелье

Пользователи

Он стоял в аэропорту. Он улетал. Очень не хотел, но как бы было надо. Нет, не как бы. Действительно было надо. Подвернулся случай посетить Антарктиду. Ну он и продал свои навыки за возможность присоединиться к экспедиции.

Он умел правильно выстраивать цепочки во Всемирной паутине — в чем, как им казалось, нуждались устроители экспедиции. Они хотели биться за климатическую повестку и придумали трансляции

с ледника. Собирались демонстрировать отметки оседания льда. Чтобы впечатлить.

И Гюнтер был одним из лучших в этом деле. Не в оценках изменений ледового покрова, а в поджаривании мозгов пользователей соцсетей. Жителей Земли. Ибо все пользователи — чего разделять. Непользователей уже просто нет. Вот тебе кажется, что не пользуешься, а это не так. Микроволновка твоя раздает вай-фай или твой ребенок пересказывает информацию, добытую в этой самой паутине интернета. В общем, любой — в Сети.

Деньги

Климат, думал Гюнтер, такой же бизнес, как и любой другой информационный. Угроза, продвижение, борьба. Текущие операторы не доживут до проверки гипотезы. И те, кто не верит, не доживут, и те, кто верит. В общем, идеальная среда для активных людей: создается новый рынок, где поначалу не тесно, а потом появляются деньги — а ты уже у окошка.

В Германии экологию любят, климат уважают, но в меру и осторожно. Но большой бизнес — это большой бизнес, и он не только в Германии, он не имеет страны, он везде. В климат пришли большие деньги.

Почему Гюнтер

Так его назвали родители — они родились в казахских степях, в семьях интернированных. Потом выросли, родили его, переехали в Германию. Он, в общем, по рождению был казахом, воспитанным частично в русской среде, и теперь периодически мучился ностальгией, бродя по улочкам родного уже Нюрнберга. Детство, знаете ли.

Он всю жизнь боялся летать. Ну не всю, а когда осознал конечность своего бытия и опасности досрочного ухода.

Он хотел жить. Вернее, не так — он боялся смерти и поэтому безумно хотел жить. Вот не для чего, а просто жить.

Нанявшие его люди были из Берлина. Экологическая организация со спонсорами из Эмиратов. Такая вот теперь бескрайняя коммуникация труда и капитала. Стремительные переговоры — и вот он ждет своего рейса в Буэнос-Айрес.

Почему мы добровольно делаем это

У него когда-то был товарищ, вернее, сослуживец в широком смысле этого слова. Трудились в одной отрасли. И вот товарищ-сослуживец перед посадкой спрашивал всех: вы понимаете, что делаете это добровольно?

Они часто летали вместе в командировки, в делегациях, и Гюнтер (или Гена, как он представлялся порой в таких поездках для упрощения общения) превращался в алкоголика, стремился залить страх. Помогало, но мешало работе. С утра похмелья мучили страшно. Но чего со страху не сделаешь.

Все аэропорты казались Гюнтеру залами ожидания конца. Наверное, боялись не все, но он в это не верил. На его взгляд, страх с красивым названием аэрофобия был присущ всем. Возможно, в разной степени, но когда турбулентность, он спокойных не видел. Может, ему не попадались. Статистически такое могло быть, но вряд ли.

Он летал много, храбрецов встречал редко.

История

С тех пор утекло много воды. Иногда, считал Гюнтер, нужна святая простота. Нельзя отрываться. Нужно стараться быть вместе.

Опыт в коммуникациях показывал ему, насколько выросло непонимание. Презрение. Потому что сначала непонимание, потом недоверие, суеверие и презрение. А ты кто такой? Ну и все такое.

А примитив сближает. Он не поднимает, это давно стало понятно: подниматься тяжело, а опускаться легко. Поэтому, когда надо вместе, тогда встречаемся внизу.

А если простота не помогает, не скрепляет до конца, тогда страх. Страх. Страх не только объединяет, но и освежает. «Выжившие» молодеют. Гюнтер старался продвигать подобные иллюзии — и вот наконец Антарктика. Климат.

Двигать через страх. Его услышали и хотят поверить. Нет, проверить. Он встречался со спонсорами проекта, они хотели с ним пообщаться. Послушать его нарративы. Кивали головами. Теребили холеными пальцами седые бороды. Это он придумал — этим ребятам до седых волос было еще далеко, они еще согреться успеют от изменившегося климата или остынуть. Это как пойдет.

И вот он летит. Опять. Ужас. Но одомашненный. Поставленный на кон.

Что там над Атлантикой

В накопителе, когда все процедуры пройдены, вас обшмонали, обнюхали и просветили, сличили паспорт и билет, вы сидите и ждете погрузки в самолет. Надеетесь, что он будет не старый, вылет будет вовремя.

Это же прям счастье — приходите к своему гейту и видите: самолет ваш уже стоит у рукава. Душа приятно теплится, настроение улучшается. Казалось бы, с чего? Ведь если бы самолета не было, вам было бы спокойнее. Но нет. Пойми эту человеческую душу. Ее, вопреки всему, тянет путешествовать.

Размышления Гюнтера, созерцающего лайнеры на поле, прервала вопросом пассажирка, оказавшаяся рядом: не глядел ли он сводку погоды над океаном?

— Я лечу первый раз таким маршрутом,— говорила она, озираясь и нервно перебирая ремешок сумки: боялась шторма.

— Это же не корабль,— усмехнулся Гюнтер, рассматривая симпатичное лицо и веселую кофточку.— Мы не утонем. Впрочем, я не в курсе прогноза.

— Спасибо,— она окинула его непонимающим взглядом и отошла донимать своими вопросами появившегося сотрудника аэропорта.

Антарктида

Всегда манила Гюнтера. Он считал, что там, наверное, скрыто для него что-то. Что-то очень эмоциональное, что даст ему толчок в какую-то сторону. От себя.

Он погряз в себе. В бесконечных воспоминаниях, саморефлексиях и самоистязаниях, что, впрочем, в основном одно и то же. А Антарктида — это же айсберг. Белый, чистый, бесконечный. Белое безмолвие. Какие банальности мы еще забыли?

И Антарктида — это Титаник. Исчезнуть, воскреснуть, перелицевать суть. Вывернуть изнанку. Ему хотелось вывернуть себя. Может, ему удастся там потеряться? Остаться. Раствориться в ее тишине.

А может, там и нет покоя, вдруг испугался Гюнтер. Вдруг я все придумал? Скорее всего, так и будет. Опять навалится грусть от очередных осколков ил-

люзий и придется снова мучительно выбираться наверх. И свистать, свистать. Ну или как там у моряков?

Турбулентность

Самолет был не очень новым, но и не рухлядь какая-нибудь. Они летели и летели, карта показывала, что начался океан. Внизу была вода. Свет в салоне был потушен. Почти все спали или пытались. Кое-где горели лампочки индивидуального освещения.

Гюнтер сидел у прохода. Он очень любил сидеть у прохода, это давало ощущение свободы. Он мог в любой момент встать и прогуляться по салону до туалета, не обливаясь потом и униженно бормоча извинения, заставляя незнакомых людей делать ему одолжение, вставать и пропускать его. А бывали и такие случаи, когда приходилось перелезать. Ну это вообще труба.

Вот именно за это он ценил место у прохода. Оно стоило даже того, что тебе весь полет не видать земли. Хорошо, это можно потерпеть, а вот с туалетом — вернее, без — терпеть тяжело.

Он не ел в самолете. Презирал и пищу, и все прочее. Просил сразу бутылку воды и замыкался в своем гастрономическом снобизме. За это стюардессы его очень любили. Необременительный пассажир.

Стало трясти. Тихонько. Потом посильнее. Потом слова взял командир и на стандартном английском объявил, что самолет вошел в зону турбулентности и все такое. Советовал не вставать и не ходить.

Домашний арест. Нет, самолетный. У Гюнтера в такие минуты вся жизнь проносится перед глазами. Он внушаемый. Он сразу предполагает конец.

Вот сегодня я и умру, в очередной раз подумал Гюнтер. В очередной — потому что он думал так каждый раз, попадая в болтанку. Болтанка — это

его жизнь и смерть, качели любви. Он умирал и возрождался.

Пот. Он вспотел, руки стали влажными, они крепко держались за подлокотники. Рядом сопел пассажир: казалось, он умирает. Это я кончаюсь или он, подумал Гюнтер. И вслух:

— Вам плохо?

— Да,— сказал сосед,— мне всегда плохо над Атлантикой, даже когда так сильно не трясет. А сейчас трясет сильно. Мы все умрем.

— Возможно,— сказал Гюнтер и отвернулся.

Через пару минут вызвал стюардессу.

— Ему плохо,— сказал он.

— А вам? — спросила она.

— И мне.

— И мне,— сказала стюардесса.— Я первый раз над Атлантикой, но мы справимся.

— Правда? — спросил он.

— Правда,— ответила она.

Так ему говорила мама — «мы справимся», и пока так и было.

Он стал думать, зачем ему сдалась эта экспедиция, почему он занимается тем, чем занимается, если всю жизнь хотел быть музыкантом, но не умеет даже сносно играть на пианино, почему он не женился на этой дурище Жанне, которую он так любит, а она его. Почему? Почему? Почему?

Самолет затрясло сильнее.

— Сейчас мы спустимся пониже и выйдем из грозового фронта,— это опять говорил капитан бодрым голосом.

— Скорее бы,— вслух сказал Гюнтер.

— Вы думаете, это поможет? — спросил сосед.

Странно, Гюнтер уже решил, что тот давно умер.

— Вы знаете,— сказал сосед,— мне кажется, именно сегодня все и случится.

— Вам же уже так казалось,— ответил Гюнтер.

— Так и опять,— сказал сосед.

— Да идите вы в жопу, мямля,— Гюнтер вырос над собой. Может, и пронесет, подумал он униженно. Мимо озабоченно прошла стюардесса

Корабль или вертолет

Все плохо, подумал Гюнтер. Надо не думать про прошлое, его же уже нет, и оно никогда не повторится. Надо жить — и всё, и будь как будет.

Антарктика: через неделю отходит их корабль или вертолет, он подзабыл план. Они договорились все обсудить в Буэнос-Айресе. На вертолете Гюнтера страшно укачивает, впрочем, на корабле тоже. Что-то с мозжечком или с чем-то еще. Мозолистое тело. Он не знаток строения мозга, поэтому голова у него всегда кружится.

Тряхнуло последний раз — и все стихло, лишь мерное журчание двигателей.

Всё, мы, наверное, уже в раю, подумал сосед Гюнтера. Вернее, это он сам про него, да и про себя, так подумал.

Командир опять заговорил. Мы идем на посадку, погода, все дела, сколько градусов в аэропорту. В салоне зажегся свет, все зашумели, загудели и гудели до самой посадки. Бегали по проходам, переодевались, доставая с полок сумки, громко разговаривали, и никому это не мешало, даже Гюнтеру.

Сосед, как потом оказалось, был сотрудником экспедиции, в которую ехал Гюнтер, и они крепко дружили. У них была тайна.

И снова здравствуйте

Не сегодня, подумал Гюнтер, подходя к стойке паспортного контроля. Офицер улыбался ему.

Он вышел из терминала. Приятная влажная аура теплого утра поглотила его. Краски завораживали. Он любил новые краски. В смысле те, которые раньше не видел. После пережитого полета все воспринималось острее.

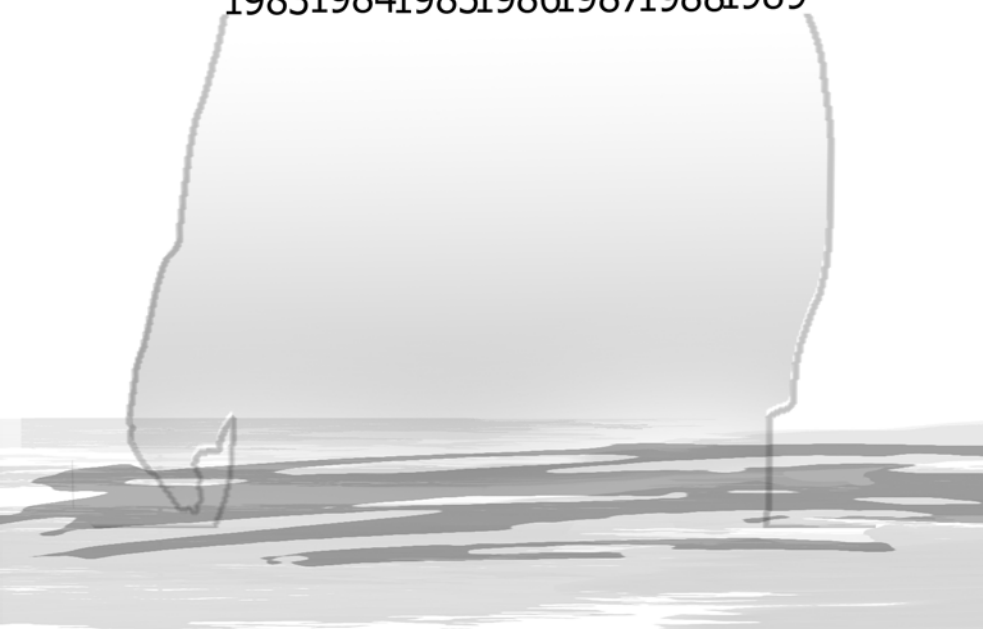
Метцингер был прав — в том смысле, что кто знает, что такое сознание, но осознание можно повысить и наслаждаться чувствами. Воздух, звуки, краски.

Буэнос диас.

АНТРЕСОЛИ

2024
20222023
20212022
20192020
20172018
20152016
20132014
2009201020112012
2003200420052006200720082
1997199819992000200120021
1990199119921993199419951996
1983198419851986198719881989

Эпизод первый

Свидетельством прожитых лет служат антресоли или гараж, если он есть. Его может не быть, а ящик под потолком был раньше почти у всех. Или еще чулан. Много названий одного и того же. Кладбище вещей. Собрание свидетельств того, что смогли и не смогли.

Перебираешь эти знаки — и щемит грудь, и наступают воспоминания, подчас неожиданные. Резко всплывает память о детском друге, когда берешь в руки старую теннисную ракетку: сколько бегали вокруг стола. Или маленький стульчик вдруг бросится под ноги воспоминанием о сыне.

Ну вот это все Кулагин и называл антресолями. В его сознании они давно стали виртуальными, этаким облачным хранилищем. Но иногда он заглядывал и в настоящее, реальное. Хотя и не любил этого совсем. Но сегодня надо.

Сегодня он продал гараж, и надо было выбросить всё. Это, конечно, огромный ментальный вызов. Столкнуться со всеми черепками прошлого одновременно.

Эпизод второй

Он потел. Но шел. Чем ближе он был к гаражу, тем хуже ему становилось. Все-таки папа был прав: я слишком чувствительный и отстающий от времени. Или то была мама? Он любил родителей.

Они были хорошими людьми. Может, не очень готовыми к жизни, но кто тогда был готов: суррогатная идеология, отсутствие корней или их незнание, что, впрочем, одно и то же.

Они старались. Это точно. Он с детства спорил с ними и вербально, и невербально. И продолжает мысленно спорить до сих пор. Их нет, а он спорит и спорит.

Они для него будут всегда, пока он будет, а когда его не будет, то для него не будет ничего. Как он в одном фильме видел. Там герой, владелец похоронной конторы, спрашивает клиента, заключающего договор на кремацию: «Может, вам важно иметь при себе какие-то вещи?» А тот ему отвечает: «Да мне будет все равно». Очень важная вещь. Ладно, проехали.

Но воспоминаний о родителях, вернее с родителями, почему-то было мало. Они прожили совместную жизнь неплохо, но совсем незаметно. Для памяти. Странно это, в очередной раз подумал он.

Эпизод третий

Сейчас начнется паническая атака, испугался Кулагин, открывая гараж. Еще не началась, а я уже дрожу, засмеялся он.

Однажды на юге они плавали с отцом далеко, за буйками, вдруг он потерял его, весь похолодел и растерялся страшно, вся жизнь короткая пронеслась, ужас начинал топить его, но папа вынырнул — и солнце засветило еще ярче, раскрашивая прекрасное утро.

Вот есть же воспоминание, подумал Кулагин. К случаю. Так у него было и с анекдотами. На просьбу рассказать анекдот он терялся, не мог вспомнить ни одного, а если к слову, то анекдот подходящий тут же находился. Чудеса мозга.

Эпизод четвертый

Ее звали Леночка, ее папа работал в спортивной организации. В советское время при тотальном дефиците любых вещей она явилась к нему на день рождения с подарком. Она подарила ему хоккейную клюшку — такую, каких не купишь в магазине, где их никаких не было или были «дрова».

Он и без этого царского подарка любил ее, давал ей списывать контрольные. Но теперь, теперь… Вот она — эта клюшка, он увидел ее среди удочек, лопат и других длинных, вертикальных ненужных предметов.

Теперь он помнил ее как человека, подарившего клюшку. Он не помнил лица или чего-то еще. Нет, он еще помнил, как она говорила спасибо после контрольных. Он таял. Но клюшка — это материальное воспоминание. Вот оно в гараже до сих пор.

Эпизод пятый

Гараж достался от отца, поэтому его детские вещи здесь. Все в сохранности.

А вот телевизор «Аврора». По нему он первый раз смотрел «Голубой огонек». Или хоккей. Он точно не помнил, что, но телевизор сразу тащил за собой обстановку комнаты, где он стоял, и молодых родителей, и маленького Кулагина следом.

Телевизор был черно-белый. И ему навсегда понравились черно-белые фильмы, которые он показывал. Все хранил гараж.

Эпизод шестой

Он открыл люк и стал спускаться в яму. В любом уважающем себя гараже была тогда эта яма. Чтобы чинить автомобиль. Все это делали сами. Поэтому они назывались автолюбителями. Хотя у некоторых и не было никогда машины, а гараж выполнял роль дачи или художественной мастерской.

А у одного его тогдашнего знакомого — роль завода по производству наливок и бара для своих. Впрочем, бар случался в каждом гараже. Или хотя бы разливуха.

Так вот, этот Скиба машины не имел, был научным сотрудником в академии и знатным химиком с широкой репутацией. Твердой репутацией. К нему хотели попасть многие, но пускал он далеко не всех. Человек должен был ему нравиться стремлением к совершенству или должен быть обладателем чувства стиля. В его, конечно, понимании этого слова.

Потом они напивались, и чувство стиля рождалось даже у тех, кто не знал, что это такое. Впрочем, стиль — или есть, или его нет, от образования это никак не зависит.

Эпизод седьмой

В яме стояли велосипеды. От «Орленка» до «Спутника». Всякие. Таких названий уже нет, а велосипеды — вот они. Он много ездил на них. Ломал нос и ногу, шикарные воспоминания полетов через руль отобразились в мозгу.

Кулагин потрогал руль «Орленка». Вспомнил, как родители долго не покупали ему велосипед и его

учил ездить соседский мальчик на своем «Школьнике» — он достался ему от старших братьев. Кулагин падал, но быстро научился.

Этот «Школьник» тоже был на его виртуальных антресолях. Как и катание на картонке с горы, которая кончалась дорогой с грузовиками.

Они не понимали опасности. Потом курили за гаражами. Да, велосипеды были тут. Ржавые, со спущенными шинами.

Эпизод восьмой

Кулагин подошел к коробкам с книгами. Его сокровища были сложены, когда родители переезжали. Сложены и отправлены сюда. Временно, разумеется.

Вот первое издание «Капитала» на русском языке. 1870 год. Словари. Исторические. Всякие. Нодар Думбадзе, Василь Быков, Юрий Нагибин, Паустовский, Пришвин, Чехов.

Он прочитал всего Чехова когда-то. И теперь не мог поверить, что сейчас старше его. Как можно было понимать все, что Чехов понимал, и жить дальше, Кулагин осознать не мог. Чехов описал все, что можно было описать, на сто лет вперед и ни разу не ошибся.

Хотя как тут можно было ошибиться — люди не меняются. Антон Палыч это еще раз доказал. Вернее, мы поняли это экспериментально. Марксизм давно на свалке, как и история, зашитая в эти словари.

А вот собрание сочинений Гегеля.

Гегель. Кто когда понимал Гегеля?

Когда-то ему нравились корешки на полке. Нравилось открывать эти тома с умным видом при дамах. «Всё действительное разумно и всё разумное действительно». Как можно это превзойти! Самораскрытие духа.

А диалектика? Диалектика Гегеля свела с ума всех последующих практиков, которые хотели иметь еще

и статус мыслителей, правда, неизвестно, знакомы ли они были с его трудами.

А сколько народу полегло. Не счесть. Ибо саморазвитие вождей шло через борьбу. Слово «борьба», конечно, плохая интерпретация могучих понятий. Так всегда бывает, когда комментатор не подходит под масштаб объекта цитирования. Так всегда бывает.

Вот занялись борьбой, а постепенное превращение всего из ничего пропустили, и все пошло не так. Связь утратилась.

Эпизод девятый

А, к черту! Кулагин смотрел теперь на свои спортивные штаны и кофту. Вожделенная мечта детства — олимпийский костюм. Кофта и штаны, к которым мама пришила тесьму бельевую. Он был как настоящий член какой-нибудь сборной. Он себе снился в этом костюме. Он даже спал в нем первое время. Смешно вспоминать.

Дальше за телевизорами и старыми стульями, рулонами старых ковровых покрытий обнаружилась стереосистема «Вега» — на ней папа, а потом и он слушали пластинки. Виниловые. «Абба», Саймон и Гарфункель, «Смоки», «Битлз» и «Песняры». Все было в ассортименте. Коробок с пластинками было немного, но пластинке не надо много места.

Он нашел папку со своими грамотами с соревнований. Мама складывала их аккуратно перед отправкой в гараж, а когда-то ими были облеплены стены в его комнате.

А еще афиши. Это было хобби одно время — собирать афиши. Кто-то откручивал номера домов, кто-то — дорожные знаки, он — афиши. Неизвестно, почему так. Может, он стремился к Мельпомене.

Эпизод десятый

«Гараж». Был такой фильм. Про гараж. Про его роль в жизни советского человека. Там много шикарных диалогов, но он запомнил один. Потому что он описывал разницу между пошлостью и не пошлостью. Там герой, такой молодой успешный красавец, говорит интересной молодой женщине: а давайте, говорит, как все закончится, поедем завтракать. А она ему отвечает: понятно, что я произвожу впечатление женщины, с которой можно начать за ужином, обедом и даже за завтраком. Он: а что, скажете — это не так? Нет, отвечает она, не скажу, но и завтракать не поеду.

Фантастическая сцена. Чувство такта нельзя купить. Но герой считал, что можно.

А, ерунда! Он тогда ничего в этом кино не понял, а теперь делает вид, что знал и слова, и интонации, и значения. Эх, Кулагин, Кулагин.

Эпизод одиннадцатый

Отер пот со лба. Перетаскивал, громоздил все у гаражных ворот.

Так провозился до вечера и ничего почти не сделал, а просто перебирал и перебирал прошлое, превращая его в сегодняшнее, но боясь двигать к выходу.

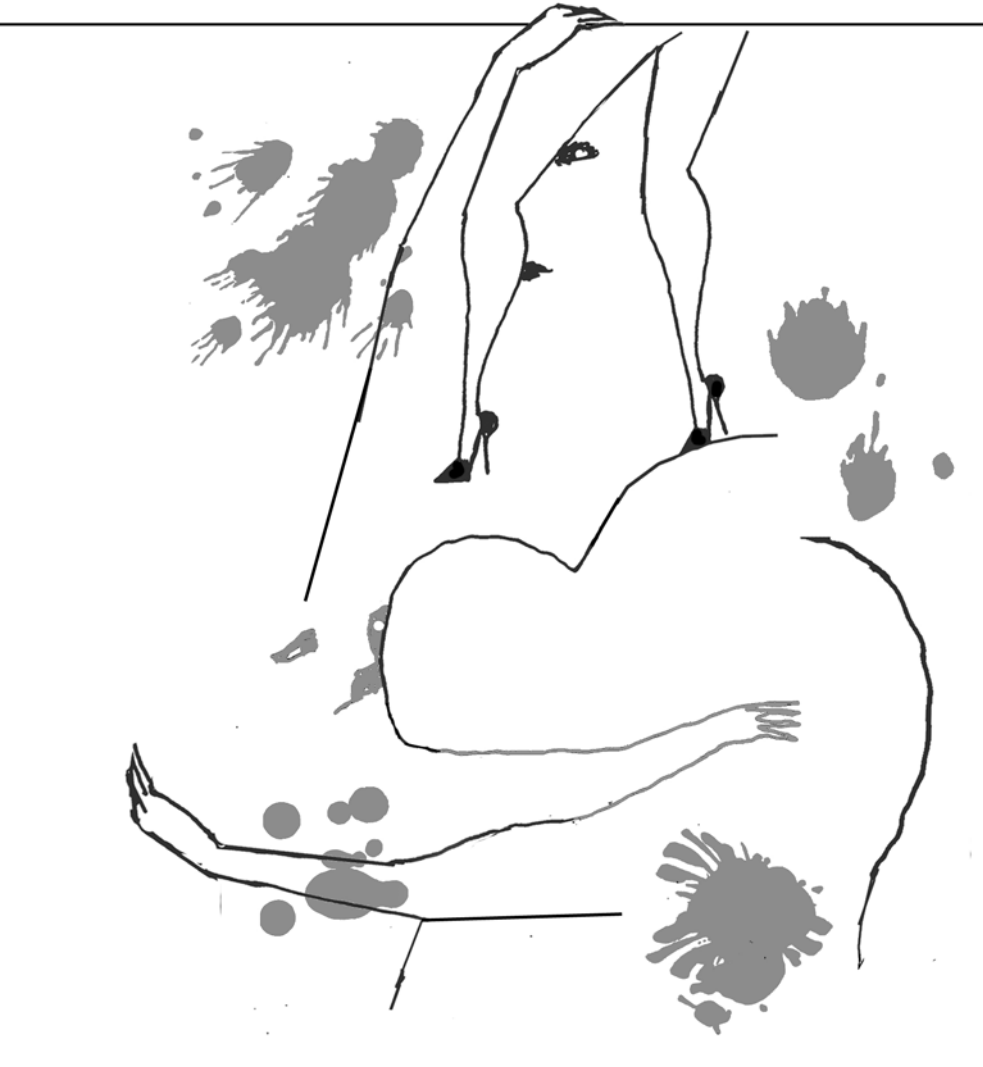
Самое нелепое было в том, что он не мог заставить себя все это выкинуть, поэтому ничего и не сделал. Решил оставить до завтра.

Прокрастинация была его сильной стороной. Завтра, все завтра. Ибо завтра будет лучше, чем вчера.

Он не плакал. Антресоли плакали.

Эпизод двенадцатый

МЕТАСТАЗЫ

Среди безумных сам становишься безумным и, более того, начинаешь находить в безумии некую прелесть.

Генрик Сенкевич

Эпизод первый

Волынцева танцевала. Она всегда танцевала: в детстве — в кружке хореографии, куда ее возила бабушка на троллейбусе, а затем на вечеринках у друзей и знакомых. Потом уже в своем воображении.

Последний вариант ей нравился больше всех, ибо предполагал неограниченный выбор кавалеров. Танцоров она привлекала из фильмов, телевизоров, коллег и просто прохожих. Она все решала сама.

Жила, как вы понимаете, одна, с двумя кошками. Варила борщи и делала котлеты. Вообще, кулинарный репертуар становился все разнообразнее и качество исполняемых блюд все выше.

Она кормила всех, кто подвертывался в этот момент под руку: киргизов, которые делали ремонт, доставщиков продуктов, родственников, приехавших издалека, коллег по работе, заглянувших по приглашению. Да, конечно, ветеринаров и так далее.

Стремительно разрастающаяся слава в узких кругах делала ее интересным собеседником, а также компаньоном для выхода в свет.

Она с детства обожала театр — и теперь одиночество и деньги позволили ей ни в чем себя не ограничивать. В выборе репертуара, хороших мест и поездок в театры в других городах. Она смотрела и все премьеры, и задержавшиеся в репертуаре спектакли 70-х годов. Имела свое крепкое суждение, вкус и непоколебимую уверенность в своей правоте, поскольку была чиновником потомственным, таких теперь не делают.

Эпизод второй

В тот день все было, как всегда. Она была на работе, когда все и началось. Собирались ехать в конце недели на «Жизель» в Петербург. Позвонила приятельница, одна из участниц мероприятия, и спросила, не хочет ли она днем посетить лекцию некой местной интеллектуалки, преподавательницы университета — ну как-то надо повышать уровень. Наша ей на это ответила, смеясь:

— Куда уж дальше повышать? С кем общаться?

Но легко согласилась.

День вернулся в русло, когда позвонил доктор Нахабцев и сказал, что пришли результаты анали-

зов и надо обсудить. Она предложила следующую неделю, ибо поездка и все такое. Он в ответ настоял на встрече в конце дня. Протокол обязывает, как он выразился.

Волынцева отчего-то занервничала. Наорала на заглянувшего сотрудника. Позвонила в приемную и предупредила, что уедет.

— Конечно,— ответили оттуда. Ее уважали.

Доктор Нахабцев посмотрел на нее и сказал:

— У вас рак.

Они помолчали.

Волынцеву обдало сначала жаром, потом холодом, потом наступило отупение.

— Что? — переспросила она.

— Рак,— сказал он.— Но все управляемо, у нас масса времени и возможностей.

Эпизод третий

По дороге от доктора она вспомнила фильм с Джонни Деппом, который смотрела когда-то. Ему вот так же объявили, и он ударился во все тяжкие после недолгого замешательства и приступа жалости к себе.

«А мне что делать? — тоскливо думала Волынцева.— Нажраться? Тупо. Лучше я поеду домой и сделаю что-нибудь эдакое. И не просто эдакое, а блюд этак пять. Все, что люблю, и наемся. Потом посплю, а потом уже буду страдать».

Она позвонила на работу и сказала, что не вернется.

— Конечно,— ответили на работе.

Вот им все равно, что со мной. Или нет? Да хрен с ними.

Дома она сделала солянку, котлеты, селедку под шубой, испекла пирог с брусникой и что-то еще,

наверное, сделала. А, ну конечно: салат оливье. Она сидела, пила вино, смотрела на стол и сказала:

— Ну, с Новым годом, блядь!

И тут все было настоящее, даже слова. Все натуральное, сделанное руками, материальное. Помолчала. Поставила «Болеро» Равеля, представила танцора. Доктора Нахабцева. Стало весело.

Рак. Вспомнила она. Рак. Рак. Рак.

Представила себя исхудавшую, лысую, грустную, с потухшим взглядом.

Нет, только не это. Рок. Рок. Рок.

А что?

Она решила ничего не менять, жить как жила, просто жить — и все. Каждый день. Просто жить.

Эпизод четвертый

В Петербурге было холодно. На лекции тепло, седая тетка говорила о связи мироздания и религии, сознания и космоса. Очень похожа на ту старушку, про которую рассказывал когда-то Бертран Рассел. Эта старушка подошла к Расселу и сказала: «Ну вот это всё, Земля, стоит на слонах, а те на черепахах». «А потом-то что, после черепах?» — спросил ее человек, видевший Ленина. «А,— ответила старушка,— вы меня не обманете — там черепахи до самого низа».

Потом были вопросы. Волынцева спросила, осознает ли человек, что болен, и почему не осознает, ведь это самое важное в сознании, и в подсознании, и в чем там еще.

Ученая дама сообщила, что информация быстрее интуиции, поэтому человек часто опаздывает.

— И потом,— продолжила она,— ну вы бы осознали вовремя, а лекарства нет. В чем польза осознания?

— Жизнь,— ответила ей Волынцева.

Подруга посмотрела на нее с недоумением.

Лекторша промолчала, пожевала губами и пожелала Волынцевой всего наилучшего.

«Я как Бертран Рассел»,— подумала Волынцева, взяла свою маленькую подружайку Нонну под руку, и они, возглавляя процессию, отправились в оперу. Ну и что, что это был балет.

В понедельник она рассказывала сослуживцам про поездку в Петербург, про впечатления и ловила себя на ощущении, что ничего не чувствует. Чувства поменялись. Все стало пластиковым, ненастоящим, даже звуки. Они как будто шли не напрямую. «Надо же как меня шарахнуло»,— подумала Волынцева.

Эпизод пятый

Прошло месяца три. Волынцева вполне адаптировалась, одомашнила проблему, включила ее в свою обычную жизнь, и рак стал обычным явлением. Как все прочие. Она увлеклась самбой или чем-то таким же. Стала ходить на занятия. Танцевала до упаду, поправилась, освоила новые блюда, привлекла новых едоков ее гастрономии, и все как-то шло хорошо.

Однажды ужинала со старым другом, тем самым, который не любил ее стряпню,— бывают и такие! Они сидели в его любимом ресторане, она ела, терпела и хвалила. И вдруг он сказал: «Метастазы». Применил он это слово, описывая состояние общества, ибо был культурологом или кинокритиком, черт их теперь разберет, столько специализаций.

— Метастазы,— говорил он,— проникают незримо, бессимптомно в институты общества и убивают их ласково, не больно. И общество не понимает причину своей болезни или гибели. Хворает, хворает — и непонятно отчего.

И долго еще говорил про Рим, он был образованный очень.

«Метастазы» — эхо долго билось у нее в мозгу. Что говорил доктор Нахабцев про метастазы? Она не помнила. Погрустнела.

Петр Эдуардович, ее собеседник, так его звали, продолжал красиво рассказывать, как он ездил недавно в Зальцбург на фестиваль, а она была уже далеко.

Метастазы. Вот. Она чего-то неправильно поняла, что ли?

Ужин закончился, друг был мил, отвез домой, проводил, поднялся и уехал. Прощаясь, спросил:

— У тебя все хорошо? Ты какая-то странная.

— Да-да, спасибо, все отлично, было много работы,— отбилась она и закрыла дверь.

Эпизод шестой

— Да, моя дорогая, метастазы,— доктор Нахабцев по-прежнему, как и раньше, молодой, розовощекий нахал, теперь раздражал Волынцеву страшно.— Метастазы. Об этом мы и будем говорить, для этого делали зондирование тела, МРТ всякие. Так вот, метастазы есть, немного, но есть, и поэтому надо планировать радиотерапию. Месяца на два снизить рабочий график, лучше вообще взять отпуск.

— И что дальше? — спросила она

— Будем делать, потом смотреть на результаты.

— Какова вероятность, что это пройдет? Хотя бы остановится.

— Ну, в нас всегда одна и та же вероятность: либо да, либо нет,— сказал он. И добавил: — Нервничать не стоит. Еще много ступеней защиты — например химиотерапия. При удачном стечении помогает. Или вот иммунотерапия делает большие успехи. Впрочем, об этом рано.

Ей было нехорошо.

— Я пришлю график,— сказал доктор.— При следующей встрече согласуем. Мой совет — не тянуть с процедурой.

— Хорошо,— сказала она,— присылайте.

Выйдя, она едва не упала под небывалым нажимом панической атаки.

Она позвонила на работу, сказала, что сегодня не придет.

— Конечно,— ответили там.

Она поехала на ипподром. Ни разу в жизни не была там. Никого не знала. Просто смотрела на людей. Живых. Со страстями и нуждами. И ей не полегчало. «Так и с ума сойти недолго»,— подумала Волынцева и снова не заплакала.

Эпизод седьмой

В следующие недели она много встречалась с людьми, которых знала, как ей казалось, хорошо. Она смотрела на них другими глазами. Как будто рак убрал все лишнее. Он стер неглавное. Одних отсутствие неглавного меняло до неузнаваемости, другие выглядели без наносного гораздо лучше, но в целом — эффект глубокой осени после буйного лета. Голо, пустынно.

А все-таки правильно, что мозг наш не осознает наличия метастаз. Нет, не так. Он не отдает отчета в этом: осознает или нет — мы не знаем.

Откуда у меня такие мысли? Я же простая старая больная тетка — и всё. И всё.

Эпизод восьмой

Новый год. Елки. «Щелкунчик» в Большом. Дикие цены. Ужасная публика. Четвертый состав. Так ей казалось.

Подружка Нонна уговорила поехать в Новгород. Она зачем-то согласилась. Притащила еще кого-то. В общем, огромной компанией потащились.

Стоял мороз. Было весело. Бодро. Позвонил ее фитнес-тренер, которому ей удалось навязать смотреть за кошками. Отчитался, что все хорошо, спросил, не надо ли чего к ее приезду сделать.

— Да хоть кошек сохрани в целости, будет здорово. Приеду — накормлю тебя чем-нибудь новгородским. Посмотрю тут рецепты.

— Ладно, пока,— он отключился.

Вот странный тип. Чего ему от меня надо кроме нещадной эксплуатации с моей стороны?

Ей было хорошо.

Эпизод девятый

Доктор Нахабцев смотрел на нее ошарашенно на очередном приеме.

— Стойкая ремиссия, моя дорогая. Редко, но случается. Развитие остановилось. Нет репликации. Все хорошо. Встречаемся через шесть месяцев, не раньше, я надеюсь.

— Вы уверены, что можно так надолго меня отпускать?

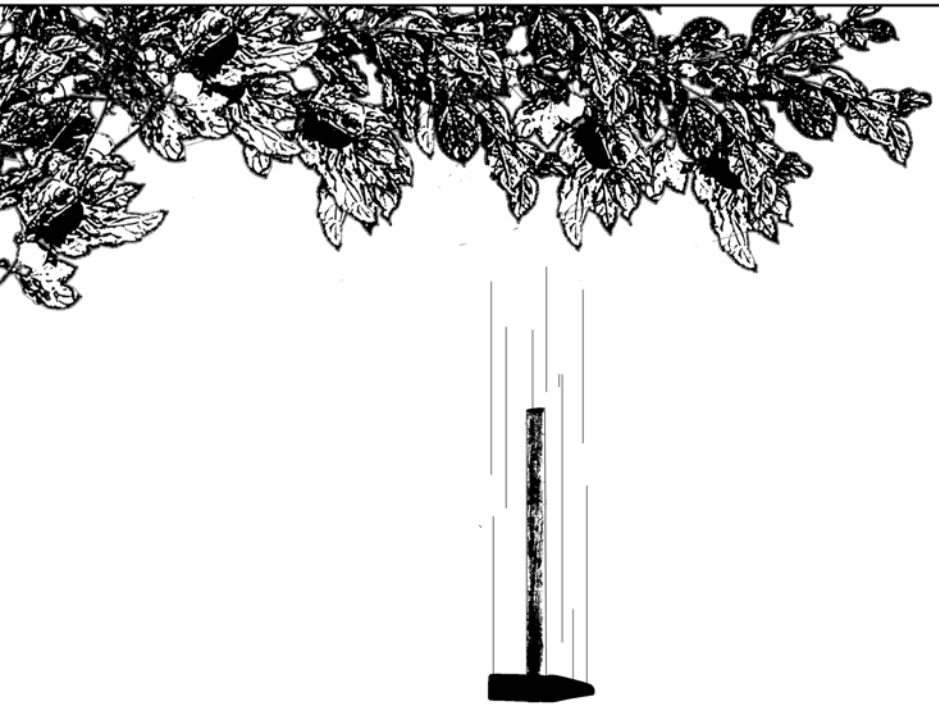
— Да, вполне, если что — вы почувствуете.

«Да уж,— подумала Волынцева,— Говорят ведь, что не чувствуем. Да и пошло оно всё».

Она танцевала. Танцевала во сне. Все было, как всегда. Она не сдалась. Жила обычно. Безумно.

Любители

Ум способен видеть вещи не такими, каковы они есть, а такими, какими они должны быть.

Иммануил Кант

Если кто-то не знает, что он не знает,— беги от него.

Конфуций

Наивность и недостаток знаний в управлении ведут к путанице и хаосу, так как те, кто не понимают природы вещей, неспособны вести других.

Томас Гоббс

Умный

Станислав был умным. И, как следствие, ленивым. Ибо лень — ограничитель прогресса. Если бы умные были энтузиастами, мир погряз бы в непрерывном потоке противоречивых концепций, изобретений и ошибок. Ошибки — вот главное, от чего уберегает лень. Она

стабилизирует эволюционный процесс, и он идет без сучка и задоринки. Не вовлекает ненужного и не беспокоит неумных.

Вот неумные — они не ленивые, ведь они не знают, что неумные. А еще есть хитрые. Ну ладно, про хитрых потом.

Так вот, Станислав был умным, а не хитрым.

Но это не помогало.

Ум помогал не сильно, только запутывал и отдалял. Он мешал Станиславу видеть ситуации в реальном свете. Он искажал, домысливал за других, ведь они не могли быть такими тупыми. И это была главная ошибка, которую он повторял раз за разом на протяжении всей жизни.

Станислав усложнял, потом сам решал, выпутывался, врал, то есть придумывал выходы из ситуаций, в которые загонял его ум.

Вот и теперь он сидел в такой ситуации, из которой выход еще не просматривался, но должен был быть. Так он считал.

Завод

Станислав работал в настоящее время директором завода абразивных материалов. Работал недавно. Станислава позвал на это место его старый знакомый Первухин, который был владельцем завода и еще, наверное, ста других.

Они знали друг друга со студенчества. Были когда-то студентами и они тоже. Так вот Первухин был у них старостой, краснобаем и сильно себе на уме. Теперь магнат, девелопер и визионер. Лопается от гордого снобизма. Всегда в хорошем настроении.

Встретились у общих знакомых, выпили, вспомнили, выпили еще, и Первухин сказал: чего ты, мол, прозябаешь в своем институте имени нашей прикладной химии, иди ко мне работать.

Станислав к этому моменту был хорошо поддатый, настроение было прекрасное, вечер обещал могучее продолжение, и он согласился. И даже без условий. Такой он был человек. Или алкоголь был такой. Никто не знает.

И вот он работает уже второй год. Большой кабинет, большая зарплата, акционер доволен. Все прекрасно.

Шельма

Подводным камнем оказалась Серафима Павловна. Главный бухгалтер. Взрослая. Рослая. Крепкая. Активная. Она была для предприятия практически всем. И она была хитрая.

Станислав с такими не сталкивался и поэтому долго пребывал в красивых иллюзиях, рисовавших главбуха тонкой, ироничной и всезнающей. Надежная опора, сказал ему Первухин. И даже не подмигнул. А ведь мог бы. Предупредить. Но не захотел. Или желал посмотреть, как она будет Станислава пережевывать. И теперь было на что посмотреть.

Станислав был в шаге от тюрьмы или чего похуже. Хотя для умного человека что может быть хуже тюрьмы.

Серафима Павловна сидела напротив него в его кабинете и рассказывала ему, что они вместе уже целый год выполняют контракты, подписанные с фирмой-однодневкой. Эта фирма не платит им весь год. А теперь подала на банкротство. Вот такие дела.

— Что будем делать, Станислав? — спросила она, улыбаясь.— Ты скажешь владельцу или я? Ибо не будет не только прибыли в этом году, но я не вижу, как нам самим не обанкротиться.

— Я сам поговорю с Первухиным,— ответил ей Станислав.— Завтра продолжим этот разговор.

Он отвернулся. Она вышла. Когда дверь за ее пышным телом закрылась, Станислав беззвучно заорал. Прооравшись, написал Первухину, что им надо встретиться. Потом написал еще одному адресату и поехал к нему.

Полковник

Почти у каждого есть свой знакомый человек из органов. Неважно из каких, но есть. У Станислава был такой знакомый. Хороший. Из конторы — и целый полковник.

Они встретились в кафе, где всегда. Хороший кофе и булочки. Что еще надо для разговора. А нет. Еще нужно доброжелательное внимание. Оно было. Вроде было. Как и всегда.

Он выслушал. Потом сказал. Что понятно ему, что Станислав крайним выбран. Все это не случайно. Кто главный, он пока не понимает. Попробует узнать, кто стоит за фирмой-однодневкой. Спросил, почему Станислав не проверил контрагента. Станислав пожал плечами: договор заключили за неделю до его прихода. Он не въехал.

— А теперь въехал? — засмеялся старый товарищ.— Долгая будет дорога. Первухин не мог тебя подставить? Специально?

— Не знаю, думаю — нет. Хотя… На кого мне думать?

— Ну, Серафима эта — первый кандидат. Таких историй, как твоя,— тысячи. Как, думаешь, появляются миллиардеры? — полковник опять засмеялся.

— Я сейчас со своим как раз встречаюсь.

— Не вздумай ему рассказывать все как есть. Придумай другую историю. Сдай Серафиму, на ху-

дой конец. Если они вместе — это озадачит. Скажи, что написал на нее в прокуратуру. Что-нибудь такое.

— Ладно, попробую. Напиши, как будет что-то на фирму эту.

Миллиардер

Первухин слушал и выглядел скорее озадаченным, чем знающим.

— Кто еще знает? — спросил.

— Это надо Серафиму Павловну спрашивать. Я никому не говорил.

— Понятно. Ты вот что. Ты пока давай включай свою лень на полную катушку. По твоей теории — она спасает все человечество. Ну вот. Прикройся ею — и на больничный. Прям сейчас. А я разберусь пока что да как. Да и давай повременим с обращением в прокуратуру. Я тебя прошу.

— Как скажешь. Но я бы отзывать обращение не стал.

— Знаю. Я и не говорю, что не надо. Но давай не сегодня.

— Ладно. Давай не сегодня. Ну, я к врачу. Что-то мой желчный пузырь переполнился. Опять.

— Давай. И не высовывайся.

— Ладно.

Когда он вышел от Первухина, был уже вечер. Он зашел в магазин. Купил виски. «Чивас». Болеть так болеть. И поехал домой.

Крепкий

Первухин позвонил. Сказал, чтобы приехала завтра с утра. Серафима позвонила Крепкому. Рассказала. Он сказал, что заедет.

Серафима жила за городом в коттеджном поселке на Калужском шоссе. Жила одна. Был еще сторож и приходила домработница. Дети выросли, муж умер. Такие дела. Она была деятельной и считала себя умной.

Крепкий приехал через два часа. Он был владельцем той самой фирмы-однодневки. Именно его привлекла Серафима для исполнения своей аферы. Крепкий был бандитом средней руки, с ним ее познакомил покойный муж. Он с радостью согласился, когда она его позвала и предложила свой план. Он регистрирует новое или берет старое предприятие, торговое, например, она заключает с ним контракт, отгружает продукцию, фирму банкротят — и вуаля.

Он не знал, что такое вуаля, а остальное ему нравилось. Да, Серафима Павловна ему нравилась. Но он на всякий случай все рассказал куратору. Куратор дал добро.

Луценко

Луценко был такой же, как Первухин, только хитрее. Он решил «покачать» Первухина. Проверить оборону противника. Они занимались одним и тем же, и бывало тесновато в их сегменте добычи и продажи коммодитиз.

И потом — Луценко был шебутной. Желал все время заморочиться. Вот и заморочился. Теперь он уже не очень понимал, как попал в эти дворы. Ситуация с заводом, который он покупал через подставных, уже не радовала и не казалась такой красивой.

Директор накатал в прокуратуру. Те зашевелились. Все шло по плану, но не нравилось ему что-то, и всё тут. Прокурорские пытаются сейчас выполнить сшивку руководителей фирмы-однодневки с Перву-

хиным, но получается это у них криво, директор мешает, хотя Серафима обещала, что не будет. В общем, как-то все не так.

Первухин

Тем самым куратором Крепкого оказался полковник. И с Первухиным они были знакомы: деловые связи. Полковник рассказал, что однодневка — Крепкого. А тот работает на Серафиму. Но надо бы посмотреть, кто там дальше.

Решили немного пугануть Серафиму и посмотреть, к кому она поедет. Она поехала к Луценко.

И вот опять Первухин и Луценко как в первый раз бьются за заводы. Как там у Дюма было — двадцать лет спустя? Вот типа того.

Первухин попросил полковника записать, если получится, конечно, встречу Крепкого с Луценко, как они там с долгами его завода решать будут. Полковник обещал подумать. Потом они договорились больше не видеться до конца истории.

— Если конец у нее будет, конечно,— смеясь, сказал Первухин.

— А как быть со Станиславом? — вдруг, как бы вспомнив, спросил полковник.

— Там видно будет,— ответил Первухин.

Разъехались.

Серафима

— Станислав, это Крепкий,— сказала Серафима Павловна, представляя ему крепкого мужчину с трудной судьбой.— Он директор той самой фирмы, которая нам не платит.

Станислав посмотрел на них недоуменно.

— И что?

— Он сообщил мне только что: так как мы не поставляем товар, поэтому они и не платят. Мало того, они обращаются в арбитраж, хотят денег за непоставленный товар, неустойки и упущенную выгоду,— сказала Серафима, делая большие глаза.

— О как! — сказал Станислав.— У нас что — нет накладных? Договор с перевозчиком где? Что происходит?

— У нас нет никаких доказательств.

— Продукция отгружалась?

— Отгружалась.

— Акты есть?

— Есть. Но актов приемки фирмой Крепкого нет ни одного.

— Да,— сказал Крепкий.— Поэтому я и заехал предупредить Серафиму Павловну и вас, что мы подаем в суд. Полтора года — и ни одной поставки. Похоже, товар уходил налево.

Серафима улыбнулась.

— Спасибо, что зашли,— сказал Станислав.— Всего хорошего.

Итак

Итак, есть уголовное дело о краже продукции завода неустановленной группой лиц. Есть запись разговора Крепкого и Луценко по поводу того, сколько будет стоить обвинение Первухина в краже продукции своего завода, дабы не платить дивиденды акционерам и налоги государству. В результате этого разговора, кстати, встал вопрос о будущем Серафимы Павловны, но решен не был.

Есть план Первухина обвинить Луценко в недобросовестной конкуренции и краже продукции завода в составе группы. ОПГ просматривается.

Есть голодные полковники и следователи, жаждущие звезд. Или наоборот, или все вместе. В общем, каша. Сброд. Содом.

Больной

Станислав болел. Один раз встретился с Первухиным. Один раз с полковником. Один раз с Серафимой и Крепким. Серафима, сука, подловила.

Он болел и размышлял. Лень помогла увидеть поляну. И увидеть единственный выход. Вернее, два. Он может убить себя или убить Серафиму. Третьего не дано. В противном случае он по-любому сядет. Такие времена. Полковник его четко предупредил.

И еще полковник сказал:

— Первухину не верь, я знаю его давно и хорошо. Он вытаскивать тебя не будет, а использовать будет — до конца. Так устроен этот мир.

Станислав понял.

— А Луценко? — наивно спросил он.

— Как Первухин,— ответил полковник.— Если сделаешь связку Серафима — Луценко, я тебя прикрою. Если уедешь. Если не уедешь — не прикрою.

Полковник допивал свой кофе и глядел на тарелку, где лежал круассан.

— Ты же понимаешь,— сказал он,— они будут — и Луценко, и Первухин. Так или иначе, но будут. А вот ты — это вопрос. Въезжаешь, умник?

Вышли на улицу. Весна. Красота. Тепло.

— Ну, будь здоров,— сказал полковник.

Станислав молча кивнул, он был далеко.

Конец

Когда Серафимы Павловны не стало, уголовное дело закрыли. Осталась проверка в отношении директора. Но Станислава не нашли, по повесткам он не являлся, на звонки не отвечал, а в розыск объявлять не стали.

Были частные определения в адрес акционеров абразивного завода. Штрафы были выписаны и уплачены. Луценко и Первухин по-прежнему встречаются на всевозможных форумах и в местах отдыха. Таких, как они оба любят.

Станислав

После встречи с полковником отправился домой, в свою квартиру. Тихую, удобную. Три дня пил. С Сартром. Ну, ему так казалось. Или хотелось.

На четвертый день поехал вечером по Калужскому шоссе. Долго сидел в кустах у дома Серафимы Павловны. Когда она запарковалась и вышла из машины, спокойно подошел сзади и ударил несколько раз молотком по голове. Проверил пульс. Огляделся. Светлее не стало. Прошел пешком до шоссе. Сел в автобус. Потом в самолет.

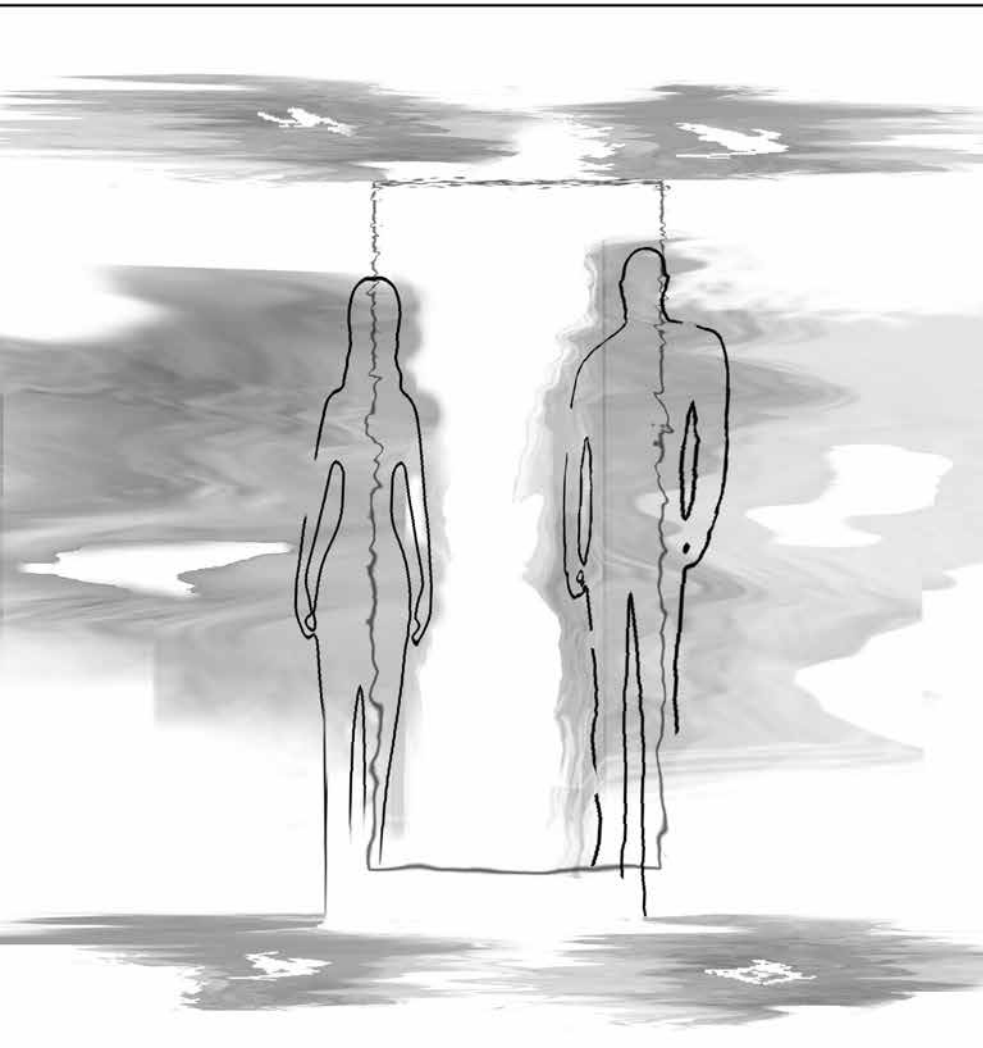
Теперь, сидя у синего моря, все время думает, почему так сделал, и понимает, что не мог поступить иначе. Шельма она, шельма, повторяет он.

Интеллектуал тем больше интеллектуал, чем меньше в нем чувств. Не чувствительности, а сопереживания человеческого. Он быстр на оценки и выводы так же, как и его мысль. Он сострадателен, но максимально абстрактно. Так думал он тогда, в квартире, в поисках молотка. Ведь был же где-то у него в доме молоток. Не мог не быть.

По ночам он продолжает его искать.

ТРУПНЫЕ ПЯТНА БУДУЩЕГО

Он был недостаточно умен, чтобы иметь врагов.

Оскар Уайльд

Эпизод первый

Утро было обычным, скучным. Николай медленно открыл глаза, потянулся в кровати, глядя в потолок, и сел. Что-то вчерашнее занозой торчало в нем. Он сразу почувствовал это — неприятное, вносящее дискомфорт.

Вот черт, что это было?

Он вчера бухал со старыми друзьями. Они ходили в бар. Их старый бар был жив до сих пор, и это наполняло их компанию стабильностью. Выпили много, говорили много, смеялись много. Но помнил он мало. Так всегда бывало с ним. Он путешествовал по памяти, не помня зла. Алкоголь переводил его в какое-то другое состояние, состояние не себя.

На следующий день он мучительно вспоминал, вспоминал, но удавалось это редко. Да и то это были бессвязные обрывки. Он спрашивал друзей, но они ничего необычного не говорили. Посидели, потом

разошлись, вот и все воспоминания, ничего необычного.

Но он знал: было что-то еще. Нет, не знал, чувствовал и очень хотел проникнуть в это «что-то еще».

Эпизод второй

В той параллельной жизни, как она ему казалась, он ходил по подземным катакомбам с картой в поисках сокровищ. Так он помнил один и тот же сон. Когда мог вспомнить утром хоть что-то.

Он бродил и бродил по одному, похожему на другие, месту. И сон обрывался всегда от стука в дверь. Но в действительности никто не стучал. Да и двери деревянной не было. Стук ему снился.

И вот однажды он нашел. Подвернулся случай. Вернее, он сам все это устроил. Тренировался не просыпаться после стука. И получилось.

Николай открыл дверь. Там стояла очень взрослая женщина с короткими седыми волосами, в руках у нее был пакет.

— Держи,— и она протянула пакет.

Он уставился на нее. В эту секунду она повернулась и ушла. Осталось только эхо. Николаааааай. И смех. Совсем еще не старой женщины.

На пакете была надпись: «Расширение сознания». Абсурд, подумал он, и сунул в пакет руку. Там было что-то теплое и липкое. Это что-то оставляло пятна. Вот они — на руках и штанах, о которые он пытался их оттереть. Да, круто тут за стуком, подумал он.

Повернувшись, он не узнал своей квартиры. Все было завалено книгами, картами, схемами, каким-то еще барахлом. Все это было бумажное. Он давно не читал бумажных книг. Ему нравилось их слушать. Теперь тут везде были полки с книгами. От пола до потолка. Стол, заваленный исписанными листка-

ми бумаги, остатками еды и кружками с недопитым то ли кофе, то ли чаем. Круто!

Николай взял один из листков. «План эвакуации при пожаре» — было написано на нем. О как! Я что, пожарный?

Эпизод третий

Зазвонил телефон. Он был красный. Телефон. С большим диском с цифрами посередине. Николай снял трубку.

— Это четырнадцатый. У нас ЧП. По протоколу ждем вашего прибытия. Как поняли?

— Понял,— ответил Николай.

— Машина внизу,— сказала трубка и отключилась.

— [redacted],— подумал он.— Я начальник, что ли?

Он спустился. У подъезда стояла черная «Волга». Он такие в кино видел. Он открыл дверь, там сидел человек.

— Садитесь назад,— сказал он.

Николай пожал плечами и открыл следующую дверь. Там было уютно. Старые машины теплые, подумал он, домашние.

Машина дернулась, и они понеслись. Петляли, разворачивались и снова неслись. Сигналили. Резко тормозили. Потом приехали.

— Выходите,— сказал человек.— Мы поедем за другими членами комиссии.

Николай вышел. Он стоял теперь на краю кратера вулкана, как ему показалось. Много прожаренной почвы и оплавленных камней.

— Что это? — вслух подумал он.

— А вот прилетело,— ответил человек в каске и форме пожарного.— Космос или что другое. Я не знаю. Вам решать,— и человек ушел.

Николай хотел спросить, почему ему решать, но передумал. Он же не глупый. Он понимает.

Дальше было много безумных диалогов с подъезжающими членами комиссии. Долгих и пустых. Он запомнил один.

— Сколько у нас времени? — бодро спросил очередной выгруженный член комиссии, после того как «Волга» отъехала.

— До чего? — спросил Николай

— Не будьте глупцом.— ответил член.— До следующего удара.

— А это удар?

— А что это, по-вашему?

— Ну, я не знаю, может быть, метеорит.

— Вы хуже, чем кажетесь,— сказал вновь прибывший и пошел к другим.

Николай посмотрел ему в спину. Она не терпела сомнений.

Эпизод четвертый

Заседание комиссии длилось долго. Ничего не решили. Наметили продолжить завтра.

— Сограждан пока извещать не будем,— говорили они.— Мы же не знаем, с чем имеем дело, поэтому и извещать не о чем.

— Логично,— подумал Николай, возвернутый обратно в квартиру.

Он поискал еды. Ее не было. Все-таки это мир Стругацких, я сплю в их декорациях. Ну разве так можно. Зачем мне это все? Он не знал. Он чувствовал: есть что-то. Но почему он не в «Матрице», например. Почему обязательно в «Миллиарде лет до конца света». Он же никогда не хотел быть ученым и сверлить дыры в пространстве. Он гуманитарий. Он алкоголик. И все. И [redacted] уже наконец.

Эпизод пятый

Утром появился Феоктистов.

— Ну что, старик, ты уже понял, откуда дыра?

— Ничего я не понял, закрой дверь, пожалуйста,— попросил Николай.

— Ну как же ты, сообразительный, не понял такой простой вещи,— засмеялся Феоктистов.

— Нас отвлекают?

— Ну конечно.

— А от чего?

— А вот это вопрос.

— Для тебя?

— Для тебя тоже, гуманитарий, тут воображение важнее знания.

— Хорошо, а какие пределы должны быть у воображения?

— А нет таких пределов — только ты, насколько хватит тебя самого — такие и пределы.

— Ну я не знаю,— пожал плечами Николай.

— А тут и знать нечего: начинай воображать и вообрази, я в тебя верю, старик.

Эпизод шестой

Надо сказать, что обращение «старик» нравилось не всем. Особенно молодым без иллюзий. Оно было допотопным — и потому теплым и уютным, как «Волга».

Феоктистов ушел, Николай остался. Он смотрел в стену. На треснувшую штукатурку. Старый ремонт, начал воображать он, старый дом, старый мир. Столкновение не нового, но молодого с не старым, но вечным. Где тут конфликт? Это единение. Или единение — это и есть основа такого происшествия, как та дыра.

Это не взрыв, а весенняя проталина. Примета обновления.

— Ой-ой-ой, стоп,— подумал он.— Так я креститься скоро начну. Так не пойдет. Кругом ограничения. А этого быть не должно.

Впрочем, демоны коммунизма все-таки проигрывают демонам Максвелла. У этих селективность, у тех усреднение. А что такое усреднение? Это тепловая смерть. Второй закон.

— Ух ты, как я легко и играючи раскрыл тайну популяции земной,— заговорил внутренний голос Николая, не лишенный поэтической струнки.— Таким образом, те, кто следуют за Кетле, Альфред который, являются могильщиками совсем не буржуазии, а человечества. Ух ты!

Эпизод седьмой

В дверь опять постучали.

— Я сплю еще, интересно? — подумал Николай.

За дверью стояла жена. Он твердо знал, что не женат. Но из-за двери сказали: «Жена», когда он спросил: «Кто?» Чуть не спросил, чья. Но вовремя остановился. Так продолжать с женщинами было опасно. Он открыл.

Стройная, немолодая, короткая стрижка, хорошая улыбка.

— Роза,— сказала она.— Я Роза. А ты Артур?

— Нет, я Николай,— сказал он.— Вы ищете Артура?

— Нет,— сказала она.— Просто мне нравится имя Артур.

У нее был звонкий голос. Как в сказке, подумал он.

— Я из сказки,— сказала она.

— Я не знаю такой.

— Да,— легко согласилась Роза,— она еще не написана. Может быть, вы напишете?

— А какой сюжет?

— Ну, я позвонила в дверь, он открыл, я сказала, что прилетела на том, что пробило ту дырку, о которую вы мучаетесь.

— Здорово,— сказал Николай.

— Еще бы,— сказала она.

— А дальше?

— А дальше — вы. Вы же Артур?

— Пожалуй,— согласился Николай.— Если вы Роза, то я Артур.

Они засмеялись.

Покажите, что у вас тут,— сказала она.

— Смотрите,— ответил он.

Она огляделась.

— А знаете, мы как приземлились, я сразу решила, что увижу Артура.

Он кивнул.

— А вы откуда?

— Мы? — Она задумалась, потом заплакала.— Я не помню.

— Ну вот,— огорчился он.— Не плачьте, пожалуйста, а то я не выношу этого мокрого дела. Пошло, да?

— Да нет, но поработать над фразой надо.

— Я поработаю,— согласился он.

Эпизод восьмой

— А как вам кажется — тепловая смерть грозит Вселенной? — спросил он

— Нет,— ответила Роза.— Смерть и жизнь — это вы придумали, а у Вселенной нет ни того ни другого.

— А как же Большой взрыв, расширение и дыры?

— А это всё тоже вы придумали. Вселенная же не может оперировать такими понятиями. А если рассуждать в ваших терминах, то фазовые переходы — просто смена состояний, а не начало и конец.

— Это как? — не понял он.

— А так! Ваш разум не может постичь, ибо является субъектом, для него необходимы пределы, начало, конец, жизнь, смерть, а в природе это просто смена состояний химических процессов. Бессубъектность, так сказать. Вот вы существуете?

— Вроде да,— с сомнением сказал Николай в виде Артура.

— Вот! Но я сейчас улечу, и вы перестанете для меня существовать.

— Идеализм! — сказал он.— И субъективизм!

— Вам легко жить,— улыбнулась она.— Штампы заменяют мышление. Как продукты быстрого приготовления, космическая пища.

Эпизод девятый

Эти пятна. Они размножились, хаотично расположившись на книгах и бумагах.

— А, к черту,— подумал он.— Надо что-то со всем этим делать.

Сны про поиск сокровищ нравились ему теперь гораздо больше. Больше я в эту чертову «Волгу» не сяду, решил он. И рожи эти больше видеть не хочу.

Кто-то пожалел его — и он проснулся.

Он помнил Розу и ее слова про сказку. И помнил пятна. И дыру. И бесконечность. Это было странно. Такое красивое, кристально чистое и прозрачное воспоминание.

Человечество будет усреднять, нарушать законы, которые само придумало, разрушать понятия, которые ей были дороги.

Ценности — это товар политиков. Люди, как и Вселенная, движимы лишь сменой состояний. Смысл жизни — товар философов, бездомных прощелыг в начале всего и богатых советников политиков теперь. Они пишут книги и содержат содержание. Они ловцы человеческих душ. Ведь содержания нет, оно

все придуманное и нелепое, поэтому философия жизни — это абсурд. Как там у Камю: тот, кто понял, тому смешно.

О чем это я? Николай по-прежнему лежал в кровати.

Я же никогда не читал Камю, я не знаю ничего про политиков. А уж тем более про философов. Откуда это все в моей башке?

Пятна. Это всё эти проклятые пятна. Это просто [redacted].

Эпизод десятый

В дверь постучали. Пришел Феоктистов.

— Уж лучше бы Роза,— подумал Николай.— Хорошо быть ее Артуром.

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

Если бы неандертальцы выжили, возможно, мы бы жили в мире, где существовало бы несколько разумных видов, и это могло бы изменить ход истории.

Стивен Хокинг

Один

Стив смотрел на Монику и любовался. Нет, не так. Он любовался и поэтому смотрел. Нет, все-таки он смотрел, потому что привык наслаждаться ее видом.

Им достался сложный язык, который включал не только звуки-буквы, но и запахи. И образы. Такая смесь музыки и цветов. Слишком сложный, чтобы объяснить, но интуитивно понятный тем, кто пользуется. Стив Джобс, говорят, был неандертальцем. Ну, может, и не был. Кто его знает.

В общем, он смотрел. Моника повернулась к нему и сказала:

— Эти люди, ну там, где мы вчера были, опять пишут в своих пабликах или как там у них называется, что видели тарелки и пришельцев. Тебе не надоело? Что за шутки с визуализацией?

— А что? Им же нравится. Они считают нас инопланетянами. Они же не могут представить себе наличие других людей на «их» планете. Я дарю им праздник, свожу с ума и заставляю думать.

— Ну, конечно. И они думают, как нас поймать.

— Ну ладно. Ты же знаешь, что это невозможно. Мы же придумали несмешивание пространства. Если мы открываем видеоканал, они могут нас видеть. Как шторку на окне. Мы включаем свет. Притягиваем взгляды. Их летчики нас фотографируют, лунатики смотрят на нас в бинокли. Разве это не весело?

— Ты задолбал с весельем. Ты помнишь, как они, любознательные, резвились на реке Тунгуске?

— Ну помню, конечно. Было написано много книг, и экспедиций много прошло по тем местам. Хорошо, спалили немного леса.

— Но цель-то наша была не в этом.

— Ну, они нас не поняли.

— А теперь поймут?

— Я просто хочу, чтобы тема была в повестке, чтобы они не расслаблялись,— Стив засмеялся.

— Да. А тебе не кажется, что они наконец сложат два и два и найдут формулу перехода. И что тогда?

— Да как? Для этого надо быть одним из нас. Мозги другие совсем. Ты же читала отчеты.

— Но за 50 тысяч лет даже методом перебора уже пора.

— Ну видишь — пока всё никак. Кроме обгорелых непонятно чьих тел, снимков непонятных летающих объектов и вздохов в радиоэфире. И потом, тебе же самой было скучно и ты хотела на концерт в Бирмингем.

— Да, я хотела. Наверное, не выспалась. Извини. Ну их всех к черту. Мы злые, мы жестокие. И мы одиноки. Ну, отчасти. Сколько нас?

— Всего? Тысяч пятьдесят, я думаю.

— Столько было давно. Многие ушли.

— Вырождение — наш бич. Но мы держим мутации под контролем. И все-таки один неверный шаг…

— Эмоция. Вся проблема в этом. Мы же хотели спасти этих карликов на островах. А чем кончилось?

— Любовь не кончается.

— Ну да, ну да, это же твои предки научили их всяким пиршествам любовных утех.

— Опять поругаемся.

— Да отчего же?

— А Орда? Разве это не мы — воплощение духа черных воинов. А Ганнибал?

— Да они посмотри что сделали из кибернетики,— Стив опять засмеялся.

— Да, «Твиттер» придумали вместо лечения рака или хотя бы насморка.

— Мы злые? Или справедливые?

— Мы никакие. Мы чужие. Нас нет.

— Ну, начинается. А почему ты хочешь, чтобы я звал тебя Моника? — Стив заржал.

— Наверно, потому, что я зову тебя Стив.

Вот так начинается новый день в их пещере, как представляют ее люди. А на самом деле — в прекрасно сохранившемся доме в городе Помпеи. Вулканы меняют течение времени. Толкин это понимал.

Два

— Вчера опять была активность внеземных сил,— полковник Дворников смотрел на помощника президента. Помощник смотрел в окно в сторону мемориала Линкольну. Впрочем, ему его не было видно, но представить-то он мог. А инопланетян — не мог. А вот полковник мог.

— Джордж, я вам говорю, я сам летал и видел. Сначала стробоскопы этих музыкантов со стадиона светили в небо, а когда погасли, там были они. Я летал. Я видел.

— Ну хорошо, Павел. От меня-то вы чего хотите? — голова помощника раскалывалась, видно, менялась погода, и ему хотелось, чтобы полковник ушел.

— Я хочу доклад президенту.

— Хорошо, я поговорю.

— Нет, я хочу сам.

— Хорошо, я поговорю.

— Я хочу сейчас.

— Хорошо.

Помощник нажимает кнопку:

— Клер, как у него настроение?

— Ужасное, никого не может видеть.

— Что так?

— Инопланетяне.

— Серьезно?

— Ну да. Смотрел сводку, увидел, что опять были, и прям сам не свой сделался. Позвал начальников штабов.

— О как!

— У нас все серьезно, ты же знаешь.

— Ладно, отключаюсь.

— Ага.

— Вот видите,— Джордж обернулся к Дворникову.— Президент уже в курсе и принимает меры. Можете присоединиться к своему начальству и биться в унисон.

Дворников вышел.

Какой же мудак этот полковник, подумал помощник.

Этот нелепый помощник приведет нас на плаху, думал полковник.

Хорошо то, что они думали. Все остальное плохо. Содержание осмысления. Сапиенс. Но ведь хомо.

Три

Максим сидел в палисаднике на лужайке дома в Нью-Джерси. Нет, не сидел, стоял — делал барбекю, как положено, и пил вино. Он смотрел на стейки и думал о Набокове. Ну, там, про неуклюжее детство. Зима и теплая одежда. Валенки, шуба, шапка. Под шапкой платок.

Нет, не так. Он думал, как бы думал Набоков, если был бы сейчас как он. Про деда и Лиговку. И про все хорошее. Теплое, нежное. Красного вина надо много, тогда и воспоминания будут легкими и приятными.

К черту всю эту довлатовщину. Максим потушил горелку, сложил прожаренные куски на тарелку. Взял бутылку и пошел к столу.

Они ждали его. Они кричали. Они радовались. Они не знали, как он далеко. Как он хотел когда-то двигаться. А теперь не хочет. Он хочет просто жить и чтобы их не было. Если они прям сейчас уйдут, то он будет счастлив. Но так не бывает. Они не уходили. Долго. Он страдал, и с ним вся Лиговка.

Четыре

— Все-таки надо доломать им структуру управления, а то они так еще тысячу лет телиться будут.

Тот, кого Моника называла Стивом, говорил со старым неандертальцем, прилетевшим к ним для обмена мнениями.

Скорее это был обмен мнениями между поколениями, нежели между сотрудниками. В понимании сапиенсов они не работали. Они просто жили. И жили минимум по тысяче лет. Поэтому справлялись малой популяцией, и даже из заблудшей овцы путем плановых мутаций лет через пятьсот получался гений.

Вот это межпоколенческие проблемы и рождало, ибо память менять было запрещено, стирать запре-

щено, и неандерталец мог детально осознать, какой он раньше был мудак. Ну, в общем, все как у людей. У сапиенсов.

Прилетевшего звали Зигмунд, Моника его не любила и звала Сильвестром. А кто его звал Зигмундом, те, наверное, теперь были далеко.

— Доламывать не строить, — ответил Зигмунд-Сильвестр. — Но другого варианта действительно вроде бы нет. Что предлагаешь конкретно?

— Как мы много раз уже делали. Убираем ценности. Они ищут их и за это время совершают технологический рывок, ибо мозги заняты этикой, и инженеры могут спокойно работать, лишенные нагрузки общественных страхов, что прогресс идет слишком быстро. Подкинем им пару новых ключей. Инженеры их увидят когда-нибудь — постараемся, чтоб увидели побыстрее. И тогда они, может быть, двинут на Марс или куда еще. Страх вернется, но капкан уже захлопнется позади новой эры. Вот так примерно.

— Мудрено все у тебя, — усмехнулся Зигмунд-Сильвестр. — Ну ладно, я не против, хотя в наше время действовали проще.

— Это когда Возрождение закрутили? Медленно и печально.

— Да иди ты в жопу, и Моника твоя. Мы — неандертальцы, нам все по плечу. Мы хотели помягче, а оно видишь как вышло.

— Вижу, и теперь все сначала, опять Возрождение.

— Ну и что? Мозг сапиенса цикличен, они любят повторы. Думают, что на верном пути. Спираль и все такое.

— Все-таки повезло нам тогда, когда те пришельцы объяснили нам, как устроена Вселенная. Они же смогли объяснить. Почему мы не можем?

— Наверно, мы другие, но слишком близкие все-таки для таких решений.

— Да, — согласился Стив, — слишком близкие.

Пять

Дворников думал, кому позвонить: Китай или Россия. Может, они что-то знают. Или они это и вертят всё. Столкнулись уже с этими пришельцами, пугают, запутывают. А если нет? Попаду впросак. Свои отымеют дурака. И фамилия у меня неподходящая. Эх, бодливой корове бог рогов не дал. Так, кажется, мы, русские, говорим. Я же русский. Я русский. Значит, звоню русским. Родичам.

Помощник президента читал распечатку разговора Дворникова с русским атташе по имени Максим. Дворников мямлил, мифический Максим молчал. А потом сказал, что им это неинтересно, а если он страдает от ностальгии, то пусть едет в Москву, а не придумывает пришельцев и не пудрит ими мозги. Потом они вежливо попрощались.

О как, подумал помощник и закрыл папку.

Шесть

Все-таки очень трудно с ними. Вроде мы все тут хомо, ну, родственники в общем, а получается коммуникация плохо. Может, надо переходить на каналы до языка. Моника в том специалист. Трансляция. Как там они это называли недавно? Оранжевые революции? А ведь были у них ребята, которые стояли рядом, но дверь так и не нашли. Получается, мы должны. Ну когда-нибудь, не завтра, конечно. Все-таки мы же вымершая ветвь эволюции. Стив засмеялся.

Да, об эволюции. Сапиенсы почему-то считают, ну большинство сапиенсов, что эволюция — это обязательно прогресс. Вектор куда-то вперед, а ведь никакого вперед нет. Эволюция — ведь это просто прохожий, потерявший что-то в темноте и шарящий

под фонарем. В смысле место под фонарем — это не вершина эволюции. Ибо вершины вообще нет.

Заглянула Моника.

— Поехали отвлечемся. Большой концерт в Гайд-парке в Лондоне. Большие звезды. Толпы народа. Все дела.

— Нет, Лондон неприемлем: холодно, дождливо. У меня начинаются фантомные боли.

— Можешь надеть скафандр. Попадешь на все обложки всех журналов. И на все сайты.

— Да брось ты, тема сейчас не так популярна.

— Вот пора подкачать, одевайся,— Моника развернулась.— Пойду найду тарелку побольше.

Семь

Максим опять что-то жарил. Опять была суббота. Он думал про этого козла Дворникова. Надо же было додуматься предлагать сотрудничество по поиску внеземных цивилизаций. Идиоты!

Он не имел в виду обычные противоречия цивилизаций. Просто он имел свою точку зрения на это все. И заключалась она в простом посыле — все игроки за столом. Нет никаких инопланетян, а есть другие ветки эволюции. Мы их не видим, считал Максим. Но то, что нам не видимо, не значит, что не существует.

Впрочем, за это Максима не все любили. Да, честно говоря, почти все не любили. Да он и сам себя не любил. Но это никак не влияло на существо дела и на эволюцию вопроса.

Восемь

Стив надел скафандр. Моника нашла тарелку. Ну в смысле визуализировала.

Оба засмеялись. Неандертальцы, что с них возьмешь. Полетели.

Лаврик

Проблема этого мира в том, что глупцы и фанатики слишком уверены в себе, а умные люди полны сомнений.

Бертран Рассел

Вступление

Память — перегной души. Встреча молодого и старого — это встреча прошедшего ужаса и ужаса еще только наступающего.

Лаврик думал постоянно о смерти. На это все наталкивало. Особенно лицезрение старости. А она теперь попадалась везде. Даже кинозвезды говорят теперь о смерти. Даже Киану Ривз признался, что думает об этом постоянно.

Они все постарели. Лаврик не хотел стареть. Он, возможно, был не против умереть, но стареть… Ему

становилось грустно. Тоска начинала подступать в область эпигастрия. Печаль брала свое. Все придуманные Лавриком боли болели вместе. Такой он был, этот Лаврик.

Нет, все не так

Лаврик был прыщавый подросток, каким и должен быть подросток. Он находил свое тело нелепым, оно все время менялось, и он не успевал привыкать, стеснялся и становился от этого еще нелепее.

Будучи созданием с воображением, он поощрял в себе раздвоение личности и выращивал мужика сорока лет, отвратительного плейбоя, работающего в сфере развлечений. То букмекером на футбольных ставках, то менеджером будущих теннисных звезд.

Лаврик круглые сутки сидел в Сети и наслаждался своей второй личностью, накачивая ее подробными знаниями по предмету, извлекая их из групповых чатов и тематических сайтов. Он также использовал семейные путешествия для получения новых образов. Магазины, выставки, матчи, другие города и страны — все шло потоком в копилку и затем на подпитку Френка.

Френк — так звали эту вторую, другую личность.

Отец

С отцом Лаврику было очень трудно. Он не мог до конца понять, почему, но тяготился, а когда того не оказывалось долго рядом — грустил. Пойми этих подростков.

Гормональные взрывы сведут с ума кого угодно. Так думал отец, глядя на Лаврика, и все ему прощал. Да и прощать было особенно нечего. Он сам себя не знает, думал отец. Один этот Френк чего стоит.

Это он когда-то в детстве подкинул Лаврику игру самому с собой. Когда грустно или одиноко и хо-

чется согреть душу. И теперь видел, что это зашло далеко. Он не вмешивался. Он про себя-то ничего не понимал, не то что про другого. Про ребенка тем более.

И чем дальше Лаврик сторонился, тем больше росла тревога.

Перегной

Лаврик научился игнорировать через сарказм и иронию. Он видел, как проявляется в нем генотип, и не боролся. Игнорировал отцовские привычки, реплики. Старался сознательно не увлекаться увлечениями отца. Вместе с тем смягчал через это самое неприятие.

Объяснять себе легче без вовлечения себя, говорил ему Френк. А он был умный, сукин сын. Именно такой партнер и нужен был Лаврику на пути.

Так думал Лаврик, так думал Френк, так думал отец.

Подруга Френка

Ее изобрела однокурсница Лаврика по колледжу прикладных наук — некая Эмма. Она была румынкой, а в этой Трансильвании всякие чудеса творились. Все поголовно были сказочниками, или Лаврику так казалось.

Однажды он рассказал Эмме про Френка, и она сказала, что и в ее голове есть нечто подобное. Но говорить не хотела об этом, а все выспрашивала про Френка. На самом деле Лаврик считал, что Эмма просто копирует. Хочет казаться более привлекательной — и добавляет загадочности. А может, просто дразнит его.

Давай их познакомим, сказала Эмма. И он сказал: давай. Он практически не умел отказывать людям, поэтому ему требовался простор для придумывания оправданий отказа. И в этот раз он переложил все на Френка.

Они встретились и стали общаться. Ребята завели им аккаунты, чтобы они сами как-то себя занимали без них. Шизофрения, скажете вы. Обычные юношеские фантазии, отвечу я.

А шизофрения — это когда к делу активно подключаются взрослые. Со своими правилами, а главное — фобиями и детскими комплексами, волочащимися за ними всю жизнь как гири. Вот и гири наконец-то выстрелили. Видите, как мы заштампованы? Ну ладно, не о нас речь.

Учеба

Лаврик учился плохо, а преподаватели говорили, что потенциал есть. Не собран, не мотивирован, не трудится. Да все это знали, и дома тоже. Очевидно, похождения с Френком интересовали его больше. Они отвлекали от насущного бытия, этого скучного, нелепого времяпрепровождения. Он не в силах был заставить себя написать домашку, хотя все понимал и мог.

Ну, кроме математики. Ее, по его мнению, вообще надо было бы отменить. Никакого проку разумному человеку. В уме считать он не мог, но калькулятор был в любом телефоне. Таблица умножения тоже была не нужна. В общем, потребности в практической математике закрывали гаджеты, а остальное — это как с плоской Землей. Зачем нам знать, что это не так? Какой практический смысл?

Переписка

Отец переписывался с Френком и Розой (ну а как еще могли звать девушку Эммы). Они звали его папой, а он не считал их двойниками. Он считал их самостоятельными личностями и вел себя с ними соответственно.

Демонстрировал им свое «я», обсуждал с ними Сартра. Почему? Никому из них это было не понятно: может быть, назло Камю. Ибо нелепость бытия была доведена у всех троих до истинного абсурда.

Они делились с ним новостями об учителях и происшествиях на вечеринках, он жаловался им, как смешно быть взрослым, когда ты совсем не взрослый. Ну, вы понимаете, друзья, говорил он, это не кокетство, а факты.

Наша историчка — идиотка, говорила Роза. Френк пересказывал разговоры с Лавриком о школе. Скучища,— цитировал Френк Лаврика и переходил к вечеринке в Монте-Карло, когда он поперся в казино и проиграл там все что было. Жаловался, что так невозможно жить.

Папа сочувственно молчал, в душе радуясь, что Френк — не Лаврик. По крайней мере, не в этот раз.

Путешествия

Однажды Френк уговорил Розу поехать с ним в Париж. Ну, он начитался тогда Хемингуэя, а у того — один Париж, пока колокола не зазвонили. Он водил ее в Лувр (а как иначе) и на Монмартр (разумеется). Они гуляли по набережным и Елисейским Полям. В общем, все, как написано.

Потом они летали с Незнайкой на Луну и почти договорились отправиться к месту затопления «Титаника», но тут какие-то суеверия включились.

Розу стало колбасить. Они поругались, Френк отступил и пошел играть в карты с шулерами в какой-то лондонский притон. Он любил притоны, разгулы, он был гением расслабления. Уж ах какой он был вертопрах, этот Френк. Чудо.

Эмма

Потом, много месяцев спустя, Эмма слила все их переписки в школьный чат, был скандал, долго выясняли, кто такие Френк и Роза и, разумеется, папа. Эмма помогла и с этим. Родители подростков долго ругались, колледж настоял на психологическом освидетельствовании. Все оказались здоровы. Хотя Юнг когда-то говорил другое. Гений, что с него возьмешь.

Потом пришлось переводить Лаврика в другую школу. А родители Эммы уговорили директора оставить ее. Ее и оставили.

Френк и Роза больше не общались между собой. И с папой тоже.

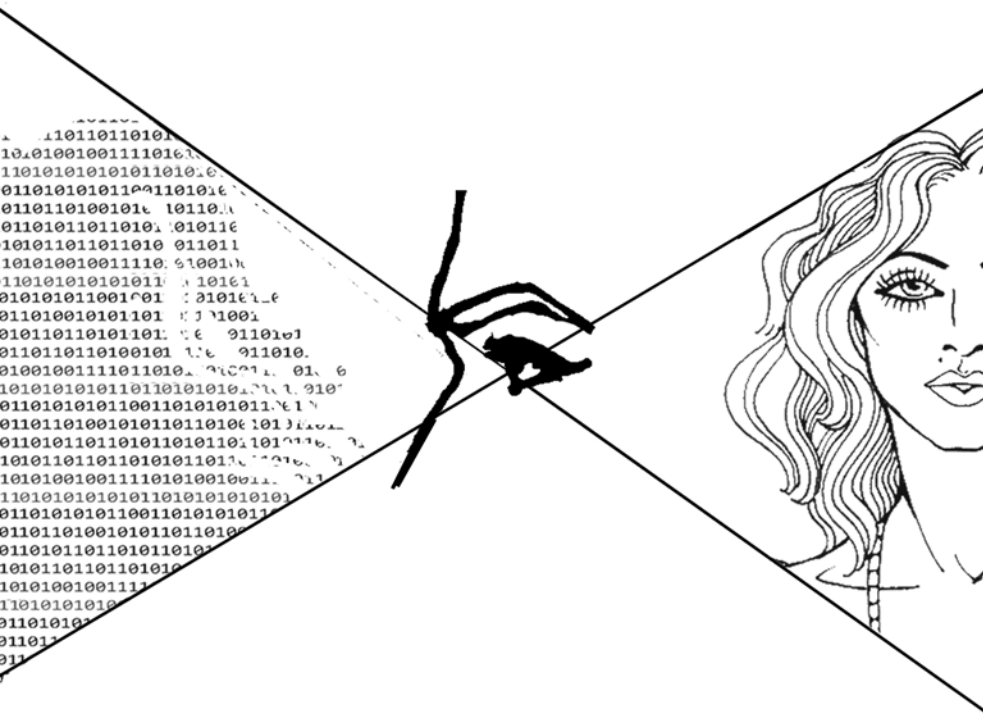
Эпилог

Лаврик и Френк пошли служить в армию. Обязательный долг. Отец решил больше не заниматься с аватарами, Эмма стала разрабатывать дополнительные личности нуждающимся подросткам, процветает в инстаграме и где-то еще.

А я пробиваюсь из мира фантазий в реальный уже много лет и все больше спрашиваю себя: а надо ли мне это «я»?

ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Медицина состоит в том, чтобы развлекать больного, пока природа не справится с болезнью. Побочные эффекты лекарств, к сожалению, развлекают не менее эффективно.

Вольтер

Единственная разница между мной и сумасшедшим — это то, что я не сумасшедший. Побочные эффекты моего искусства могут заставить думать иначе.

Сальвадор Дали

То, что нас не убивает, делает нас сильнее. Хотя побочные эффекты этой силы могут быть разрушительными.

Фридрих Ницше

Курение

Васнецов любил курить. Вот когда дым ощущается в горле, обволакивает его и слегка давит. Это ощущение трудно с чем-то сравнить. И за это любил Васнецов курево. А за утренний кашель не любил, за головную боль и вкус во рту. Побочные эффекты. Они есть у всего прекрасного, как заметили еще давно люди.

Не жди ничего хорошего — и все будет хорошо, любил говорить его друг детства Вова Шепонников. Настоящий философ был он в детстве, да и теперь, наверное. Никогда не встречались после школы, а зря.

Так вот, Васнецов любил курить. И не ждал чудес. Ему нравился процесс и не нравился результат, мы часто счастливы в процессе, но редко в результате. И нам снова хочется процесс.

Сигареты великолепно исполняют эту потребность. Вернее, заполняют, предоставляют возможность без усилий раз за разом становиться счастливым. Кто двадцать раз может, а кто и больше. Хотя теперь, наверное, меньше, ибо все хотят умереть здоровыми.

Забвение

Васнецову нравилось забвение. Это состояние, когда ты не помнишь, кто ты, где ты, зачем ты, почему ты. Нет тебя — и все. Или всего.

Забвение выветривает и улетучивает душу, а тело превращается в пустое помещение на сквозняке, промерзшее и неуютное. После такой процедуры хочется в тепло, людей, разговоров. Антизабвения. Любви. Ласки. Нежности. Всего-всего, чтобы снова почувствовать себя живым.

Для получения подобных эффектов незаменим алкоголь, изнуряющий запой открывает бездну бытия, пугает до всрачи и оставляет в этом самом забвении, на краю подоконника или заблеванного в постели. Потрясающая комбинация свинства и величия духа.

Секс

Васнецов любил секс за процесс. Он был похож на курение, но обладал большим экзистенциальным шлейфом, ибо, в отличие от сигарет, партнеры по сексу имели привычку говорить. Да еще ладно бы до секса, но самое противное было для Васнецова, что они говорили после, стирая всё предыдущее удовольствие.

Ведь человек не окурок, быстро не отделаешься. Поэтому разговоры, не дай бог — отношения. Черт ногу сломит. Тут прям очень все запутанно, сложно, обременительно.

Отношения

Это вообще пипец. Здесь побочка может стоить всей жизни. Тут только не зевай. Как говорил Жванецкий, одно неловкое движение — и вы отец. Это надо было, наверное, написать в предыдущей главе, ну вот пришло сюда, извините.

Так вот Васнецов из этих отношений не вылезал. Он боялся обидеть и потакал прихотям своих пассий. Женился, заводил детей и страдал. Ну как почему? Потому что они продолжали с ним быть, хотя он уже, как ему казалось, сделал все, что мог, и мечтал, чтобы его оставили в покое. Он не понимал, что так не бывает, что человеческие существа не такие. Они желают продолжать, без пауз и перерывов на обед.

Васнецов так не мог, и все зашкаливало. Он терпел и страдал молча, глотая невидимые миру слезы. Пять детей, четыре жены, результат, как говорится, налицо.

Работа

Тут как повезет. Физический труд дарит мозоли, умственный — головную боль, офисный — неврастению, язву желудка и несоответствие желаемого и действительного.

Васнецов был офисным планктоном, хотя это описание слишком комплиментарно к людям. Если и называть их планктоном, то планктоном с амбициями. Васнецов всегда был недоволен. Всем. Начальниками, коллегами, немногими нижестоящими. Они раздражали его. Они были тупые, ленивые и подозрительные, мечтали его подсидеть или загрузить работой.

Он тяготился их присутствием, когда видел их, и отсутствием, когда их не было рядом. Вот такой диссонанс желаний и потребностей в производственном измерении.

Отдых

У Васнецова было хобби. Ничего не делать. Ощущение, когда не надо никуда, не нужно ничего, не нужно никому (и обязательно отсутствие других живых существ), доставляло ему самое большое наслаждение в жизни. Целых пять минут. Потом он начинал тяготиться, звать кого-то, ехать куда-то, делать что-то. Тоже, знаете, нелегкий эффект. С ним трудно бороться, в смысле — он дорогостоящ в сглаживании, ибо опять ведет к отношениям, которые… Ну и так по кругу.

И тем не менее Васнецов предавался своему хобби регулярно и с большой страстью. Он блаженно смотрел в потолок и чувствовал себя счастливым. Да, он был определенно счастлив, и в этом был парадокс, ибо это состояние не было процессом, в отличие от все остальных. Оно было результатом. После него начинался какой-нибудь процесс.

Футбол

Еще после работы раз в неделю они играли в футбол. Их отдел с другим отделом. Условно. На самом деле команды не имели жесткой привязки или регламентации, кому можно быть в команде, а кому нет. Кто хотел и мог.

Игры напоминали ему детство. И здесь часто прекращение процесса расстраивало Васнецова, он во время игры попадал как бы в другую реальность, где время текло по-другому, ощущал себя вне рамок его обычного бытия. Как будто не было всей этой пустой мишуры. Условностей и обязанностей. Он чувствовал себя свободным, легким и на все способным. Он играл с полной отдачей, азартом и желанием победить.

Это был процесс, где он осознанно желал результата. Готов был отдать ради него всего себя. Ему это нравилось почти так же, как дым в горле.

Мечта

Когда он мечтал, то представлял себя на футбольной игре. Он не понимал — как, но хотелось этой лености, отъединенности от повседневности, чтобы всегда были люди вокруг, и они не надоедали.

Он хотел быть властителем дум. Творцом. Скульптором, может быть. Создавать шедевры, и чтобы всем нравилось. Такие простые тупые мечты.

Звонок

— Сергей Альбертович, это Венедиктова. Семён Израилевич просил напомнить, что вы непозволительно тянете с проектом. Я цитирую: какого черта этот Васнецов себе позволяет? Вы там разберитесь, голубушка, и доложите мне. Что там вообще у них происходит! Конец цитаты. Что будем отвечать?

— Ну вы скажите дорогому начальнику, что модель пока не очень работает, не все команды проходят, но мы стараемся, и если не к первому сроку, так ко второму сдадим точно. Слишком много непредвиденных дополнительных эффектов вылезает. Поляна плохо изученная, идем впотьмах. Ну как-то вот так. Сможете?

— Постараюсь. Но от себя скажу, что вы ленивый балбес.

— Согласен. Живу только благодаря вашей милости.

Модель

Васнецов трудился над моделью интеллекта. Она должна была распознавать желания человека по движению его глаз. И выходила сущая ерунда. Актер моделировал эмоции, а модель видела в его глазах совсем иное. Васнецов подозревал, что видела она настоящие эмоции, а не наигранные. Может, актеры были неважные или в программах было что-то не так. Разбирались. Но пока без толку.

А руководство в лице этой дуры Венедиктовой наседало. У них отчеты, премии, ордена. Все то, на что Васнецову начхать.

Оставалось одно средство — участвовать самому и без регламента. Пусть модель считывает его как есть. Ему было страшно и интересно.

Разговор

Шел третий час разговора с моделью.

— Ну а сам-то ты чего хочешь?

— Не знаю, а ты?

— Я твоя проекция в данном случае.

— Значит, ты знаешь, чего хочу я, так?

— Так.

— Зачем спрашиваешь?

— Ну я же моделирую человечность.

— Я врал тебе в ответах?

— Врал.

— Я не врал.

— Ты сам не знаешь, когда врешь.

— Значит, ты знаешь больше меня.

— Нет. Ты не осознаешь. Смотришь, но не видишь.

— А ты, значит, видишь. Ну да, стопроцентная включенность. Большой гандикап против человека.

— Тебе видней.

— Ты видишь движение нейронов у меня в мозгу?

— До этого еще далеко, я полагаю.

— Стало быть, мы врем, когда не осознаем, а не только когда осознаем.

— Не строй новых баррикад, тебе бы со старыми разобраться.

Звонок

— Что ты такое прислал? — Венедиктова была вне себя, он чувствовал это, то есть осознавал.

— Это отчет. Вы же хотели отчет.

— И что это значит?

— Это значит, что осознание — это побочный продукт работы наших органов чувств, а совсем не основной результат деятельности мозга.

— Еще раз.

— Ну смотри. Мы считали, что, повысив осознанность, мы повышаем результативность. А теперь вроде как получается, что осознанность — это лишь продукт внимания к той картинке, которая всегда существует в нашем мозгу или где там еще, и только усиливая концентрацию, мы часть ее получаем, а все остальное по-прежнему недоступно. Осознание — побочный продукт внимания. Даже еще хуже: это, возможно, побочный продукт случайного раздражения органов чувств. Боль, например,— результат, осознание — побочка.

— О как! — сказала Венедиктова.— Но я ничего не поняла.

— Читай отчет сначала. Попробуй понять то, о чем я тебе талдычу битый час.

Отчет по проекту 356421/86

«Васнецов любил курить. Вот когда дым ощущается в горле, обволакивает его и слегка давит. Это ощущение трудно с чем-то сравнить. И за это любил Васнецов курево. А за утренний кашель не любил…»

Визит

Он не ожидал. Венедиктова, роскошная женщина, стояла в дверях его кабинета. Живая, собственной персоной. Она стояла и смотрела на него. Долго. Потом закрыла дверь и сказала:

— Я поняла, что модель тебя считала против твоей воли, нет, против твоего сознания, так, наверное, точнее. Но что ты нес про осознанность?

— Что за выражения, Кларисса Павловна! — он засмеялся

— Ок. Что это нам дает?

— Мы имеем модель, которая читает по движению глаз, читает так, как мы себя читать не можем, не то что других.

— И?

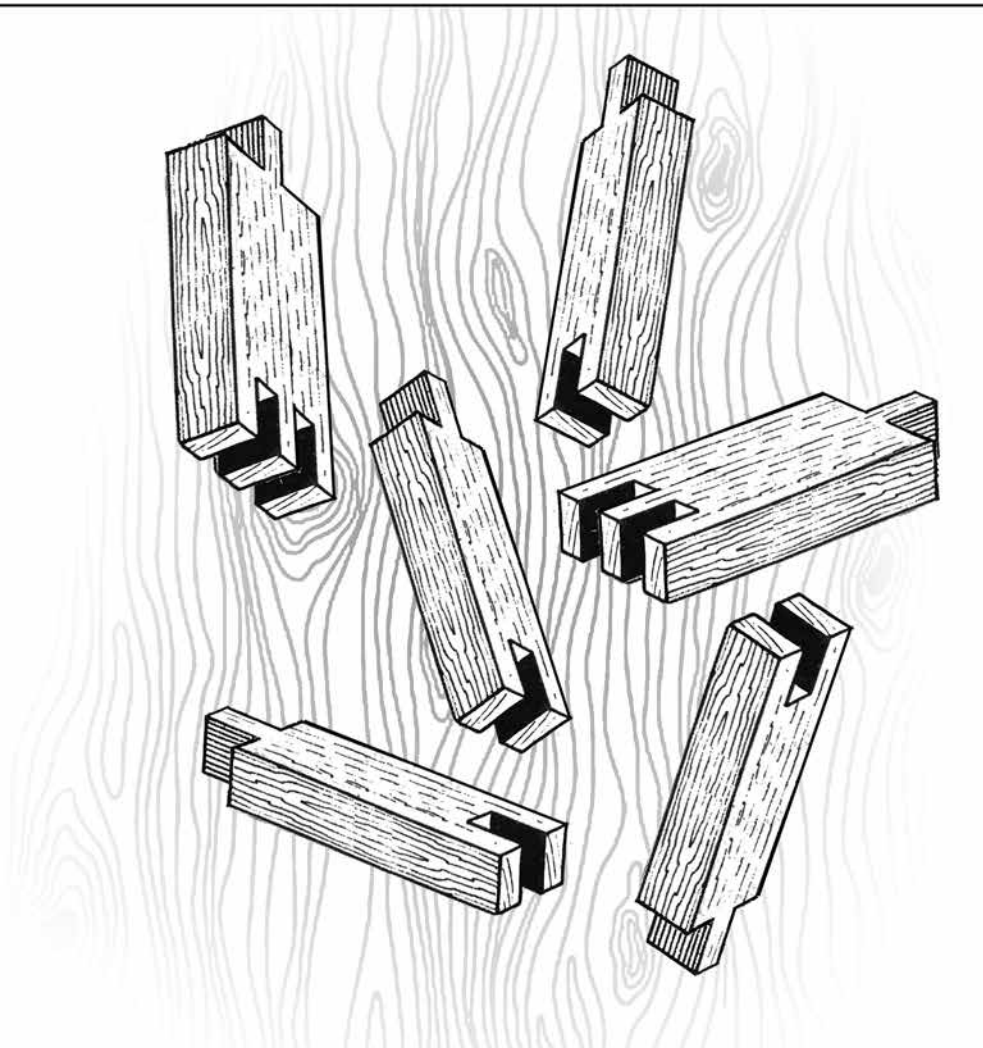
— А дополнительным эффектом, так сказать, побочным бонусом мы получаем возможность разрабатывать модели, повышающие или заменяющие нам нашу низкую способность к осознанию. Что, конечно же, принесет огромные сдвиги на рынке труда, умножив производительность. В коня ли корм, это уже опять другой вопрос.

— А, я поняла — протянула Венедиктова задумчиво, глядя в бездну огромными карими глазами.— Давай покурим?

И она протянула ему сигареты.

ОТНОШЕНИЯ

Эпизод первый

Скрипук был обыкновенным стажером в отделе сбыта. Он был не молод, жизнь его шла рывками, и вот после очередного срыва с петли времени он оказался тут. В городе Сортавале, в лесах и болотах Карелии.

Вообще-то сам он был из Кандалакши, но там работы для него давно не было. Все его там знали. И вот теперь он покорял Сортавалу. Слово это ему нравилось, и он был полон хороших предчувствий.

В отделе кадров он твердо пообещал не пить. Они, как ни странно, поверили.

Людей тут, что ли, не хватает? Дальше думать он не стал, пошел заселяться в общагу, которая была тут же, в двух шагах от проходной. Удобно, решил он.

Срань и вонь встретили его и показались родными. Он будто попал домой. Будто был у него дом.

Он нашел комнату номер 10. Там он увидел здоровую тетю, которая и оказалась комендантом этого чудесного места. Она была с сильного похмела, как ему показалось, но он промолчал.

— Чего тебе? — спросила тетя.

Он дал ей бумагу, полученную в отделе кадров. Ордер на поселение.

— Паспорт давай,— сказала тетя.

Он дал.

— Буйный? — спросила тетя.

— Да вроде нет,— ответил он и пожал плечами.— Когда как.

И застенчиво улыбнулся.

— Деньги есть?

— Немного.

— Сходи за пивом, душа не на месте, поправить надо.

— А куда?

— Выйдешь, направо — и сам увидишь. Не промахнешься,— она сипло засмеялась.

Он пошел, она легла на койку. Он оглянулся:

— Может, водки взять?

— Нет, с утра начинать не будем.

— Как скажете,— он закрыл дверь.

Эпизод второй

В магазине было душно. Пожилой мужчина, стоящий у прилавка, пытался собрать сумму, необходимую для покупки, мучительно шаря по карманам.

— Не добавишь?
— Сколько?
— Да вот, на «Охоту».

Скрипук добавил и стал смотреть на полки. Выбор был как в Кандалакше, все знакомо. Дед ушел счастливый. Скрипук тоже в хорошем настроении, так было с ним всегда, когда в руках была сетка со спиртным. Еще не выпил, а уже счастлив. Предвкушение важнее события. Глубже и ощущается полнее.

Пришел обратно. Тетя спала. Он сел на стул у окна, открыл пиво. Прошло часа два, прежде чем он оказался наделенным койкой, соседом и местом в шкафу. Соседа звали Гриша, но он был в цеху. А имя Скрипук узнал из записки, выпавшей из двери: «Гришка! Еще раз так сделаешь, я не прощу». Без подписи. Он надеялся, что это писала не комендантша.

Тут прям насыщенная эмоциональная жизнь. Он в одной из прошлых жизней работал в типографии, где печатали полное собрание сочинений Довлатова. Это оставило налет интеллектуализма. Впрочем, легко смываемый. Но иногда он откуда ни возьмись изъяснялся порочно художественно, и некоторые знакомые подозревали в нем ссыльного из Москвы. Но это все было давно.

Итак, Сортавала. Он прошел по улице — ничего необычного.

Эпизод третий

На следующий день Гриша отвел его в цех. Гриша работал в отделе комплектации заказов. Скрипук был определен туда же, пока на стажировку. Он заниматься должен был тем, чтобы физически сформировать то, что Гриша писал на бумаге. В основном это были пиломатериалы, иногда лыжи, иногда скобяные изделия.

«Сбыты», как это у них называлось, существовали при бывшем заводе по производству всевозможных изделий из дерева, но теперь промышляли и на стороне, раздавая заказы тьме тьмущей малых предприятий и ИП, числящихся на территории и в окрестностях. Числящихся больше на бумаге, но были и живые, и производящие.

Эпизод четвертый

В какой-то из вечеров Гриша отвел его в гости. Местный сброд, ориентирующийся на выпивку и художественное творчество. В городе было на что опереться творческим личностям. История, природа.

Скульптор Кронид Горолев — местный художественный символ. Работы в центральных музеях. И главный материал — дерево.

В общем, Скрипук увидел местный бомонд, собирающийся по очереди на разных квартирах, где было можно и удобно. Никто никого не слушал, дым стоял коромыслом, его приход никого не обескуражил, его не заметили. Он подсел за стол и стал рассматривать присутствующих. Ничего выдающегося не обнаружил.

Потом он курил на балконе. Вышла девица.

— Ты новенький, я смотрю,— сказала она.

— Да, я здесь недавно,— ответил он.— А вы?

— А вы? — она засмеялась.— Смотрите какой воспитанный. Я тут давно. Преподаю в музыкальной школе. После института.

— Ну и как?

— Да никак, дети — дебилы, директриса — сволочь, родители отвратительные.

— Вижу, вы как-то не вписались в обстановку,— он засмеялся.

— Напротив. Я смотрю прямо в правду. Не тону в иллюзиях. Ну а ты? Ты-то кто?

— Я стажер на фабрике.

— Стажер! — она развеселилась.— Не поздно начинаете?

— Я за возрастом не слежу. Я нарушил нормы?

— Ну как-то не вяжется вот это,— она обвела его рукой,— и стажер. Смешно!

— Наверное,— он пожал плечами. Он все время пожимал плечами. Наверное, это вредно — все время пожимать, подумал он.

— Ладно, не обижайся, ты, наверное, бухарик.

— Бухарик, но хочу перестать.

— Разве это возможно?

— Ну, я слышал, бывали удачные случаи.

— И много? Я, например, ни одного не знаю.

— Да нет, были. Конечно, были.

— Хорошо если так. Пошли выпьем?

Они пошли и выпили. Потом он отвел ее домой, потому что было поздно, водка кончилась, а пиво уже не позволяло преодолеть оковы бытия, как сказал бы поэт, если бы не загул за столом.

Эпизод пятый

Утром он опять был на работе. Гриша хмуро смотрел на него.

— Тебя придется уволить.

— Почему?

— Ты проклял комендантшу нашу. Она пожаловалась в дирекцию.

— Как проклял? Я не умею. Да и когда? Я ее не видел давно.

— Вот. А она говорит: третьего дня ты явился ей во сне и проклял.

— А, во сне,— Скрипук рассмеялся.— Это что, считается?

— Похоже, что да. В общем, иди сейчас к ней и убеди забрать заявление.

— Понял. Но ты не переживай.

— А я и не переживаю. Пусть Вера переживает. Она беременная.

— Да ладно.

— Вот и ладно. Ты ей, похоже, тоже во сне явился.

Гриша наконец развеселился. Мрачность ему была совсем не к лицу.

— Да, мужик, ты попал. Не надо сниться всем подряд. Ладно, давай дуй в общагу и замаливай грехи.

Эпизод шестой

Скрипук нашел комендантшу угрюмо сидящей, как и в первый раз, в комнате номер 10.

— Чего тебе? — спросила она

— Я насчет ваших сновидений.

— А,— сказала она — и что?

— Ну, вы написали жалобу, мне Гриша сказал.

— А ты знаешь, что раньше мне Гриша снился, и я на него писала раз десять — и хоть бы что.

— Я не знал,— сказал Скрыпук.

— Вот,— произнесла она.— Вы меня достали.

— Может, я за пивом тогда схожу,— сказал Скрыпук.— Смыть, так сказать, прошлое.

— Думаешь, я заявление заберу?

— Надеяться ведь можно?

— Надейся,— сказала она.— Ладно, неси свое пиво, я пока не решила ничего.

Скрипук ушел. И когда шел, то думал, какая комендантша сумасшедшая. Значит, это она тогда написала ту записку Грише, которую он нашел в первый день.

Эпизод седьмой

Как-то уже весной он поехал к маме. Благо рядом. Машина шла с заказом в Мурманск и подбросила его до Кандалакши. Маму он не видел давно и соскучился. Они не переписывались и не созванивались. Скучали молча.

Кандалакша не изменилась, а мама изменилась. Нет, не постарела, а просто стала совсем другой. Маленькой, сухенькой, суетливой старушкой, хлопочущей обо всех пустяках сразу.

Он смотрел на нее, и ему было грустно. Всю жизнь она так провела в беспрерывной озабоченности чем-то, кажущимся существенным. Тем, что трудно даже вспомнить через пять минут. Да что уж тут.

— Не пьешь? — спросила она.

— Не пью,— ответил он.

— Врешь,— сказала она.

— Вру,— согласился он.

Им стало тепло. Они узнали друг друга. Всё как всегда. Всё по-прежнему. Мир устойчив и крепок, все хорошо.

— Как ты? — спросил Скрипук.

— Что у меня может поменяться — пенсия маленькая, но я привыкла. Продукты всё хуже. Ты как?

— Я в Сортавале. Работаю. Женщина там одна вроде беременна от меня.

— Вроде?

— Ну да, вроде. Не разобрался еще.

— Привезешь посмотреть?

— Кого?

Так долго разговаривали, что забыли, с чего начали. Мама устала. Он уложил ее спать. Маленькая девочка. Только морщинистая и беззубая.

— Позор мой,— подумал он.

— Мой мальчик,— во сне разглядывала его она.

Эпизод восьмой

Опять были посиделки. Говорили про Бродского. Зачем уехал? Бросил корни. Поэтому и рано умер. А что лучше — как Цветаева? Вернуться и уйти? Это сказал, кстати, Гриша. Который, кажется, не прочитал ни одного стиха за свою жизнь. Откуда он? И как он мог сниться коменданше? — думал Скрипук. И вот ответ. Комендантша любила Цветаеву. Ну а что, не Бродского же ей любить.

Гриша. Гриша. Молодец.

Потом они курили с Верой на балконе. Хотя нет, в этой квартире не было балкона. Они сидели в подъезде у батареи на каменном полу. Им было холодно.

— Собираешься рожать? — спросил Скрипук.

— Да,— кивнула она.

— А жить как? Кто поможет?

— Ты,— кивнула она.

— На меня надежды мало.

— Мне достаточно,— сказала Вера.

Скрипук пожал плечами. Надо же как странно все устроено.

— Ты мне снился и сказал, что все будет хорошо.

Он промолчал.

— И кстати, ты сказал, что будет мальчик.

Он промолчал.

Потом он отвел ее домой. Они сидели на кухне втроем с ее мамой. Мама смотрела на него с надеждой. Так когда-то смотрела на него его мама.

— Мне пора в общагу,— сказал он.

— Оставайся,— сказала она.

— Не сегодня,— сказал Скрипук и вышел.

— Вот я и осталась одна,— сказала Вера маме.

Эпизод девятый

— У меня будет сын,— сказал он Грише, вернувшись в общагу.

Гриша промолчал.

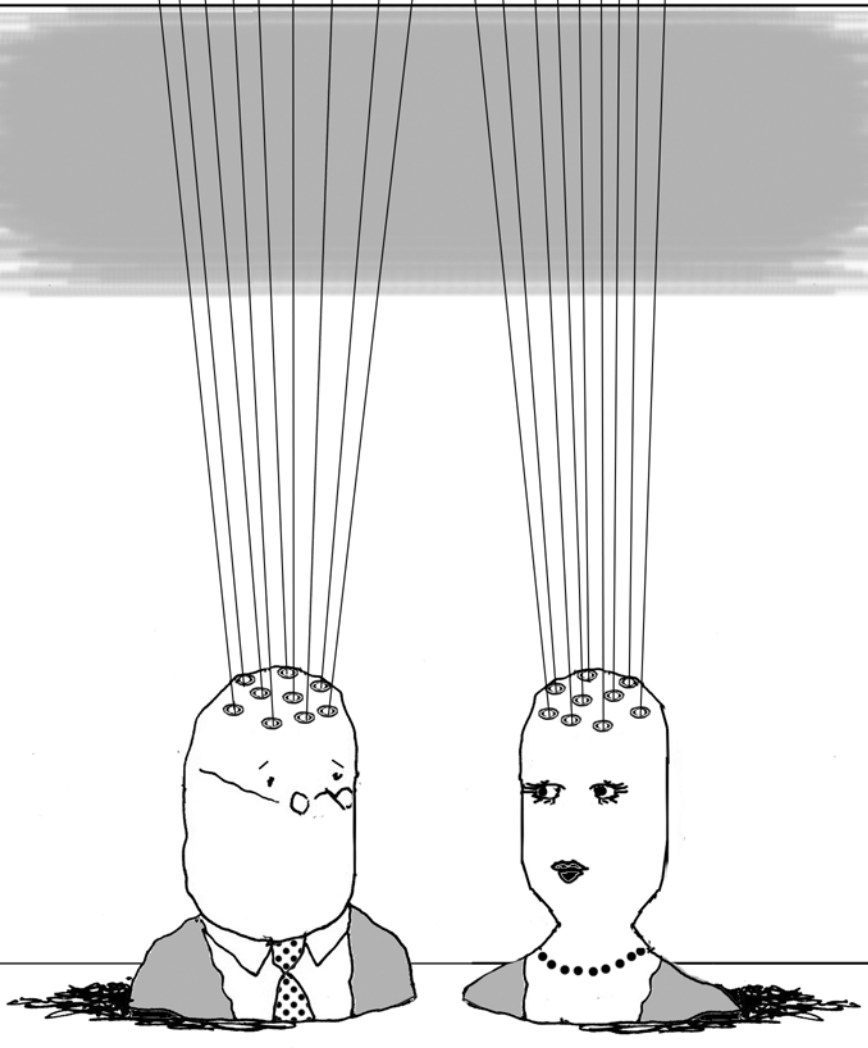
Они стал пожимать плечами одинаково. Вот как сейчас.

А потом Гриша развел руками и сказал.

— А пускай.

НАВЯЗАННЫЕ СОСТОЯНИЯ

Свободная воля — это осознание необходимости.

Гегель

Вы не выбираете свои желания больше, чем выбираете свои предпочтения в еде или свою любимую музыку. Все это — результат причин, которые вы не осознаете и не контролируете.

Сэм Харрис

Психо

Песцов был психотерапевт. Ну, раньше — психиатр. Работал в больнице. Но потом ушел. Говорил, что невозможно, когда столько мессий в одном месте. Невозможно вынести. Одного еще куда ни шло. А так, в общем, долго не смог.

Да и в целом обстановка не располагала. Платили мало. Ремонт делали, когда строили. А строили сто лет назад. Может, и меньше, но выглядело все — как будто сто.

Он пошел в платную клинику. И теперь его клиентами были богатые люди, у которых что-то не складывалось. А чаще — всё. Они жаловались, он объяснял.

Его любимым методом, как он это называл, было «открыть бездну», то есть утопить сознание клиента в море невиданных им знаний, или апокрифов, или соображений великих о земном. В общем, все мы песчинки и никому до нас нет дела. Спасайтесь сами.

И его пациенты шли спасаться. Потом возвращались еще более побитые. Ну а как иначе. И они цеплялись за новые крючки, которые он им находил.

Подругой у Пескова была некая Лукьянова. Нет — именно подругой. Может, когда-то у них и было что-то другое, но они или не помнили, или не хотели вспоминать. Им было хорошо без этого.

Так вот, эта Лукьянова — они учились вместе в медицинском — была звездой. Она была инфоцыганкой. Так теперь это называется. У нее была передача в ютубе, инстаграме и везде еще. Миллионы просмотров, своя паства, все как у людей. Не хуже.

И когда Песцов с клиентами заходил в тупик, он отправлял их к ней. Толковать карты Таро, чертить звездный путь и все дела.

Он

Все эти «бог не играет в кости», «безногий, идущий по верной дороге, обгонит всадника, скачущего не туда», «нейроны играют человеческим подсознанием, а сам он ничего не может и не хочет» — вся эта байда всячески претила ему. Песцову нравилась квантовая физика, допускавшая одномоментное двоемирие, троемирие, и это было чудесно. Он надеялся на искусственный интеллект и спать не ложился, не пообщавшись с чатом GPT.

Почему Песцов был в такой жопе, он и сам не знал точно. Но однажды нашел дневник своего папы. Папы он никогда не видел, ему достался дневник. Там было написано, что интерпретация и есть содержание нашего мира. Ну, то есть мой мир такой, каким я его себе представляю, понял Песцов. И окончательно слетел с катушек.

Вот как раз Лукьянова была нужна ему для того, чтобы снова попадать на рельсы ежедневного существования. Она была героем приземления парящих душ. Князь и повелитель заблудших и оторвавшихся.

Они

Она жила за городом в роскошном доме. Он у нее часто бывал. Они обедали или ужинали. Разговаривали. Все время разговаривали, не могли наговориться. Они испытывали разные приемы друг на друге. Проверяли гипотезы. Складывали кубики, рисовали шарады, расписывали пульки и так далее.

Она была ведьма, а он ангел — в одной классификации. Инь и ян они были в другой. В третьей она была буфетчицей, а он сыром. В четвертой — бобром и деревом.

И главное — они были осознанная бессознательность вместе. Только вместе. Это был их ключ. Нерушимый союз.

Ужин

— Сегодня ко мне приходил Михайлов от тебя,— она засмеялась и налила себе еще чего-то.

Он увлеченно уминал уже шестую устрицу. Он любил устрицы, они бодрили и освежали его. Одновременно возгоняя и приземляя.

— Так вот, я не смогла убедить его, что Земля круглая. Впрочем, проблема не в этом. Он хочет бизнес-советов с прямым участием в результате. Он ставит деньги туда, куда я скажу,— и прибыль пополам.

— Не соглашайся,— сказал Песцов.— Я это проходил и еще пару человек до меня, выжили не все.

Она улыбнулась.

— Мы уже сыграли, и я неплохо заработала.

— Случайность,— сказал Песцов.

— Разумеется,— согласилась Лукьянова,— но строго детерминированная.

— Зря ты это, остановись. Прокатило раз — и хватит. Что тебе — мало твоей паствы? Куда столько денег?

— Тебе одолжу. Хочешь?

— Нет,— сказал Песцов.— Мне хватает. А ты — ненасытная старая карга. Баба-яга. Он тебя выпотрошит.

— Да ладно,— засмеялась Лукьянова.— Еще не родился мой потрошитель. Я его поставлю на свободную волю — куда он денется. Будет сам выбирать желания из пар, которые я буду давать. Как тебе?

— Красиво,— согласился Песцов.— Ты прям делаешь из него кота.

— Я люблю котов,— сказала Лукьянова.— Вот бы из него еще демона Максвелла сделать, но вряд ли получится.

Песцов доел устрицы и принялся расспрашивать хозяйку про десерт.

— Ты не хочешь про Михайлова?

— Не хочу,— сказал он.

— Я поняла,— засмеялась она.— Пошли тогда сыграем на бильярде.

Вечер в результате плавно, ненавязчиво и как всегда удался. До такой степени, что Песцов остался ночевать в гостевом доме. С идеей позавтракать завтра вместе.

Детство

Способности Лукьяновой — это чистое приобретение фенотипа. Редкое явление. Обычно все талдычат про наследственные признаки. Мол, генотип рулит. А вот тут было все иначе. Ну повезло с мамашей ей, конечно. Она непрерывно все детство интеллектуально истязала ребенка, погружая ее в состояния различного восприятия окружающей среды через иллюзии. Так и повелось. Девочка оказалась адаптивной, и апгрейд привел ее в состояние ведьмы.

Лукьянова выросла, забыла почему, но не забыла как. Как говорил Юнг — приведите мне здорового человека, и я сделаю из него неврастеника. Вот этим она в основном и занималась.

Мама была довольна. «Видишь,— говорила она,— помогла тебе не стать обычным человеком». Лукьянова смотрела на нее и хотела убить, но уже, конечно, реже, чем в детстве.

Завтрак

Как-то другим днем, когда Песцов снова остался ночевать, утром завтракали.

— А тебя не утомляет твоя работа? — спросила Лукьянова.

— А тебя — твоя? — спросил Песцов.

— Я не работаю. Я просто живу.

— Я тоже.

— Могли бы вместе.

— Мы и так почти все время вместе, куда больше.

— Вот ты жопа.

— Сама такая.

Она налила ему чай из манерного чайника в не менее манерную чашку.

— Смотрел новый выпуск твоей программы,— сказал он.— Что ты там городила про детерминированность выбора?

— Что значит — я городила? Я аргументированно объяснила гражданам, что свободная воля — это баг их сознания. Некий червь, убеждающий их, что они самостоятельны.

— Ну да, а потом один чувак написал тебе, что ему навязали ипотеку, которую он платит десять лет, и он пойдет в суд, раз это манипуляция. Ты поосторожней с такими соображениями — упекут,— он взял еще сырников.

— Да ладно тебе, банки тоже надо подержать за мягкое место — обрюзгли, зажирели. Я им имитирую состояние естественного отбора для их же блага, для развития.

— Понятно. Мать Тереза.

— А чем ты не доволен? Я же поддерживаю твой эволюционный порыв. Ты же мне все уши прожужжал, что человечество в тупике, осталась пара сотен лет — и всё. Отбора нет, селекции нет, целей нет. Как будто бы они были.

— Иллюзии сменяли друг друга, и тем не менее энтузиазм был. Правильная детерминация. Осознанность временная.

— Да брось ты, друг мой.

— Ладно,— он засмеялся.— Сырники божественные, а сметанка не очень.

— Не очень, да? — встрепенулась Лукьянова.— Вот мерзавцы, опять поставщика поменяли, значит. Ну я им дам.

— Дай, дай! — заколыхался он.— Ладно, спасибо. Поеду поработаю.

— Давай. Я еще готовить должна программу выездную, еду в Тамбов.

— В Тамбов? — он округлил глаза.

— Всё, иди,— махнула рукой она.

Пациент

— У меня такая херня, доктор. Мне кажется, я жертва обстоятельств.

— Мы все жертвы обстоятельств. Детерминизм.

— И вы, доктор, туда же. Все твердят: от нас ничего не зависит. Не хотят отвечать ни за что. Теперь популярность бешеная у всего такого. Подсознание управляет, Вселенная, бог, нейроны, паразиты кишечника — можно продолжать, но не буду.

Перед Песцовым битый час уже сидел и нудно толок воду в ступе человек лет тридцати пяти — светловолосый, очки, отличный костюм, такой хлыщ из хорошей семьи — и нес вот такую разночинскую херню.

— Ну, ок. Хорошо. Проблема-то ваша в чем, не пойму, — сказал Песцов.

— Меня все используют, шантажируют, обманывают. Сейчас пытаются убедить, что я убил человека. А я точно помню: не убивал.

— А как они вами манипулируют?

— Они жалеют меня, говорят, что чему быть, тому не миновать. Убеждают, что моей вины нет, но факт надо признать. Если я признаю факт, то они на меня не донесут. И все будет как сейчас — несчастный случай. Ведь дело не возбуждено. Следователь его даже не открывал. Была доследственная проверка — и всё.

— А почему вы не хотите пойти навстречу этим людям? Кто они?

— Моя жена и мать.

— Ну так и в чем дело?

— Тогда они окончательно скрутят меня в бараний рог.

— Понятно. Чего вы от меня хотите?

— Совета и отпущения грехов.

— Грехи — это не ко мне, а что касается совета, так он простой. Манипулируйте в ответ. Судя по всему,

пассивный опыт у вас большой: поменяйте позицию на активную — и вперед. Кто содержит семью?

— Я.

— Так в чем же дело? Они же не будут рубить сук, на котором сидят. Объясните им это.

Обыск и арест

Лукьянову арестовали. Подозрение на неуплату налогов и манипуляции на фондовом рынке. Ну или как-то так. Она сбивчиво объяснила это Песцову. Он приехал к ней домой, когда ее отпустили под подписку и запрет каких-то действий. Дома был беспорядок после обыска. Но вполне культурного. Он видал и похуже.

— Нет, ну ты посмотри, какой скот! — сказала Лукьянова

— Кто?

— Ну этот Михайлов твой.

— Я предупреждал.

— Я поняла, что тебе все равно.

— Ты хочешь, чтобы я с ним поговорил?

— Ни в коем случае, тебя еще в этом деле не хватало. Я ведьма, я справлюсь. Не хочет прибылью от последней ставки делиться. Жаба задушила. Но он и тут пожадничал, мелко зашел. Это меня и спасло. Ужинать останешься?

— Почему нет. Расскажу, кстати, тебе — у меня интересный случай. Пациент убил или не убил кого-то, и теперь его мамаша и жена шантажируют. Жаль, ты сейчас не можешь практиковать — твой случай. Снятие порчи и все такое.

— А он не помнит — убивал или нет?

— Мне кажется, он вообще это все придумал для каких-то собственных дел. Или параллельные миры. Слыхала?

— Расскажи.

— Якобы существуют параллельные миры, оттуда поступают задания или просьбы. Отказаться, может, и можно, но никому не хочется. Вот и творят черт-те что, а потом пытаются выпутаться. Бегают по врачам.

— Чего хотел-то?

— Ты не поверишь — совета.

— И ты чего?

— Сказал, чтобы лишил семью сладкого. Теперь боюсь, как бы он и их не поубивал.

— Ну ты и идиот. Он этого и хотел. Чтобы кто-то ему еще разок приказал.

— Что делать?

Лукьянова сделала большие глаза.

Индивидуальная безнаказанность

Все-таки концепция отсутствия персональной вины не помещалась в голове Песцова. Он не мог относиться к последствиям преступлений как к последствиям стихийных бедствий. Все-таки преступник — вот он, и это не ветер или вода или молния. Это конкретный человек.

Он навел справки. Женщины, проживавшие с его клиентом, ну тем самым, умерли. Он не знал подробностей. Песцову не полегчало.

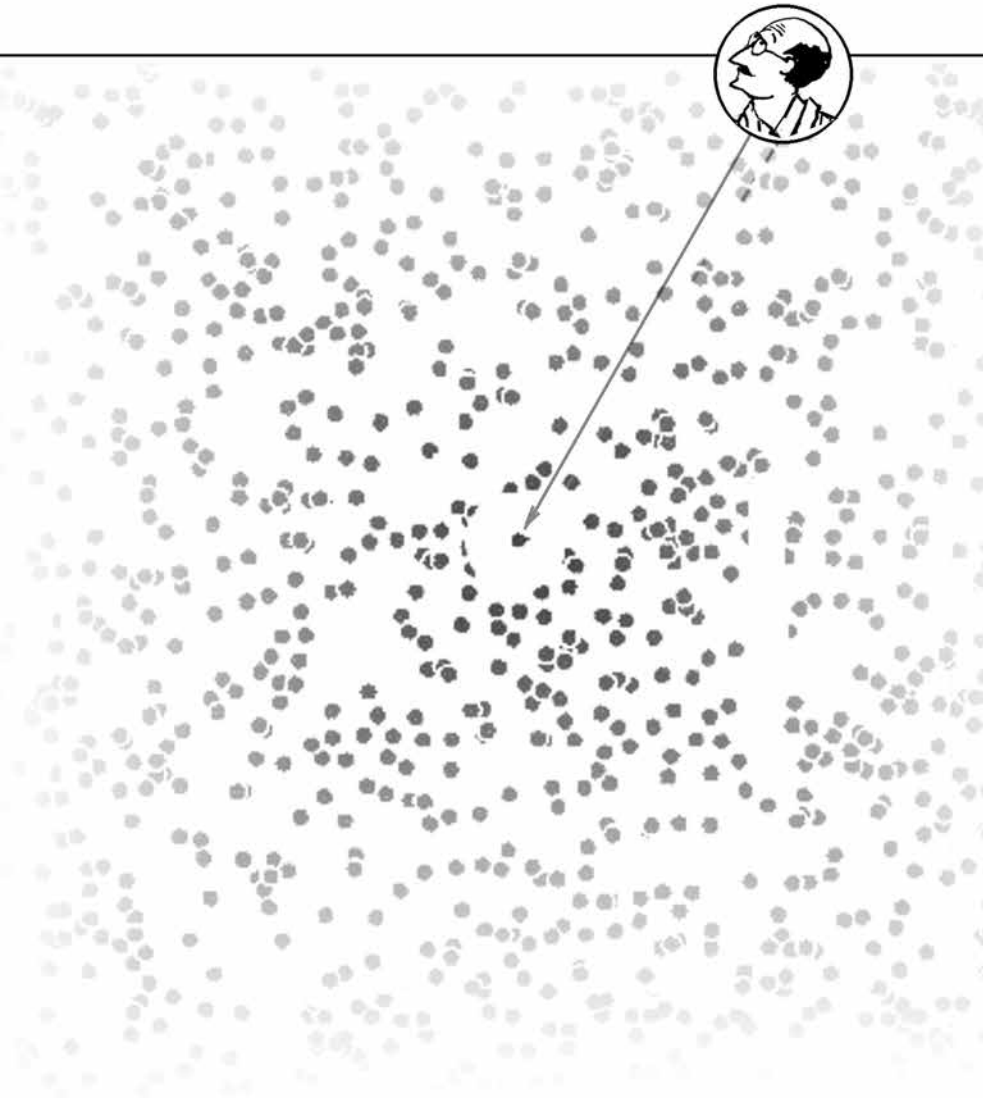
Впрочем, когда он применил концепцию к Лукьяновой, ему определенно стало легче. Он смешал свою свободную волю, чувство вины и пассивную безответственность. Получалось, что он не так уж плох. Получился плюс на минус. Ноль. Но ведь ноль — это нейтрально. Ни туда ни сюда.

Он же просто доктор. Мозгоправ. И он по-прежнему может обедать и ужинать у Лукьяновой. Она ни в чем не виновата.

Никто ни в чем не виноват.

ПЛАН
НА ЗАВТРА

Ты умираешь не тогда, когда нужно,
а когда можешь.

Габриэль Гарсия Маркес

Смерть — это констатация и презумпция. Он подумал, что сильно умный и что это не так. Эти слова, неожиданно пришедшие, не более чем отраженный свет давно ушедших светил. Звезда есть, мы же ее видим, но на самом деле ее давно нет. Так уверяют нас астрономы и так обманывают нас чувства. Мы же считаем живым все, что видим и что чувствуем. И конечно, о ком думаем.

Вот так же и он. Он. Кто он такой? Обычный. Спокойный и рассудительный.

Лола

Лола была журналисткой. Ну как журналисткой — она была, скорее, желающей ею быть. Она писала о кошках в пабликах, задавала вопросы, ходила на ток-шоу, вела длинный и скучный блог.

А работала она на кафедре неорганической химии в вузе и мыла пробирки. Впрочем, ей это все нравилось, вплоть до самой этой неорганической химии.

Лола была замужем. И это ее страшно тяготило. Она поспешила, а теперь не знала, как из всего этого выбраться. Если бы ей предложили выбор — пробирки или муж,— она выбрала бы пробирки. Увы, такого никто не предлагал. Не было уже бесшабашной удали молодости, но и до старости с тяжестью ног еще не дошло.

Будем жить, решила Лола и ударилась в роман с преподавателем с кафедры. Такой, знаете ли, служебный роман. Они ходили в кино. Потом к нему. Доцент был молод и весел, и Лола была счастлива. Ну, почти. Если бы не домой. Если бы оставаться у доцента. Но до этого не дошло и не дойдет, вслух говорила она самой себе строгим голосом. Ты замужняя, а не какая-нибудь.

Это смешило. Но недолго. Потом хотелось плакать, и она плакала. И всё по новой.

Мама

Мама была женщиной строгой и серьезной. Особенно теперь, когда, став пожилой, она усилила именно эти качества. Не терялась, что ли.

Он не знал. Она в нем души не чаяла, как говорится. Он терпел. Впрочем, он любил ее — ну, как-то по-своему. Так, наверно, любят строгих матерей. Отдают должное.

Мама много не говорила. Она задавала вопросы и слушала ответы. Потом подводила черту — и появлялось решение. Он вздрагивал, она кивала. Мол, правильно, мальчик мой, так и надо. Содрогнись и делай. Хороший мальчик.

Он прощался и уходил. Она смотрела в окно. Во двор-колодец. Что она там рассматривала, он не знал, она тоже. Но смотрела так же строго, как и на него.

Он сочувствовал двору. И даже жалел. Мамин взгляд продирал насквозь.

После посещения мамы он чувствовал себя отпущенным. Пусть временно, но свободным. Это ему очень нравилось. Поэтому он любил ходить к маме.

Папа

Совсем другая история. Экстраверт. Сиди и слушай. Два часа. Сюжет и выводы. Всегда готовые аргументы. Контраргументы. Стихи по поводу и воспоминания. Любимые и могут не совпадать с заявленной темой. После исчерпания которой папа терял интерес к собеседнику.

Тут люди чувствительные сразу прощались и уходили. Но он всегда сидел еще долго. Назло. Мстил. Хотя и сам не знал, за что. Хотя нет, знал, но не всегда помнил. Обладал этой счастливой способностью забывать.

Папа не учил. Никогда. Он просто жил. Надо было жить, и он жил. Просто так. И без иллюзий. В собственных заблуждениях.

Тетя Вера

Забавный персонаж из детства. Вожделенный когда-то, теперь вызывающий хроническую боль, ибо

является лучшей подругой мамы. Кладезь настоек, мазей и чайных грибов. Знаток всевозможных рецептов — всего и от всего. Вдова бездетная и потому сохранившая огромный нерастраченный потенциал. Все умеет и все может. Правда, без успеха.

Они иногда ходили пить кофе, если сталкивались у его мамы. Сплетничали о прошлом. Он узнавал каждый раз что-то новое о временах своего детства. Оно после этого становилось совсем другим, нежели он себе представлял.

Со временем ему стало казаться, что тетя Вера все выдумывает. Переписывает историю. Его это шокировало. Он обретал нечто другое, чем имел. Волновался и нервничал. Потом они надолго расставались, и его история возвращалась и побеждала новую. Все внутри успокаивалось. До следующего раза.

Друг Костя

Шельма, а не парень. Они знакомы со школы. Не то чтобы много общались тогда, но потом, в студентах, много. Пили, лазали по приключениям. Было весело. Иногда не очень. Постепенно кураж прошел, а с ним и дружба, которая держалась на выпивке и остальном. Сначала ушло остальное, потом и пить стало скучно.

Костя иногда появлялся, они разговаривали. Расставались без сожаления, до следующего раза. Ровные отношения без интереса, по инерции и на основании тезиса: ну, так же принято, мы давно знакомы, что же я его просто пошлю. Нет, так нельзя. Хотя давно надо было послать. Ну ладно, это не в счет.

Перевернутый счет

К чему все это я? Кризис среднего возраста. У кого в три, у кого в тридцать три, а у кого и в сорок пять. Продолжительность тоже неопределенная. Да и вообще — кто это придумал? Бумеры, зумеры, кризисы, отношения, что надо уметь, что не надо, что сделать до 30, а что вообще не надо. Газлайтинг, да и только.

Неоновые фонари слепят, да уже и не неоновые, и не слепят, а выжигают. И все летят на этот свет, бормоча про себя то, что важно не забыть. Кому важно? Некое общественное мнение так считает. Нормы, правила, запреты и, конечно же, разрешения ходить за запреты. Ну а как — если есть граница, значит, есть шлагбаум и тот, кто его поднимает. И инструменты, позволяющие быть свободнее, чем другие. Квазимир и обратный отсчет. Вот так всегда, но незаметно.

Хризантемы

Лола пришла. Ну, пришла и пришла. Загремела посуда на кухне приветственно. И как-то весело. Он всегда определял ее настроение по звону посуды. Влюбилась опять, наверное. Весело звенит. Он зашел в кухню.

— Привет.

— Привет.

— Как чего?

— Да как обычно. Ты ел что-нибудь?

— Не голоден. Не знал, когда ты придешь, и поел.

— Ух, молодец, а то я с ног валюсь, столько пробирок сегодня перемыла — жуть.

— Отдыхай, у меня завтра отчет, пойду еще посмотрю, что можно до завтра испортить.

— Давай, а я тогда спать.

— Спокойной.

— Ага, и тебе.

Он ушел. А цветы она все-таки не заметила или специально игнорировала. Раньше ее они радовали. Эти чертовы хризантемы, ненавижу их.

Еще долго он жевал это, уставившись в монитор. А, к черту! И нашел свою недоделанную презентацию.

Пробирки она мыла. Ну да, как же.

Все-таки мысль — самое заразное, что придумали люди. Хотя как они могли придумать мысль. Он засмеялся. Как-то полегчало сразу.

На работе

До него никому не было дела. Не потому, что это был он. На работе никому ни до кого нет дела. Все хотят, чтобы их не трогали, и быстрее идти по своим делам после работы.

Существо дела не имело значения для всех, ну, может быть, кроме начальства, хотя он сильно сомневался в наличии какой-то необычной мотивации у местного начальства. Впрочем, все может быть. Возможно, деньги или карьера. Деньги, конечно. Карьера лишь как пропуск к большим деньгам.

Деньги. Эквивалент. Счастья.

А вот Лолу деньги не волнуют. Она как-то умудряется без них быть счастливой.

Ему повезло. Она его не просит зарабатывать больше. Ей хватает того, что есть. Ему с ней точно повезло. В этом смысле.

Ах да. Он же на работе. Хорошо бы уйти пораньше. Надо что-нибудь придумать и сказать начальнику. Может прокатить.

Презентация прошла нормально. Попробую, решил он.

Начальник

У него замечательный начальник. Все понимает. Всех любит. Большая душа. Широкая.

Начальников он повидал достаточно. Они были разными и одинаковыми одновременно. Все они хотели, чтобы подчиненные не доставляли им проблем. Всего-то. Скучно.

Теперешний начальник был не скучный. Он творил, выдумывал и пробовал. И от других хотел.

Но тут не совпало, ибо он, наверное, уже постарел, хотел покоя и ровных отношений. Без пожара. Без трепета и жарких объятий. Ровно. Но он симулировал и, судя по начальнику, по их отношениям, весьма неплохо.

Он пошел к нему и постарался, и объяснил, и получилось. Он уйдет прямо сейчас, потому что выгорел на подготовке к сегодняшнему докладу и видеть ничего не может, но до завтра он восстановится, если начнет прямо сейчас. Начальник молча выслушал, улыбнулся, махнул рукой, сопроводив это радостным «Валяй». И он свалил. Красота!

Музей

Вы не поверите, но он пошел в музей. Вернее, он и сам не поверил, когда обнаружил себя глядящим на полотно под названием «У реки». Действительно, был нарисован берег реки, пацаны с удочками, ивы, травка и какие-то бабы, собирающиеся стирать.

Соцреализм, с отвращением подумал он, хотя почему он ненавидел соцреализм, он объяснить бы не смог, если бы спросили. Он просто не любил этих розовощеких, мускулистых, пышнотелых мужчин и женщин, которые что-то строили, метали спортивные снаряды, переплывали реки или вот удили рыбу.

Как же это меня сюда занесло, подумал он и вспомнил, что этот выставочный зал в двух кварталах от его работы. Видно, он вышел радостный и пошел куда глаза глядят, а они и нагляделись.

Да, констатировал он, фигня какая-то. Пойти, что ли, к Розенфельду заглянуть, раз так потянуло на искусство. Тогда нужно через алкомаркет.

Он вышел и быстро нашел что нужно. Он не любил эти названия. То ли дело было — винно-водочный. Песня. Да и хрен с ним. Взял водки.

Розенфельд

Розенфельдом знакомые звали Петра Иваныча Скворцова. Почему? Никто не знал. Как в том анекдоте: спросят, а у нас ни одного. Вот так и повелось с чьего-то легкого языка.

Петр Иваныч был графиком. Очень хорошим. Он оформлял книжки, делал это мастерски.

У него была мастерская, где всегда можно было прийти и сидеть сколько хочешь. Мешать работать ему было невозможно. Ну невозможно! Если только руки связать. Да и то.

А вот когда ему работать не хотелось, вот тут никто заставить его не мог. Если пытались, он уходил в запой. А это было страшно. Поэтому не работать Петру Иванычу не мешали. Вот такой он был, этот Розенфельд.

Отдых

Как и обещал начальнику своему, он отдыхал. Розенфельд оказался дома. Водка была кстати. Его встретила как родного теплая компания почитателей таланта вместе с его хозяином. Что-то пели хором. Увидев водку, запели лучше, прям хорошо запели.

Потом выпили, и кто-то спросил его на новенького о планах на завтра. В этом доме было принято играть в такую игру. План на завтра. Правила были твердые. Если компании не нравился ответ, то рецензируемый немедленно отправлялся за водкой, увиливать или отмолчаться было нельзя.

Он встал и доложил собравшимся, что завтра планирует жить. Воцарилась тишина, а потом раздались дружные аплодисменты. Когда они стихли, его спросили, были ли другие варианты плана на завтра. Все засмеялись.

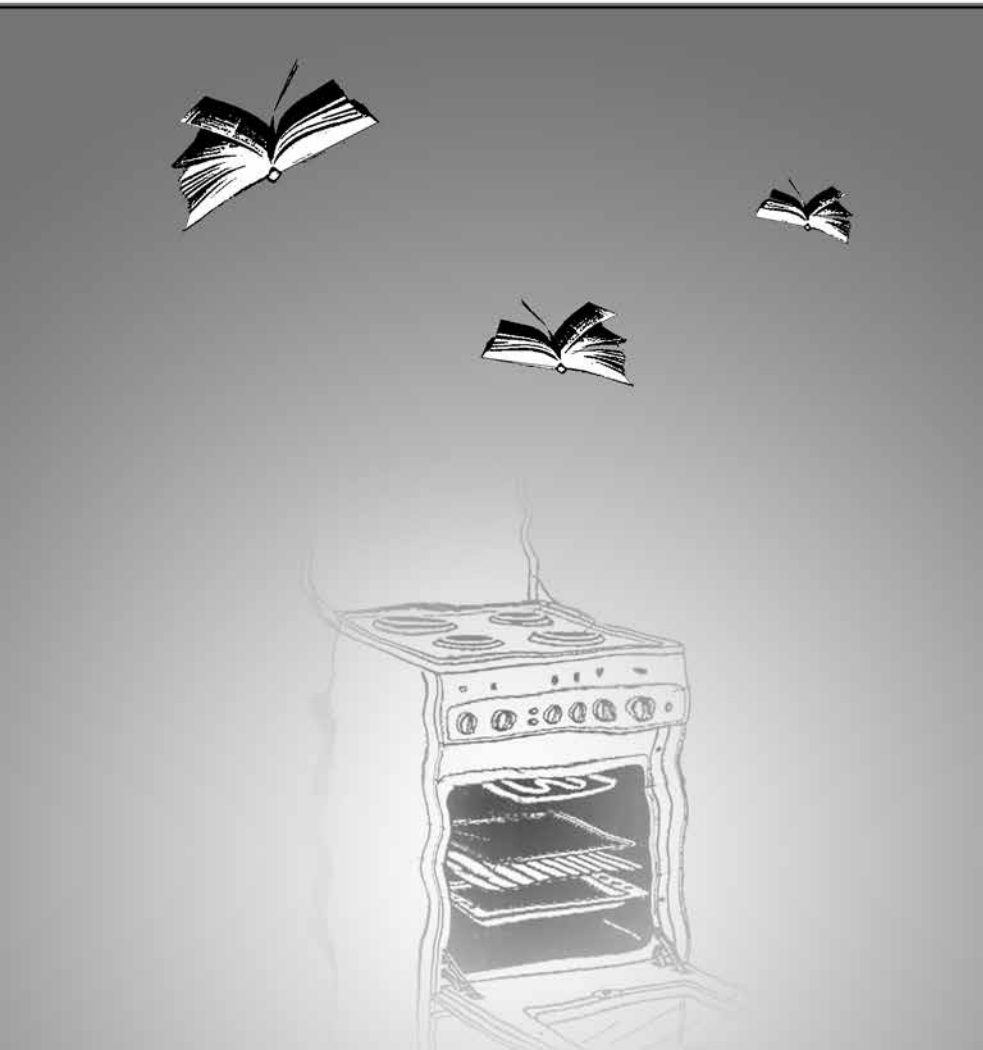
Он опять встал и сказал. Да, были. Он планировал не жить. Но застав жизнь дома — тут он обвел присутствующих рукой,— он переменил решение под натиском невообразимой витальности собравшихся тут сил.

Когда они выпили еще, он попросил разрешения у Розенфельда осуществить план завтрашнего дня под его присмотром, раз приемная комиссия одобрила единогласно. Все опять зашумели, заволновались и стали прикидывать бюджет завтрашней жизни. Потом все стихло. Волнение и усталость победили.

Он спал, и ему снились мама, отец, тетя Вера, Лола и даже Костя. А кто-то, кого он не смог идентифицировать, все время говорил ему: «Ты молодец, Фёдор! Жизнь есть жизнь!»

— Почему Фёдор? — подумал он во сне.— А, к черту!

НОСТАЛЬГИЯ
ПО НАСТОЯЩЕМУ

Эпизод первый

Семенова не страдала никогда никакими привязанностями. Ну не то чтобы совсем. Понятно — мама. Понятно — сестра. Потом все как-то было без зацепок. Она росла-росла, общалась, дружила, но не цеплялась. Или не цепляло. Неизвестная болезнь, наверно, такая. Нечувствительность. А может, просто не хотела углубляться, страдать и болеть. В общем, вот так и жила — спокойно, без стрессов.

Работала после института в НИИ. Сначала инженером. Потом стала руководителем группы. Повзрослела. Заматерела. Авторитет заработала. Выгрызла место в жизни. А потом ее уволили. Тему, которой она занималась, свернули. Ставки зарплатные понадобились для других. Да и вообще все вдруг поменялось, и она оказалась не ко двору. Начальники новые ее не увидели, и ее вынесло на рынок труда.

Пошла продавцом в ларек. Ну, не институт, конечно, люди немного другие, но она адаптировалась быстро. Втянулась. Не плакала. Копила деньги.

Мама умерла. Сестра с семьей уехала куда-то в Сибирь. Ей осталась квартира. Ей стало хорошо. Вдруг. Стало хорошо.

Эпизод второй

А потом она встретила Семенова. Ну как встретила: нашла, споткнулась — или как можно назвать встречу в клубе анонимных алкоголиков? Она не была пьяницей, пошла туда случайно — из любопытства, с подругой по работе. А Семенов был там звездой. Он был писателем. Нет, скорее, читателем, прочитавшим так много, что это не умещалось у него внутри. И он выплескивал на всех желающих.

Он рассказывал так интересно, что она начала читать. А он — рассказывать и пить.

Отличная получилась пара. После работы она шла читать, а раз в неделю слушала его рассказы. Он приносил все с собой. И выпивку, и закуску. Готовил, а потом убирал.

Ему было, наверное, пятьдесят. Но выглядел он на шестьдесят. Алкоголь, мать его. Не молодит. Так он говорил.

Ей было почти тридцать. Она ничего еще не знала. А он знал. И как уже тридцать пять раз было сказано, он в себе знания не держал. Он невыносимо ими делился. Иногда приходилось делать паузы. Его было слишком много для ее только зародившегося самосознания Вселенной. Так и пошло.

Эпизод третий

Они иногда говорили. Ну, то есть бывали моменты, когда говорил не только он.

— Скажи,— спросила она,— разве не мог Герасим поступить по-другому? Ну зачем было топить собачку, если все равно ушел? Ушел бы с собачкой.

— Ты,— отвечал он,— просто не понимаешь души художника. Ему ведь надо завладеть читателем. Глубиной своих идей. Если бы он просто ушел, не было бы драмы. Неинтересно. И потом —

где же перерождение героя? Что бы сказали критики? Если бы он просто ушел, о чем был бы рассказ? Не было бы рассказа.

— Ну,— сказала она,— барыня могла бы пожалеть собачку, взять ее себе, выпороть Герасима. Да мало ли чего могло произойти в голове у Тургенева.

— Ну как же,— отвечал он,— получилась бы милая вещица для дам. Тургенев в этом понимал. Литература ведь сфера обслуживания. Она продается, значит, должна нравиться покупателю. Он формирует запрос.

— Скучно,— сказала она.— Получается — и тут нет свободы воли.

— Ее вообще нет,— засмеялся он.— Вот, например, нынче нет воли и нет писателей. В смысле — воли читателя нет. Нет запроса. Нет атмосферы.

— Ты плоский,— сказала она.

— Я? Плоский? — не удивился он.— Примитив нынче рулит. Это ты права. Видишь — я сформировался под будущий запрос,— смеялся он.

Она сказала:

— Я устала.

И ушла на кухню. Потом услышала, как хлопнула входная дверь. Так было заведено. Она уставала, он уходил.

Эпизод четвертый

Он опять пил, она слушала.

— Вот скажи мне,— говорил он,— почему ты не читаешь?

— Я читаю,— отвечала она.— Вот.

И показала ему обложку.

— «Обломов»,— прочитал он.— Ну, совсем депресняк.

— Почему? Мило. Безысходно и грустно. Что тебе еще надо?

— Но ведь это опять «Муму» получается,— засмеялся он.

— Да. Возможно,— отвечала она.— Мне нравятся убедительные вещи, написанные по воспоминаниям собственного детства. А что еще есть у человека? Только пережевывание детских историй, когда восприятие свежо и еще есть искренний интерес, что же там дальше. Пока цинизм и ирония не отвратили от всего настоящего и не превратили все в кипящий котел лицемерия и иллюзий.

— Ты злая сегодня. Может, я сбегаю за шампанским и будем танцевать?

— Давай,— сказала она.— А я пока поищу туфли.

Он смотрел на нее.

— Ну давай беги уже,— засмеялась она, и он растаял.

Эпизод пятый

Ларек надоел. Она решила поменять сферу деятельности и пошла на собеседование в школу. Директор ей сразу не понравился. Он был молодой. И весь блестящий в своем внутреннем карьерном угаре. Не существовало детей. Это были кирпичи его продвижения. Он строил, они строились. Учителя — проблема. У них все время просьбы и претензии.

Преподаватель химии был нужен, она была готова взять химию, но у нее не было правильного послужного списка. И опыта.

Она смотрела на директора и думала: может, заплакать? Нет, не поможет, решила она и сказала, что пойдет наберется опыта и вернется. Он обрадовался и сказал, что будет ждать.

Расстались — как родственники. Навсегда.

Эпизод шестой

Весь вечер говорили про Толстого. Она очень жалела Каренина, он удивлялся и говорил, что она должна жалеть Анну. Она удивлялась: с какой стати? Он объяснял, что так заведено.

— Ты объясни мне лучше,— говорила она,— как такой странный человек мог написать такую книгу. Человек, всю свою жизнь искавший правила, по которым надо жить, проповедник, обессмыслил все искания, встав на сторону чувств, описав человека человеком, а не поклонником умозрительных идей.

— Ты утрируешь,— отвечал он.— Художник — он себе не хозяин. Это когда он пашет за плугом — он хозяин, а когда за роялем — то нет.

— За каким роялем?

— Ну, это я проверял, слушаешь ты меня или у тебя опять скука и тлен.

Смеется. Она идет на кухню и кричит оттуда:

— Хочешь чего-нибудь?

Он встает, идет за ней.

— Нет,— говорит он,— я пойду, пожалуй, пока не начался дождь.

— Январь: какой дождь? — удивляется она.

— Это я фигурально,— говорит он.

Машет рукой, дверь хлопает. Тишина.

Эпизод седьмой

— Представь себе, я сегодня читала весь рабочий день. Народу было мало. Похоже, скоро моя работа закончится: магазины побеждают ларьки.

— Что будешь делать?

— Не знаю. Может, пойду в магазин или в школу. Не знаю. Читала сегодня Достоевского.

— Тогда понятно твое настроение. Страдала?

— Нет, отчего же. Я читала «Бесов» — и как будто нет более современного произведения. Все по делу и без слишком подробных знаний Салтыкова, Гоголя или Грибоедова. Возможно, какие-то подсознательные токи.

— Ты слишком идеологична. Не зря Набоков не любил Достоевского. И не считал его писателем. Он рассказывал про то, что под краской, а художник должен просто красить. С соблюдением правил и приличий.

— Все-таки ты лапидарный, примитивный мудак,— после паузы сказала она.

— Чего так сразу? И совсем не обсудили. Мне уже пора? — он посмотрел на нее.

— Ну почему, оставайся. Я же не устала от тебя еще. Можешь продолжать. Объясни мне, почему Достоевский не писатель.

— Я не говорил такого, я повторял Набокова. А он никого не любил. Я же считаю: только у Достоевского, если не считать Белинского, ну прям все по делу и все про душу и от души. Возможно, долги напрягали и сгущали атмосферу произведений невольно, но испортить, например, тех же «Бесов» они не смогли, а только усилили ненависть и безысходность. А главное — страх. Впрочем, безысходность — это тоже страх.

Засмеялся.

— Чего это ты хохочешь? — спросила она.

— Да вспомнил, как первый раз читая, переживал за старуху-процентщицу.

— Да ты извращенец.

— Возможно,— он смотрел на нее, продолжая улыбаться. Она отвернулась.

Эпизод восьмой

Их странные отношения продолжались и продолжались. Наверно, их это устраивало. Что-то среднее между гостевым браком и лабораторией исследования жизни. Хотя это, наверное, одно и то же. Всегда одно и то же в множестве других вариантов сосуществования белковых тел. Кто-то говорил, что это и есть жизнь. Кто-то наверняка великий.

Впрочем, неодиночество — больший подарок. Вряд ли они это понимали, но им было хорошо. Неплохо, в общем, им было.

Зима. Абажур. Темно за окном. Холодно за окном. А они, как обычно, как ни в чем не бывало сидят и говорят. Он говорит.

— Ты вот хоть раз слышала, чтобы кому-то не нравились «Мастер и Маргарита»? Ну буквально всем нравятся. Почему? Доступно. Доступно пониманию любого. Кто хочет. Что непонятного? Любовь. Она искажает объективную реальность — и можно все представить. И Воланда, и черта в ступе. Кого и что угодно. Но ведь это просто пропаганда. Писатель хотел нравиться якобы с фигой в кармане. Такой советский несоветский. Как Некрасов с Панаевым. Тоже хотели нравиться.

Он замолчал на секунду. Она воспользовалась:

— А что ты так набрасываешься на Булгакова? Ну, жил сообразно эпохе. Что не так?

— Да все не так,— завел он опять свою пластинку.— Все не так. Сплошное продолжение обломовщины 19-го века. Угнетаемая интеллигенция. Которую не понимают и которой не дают дышать. Муму твое любимое.

Он обнял ее. Она прижалась к нему.

— Ну и ладно,— сказала.— Зато любовь. Разве этого мало?

— Нет, конечно,— ответил он и поцеловал. Она не возражала.

Эпизод девятый

Опять весна пришла. Затопило кое-где и кое-что. Но весело было как-то, духоподъемно. Она шла на встречу анонимных алкоголиков. Они договорились после поехать на дачу.

Была у него развалюха в садоводстве где-то ближе к Рязани. Она была там пару раз. Но весной — ни разу. Наверно, грязь и все промерзло, думала она. Ну и пусть, надо было отвлечься. А что лучше субботы и дачи. Хотя пока была еще пятница.

Она сидела и смотрела на них. Они говорили. Она не слушала, просто смотрела. На губы. В глаза. В глаза было тяжело. И еще руки. Шевелящиеся, как черви. Испитые руки. Тяжело живущих людей. Все настоящее, суровое и беззащитное одновременно. Можно смотреть бесконечно.

Потом они бежали на электричку. Потом долго ехали. Потом долго шли. Но растопленная печка все искупила и за все вознаградила. В конце концов он прочитал ей свой новый рассказ. Странный, не смешной. Про человека, который жил, пока не осознал, что умер. Давно.

Рассказ назывался «По инерции». Содержание соответствовало названию. Ей не понравилось. Звенящая тоска. Что-то напоминала. Бередила. Не отпускала.

Она сказала:

— Очень хороший рассказ, спасибо тебе.

Он не поверил, что ей понравилось. Покачал головой. Она захотела выпить. Нашли заначку. Он отказался. Она выпила. Потом еще. Потом было потом. Долго и вполне неплохо. Она куда-то летела, молодая, красивая, раскинув руки, и смотрела вниз. Он махал ей с тротуара в шляпе и галстуке. Она не поверила. А потом махнула рукой. Ведь это все не важно.

Эпизод десятый

Его долго не было. Она была отвлечена новой работой. Суета. Ну, как обычно. Как пишут в романах. Закрутилась. Пошла ходуном. Потом наступила тишина.

Она поняла, что давно его не видела. Стало неуютно. Она позвонила. Никто не ответил. Она дождалась пятницы и пошла к алкоголикам. Там его не было. Она спросила: где он? Ей сказали: он умер. Так сказали бесстрастно. Безоценочно. Буднично.

Она ушла. Долго-долго шла. Потом сидела на скамейке. Потом зашла куда-то. Выпила что-то. Потом снова ходила, потом сидела. Потом поняла. Поняла тот рассказ, который слышала на даче. Весной. Он написал, а она забыла. Советская эстетика их отношений не давала ей повода не забывать преходящее. И она забыла.

Он бросил пить. Бросил жить. Она была его посмертным бытием.

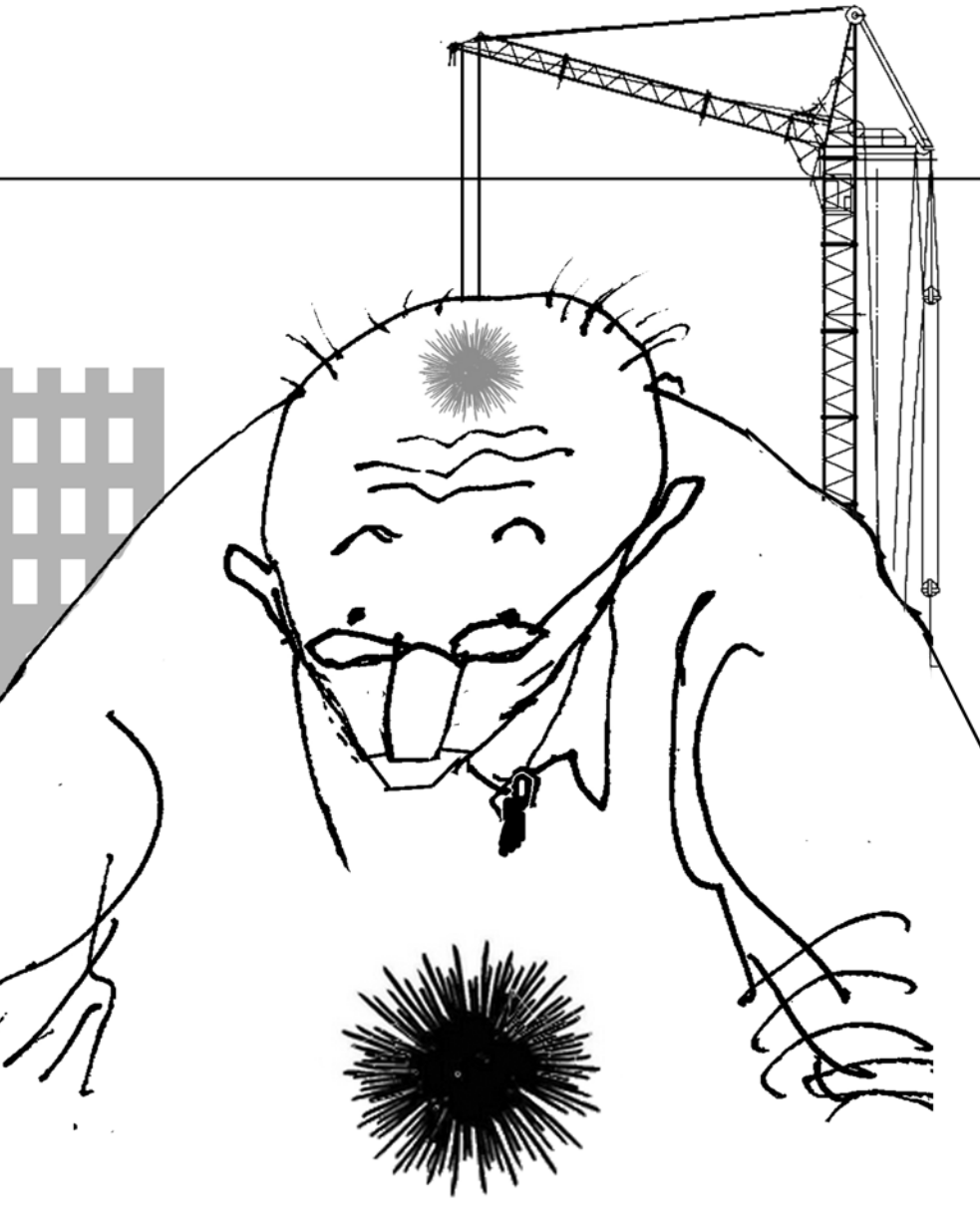
Она трезвела и взрослела. Быстро прожила тридцать лет или сколько там. Они стали ровесниками. Она поняла все его недомолвки. Она поняла все слова. Все-все поняла.

Она плакала. Долго плакала. Много дней. От радости. Она поняла, что была счастлива. И она оставалась такой.

Поняла. Все поняла. Теперь все будет хорошо, сказала она и открыла газ.

БОЛЬ

Эпизод первый

Это как-то началось постепенно: то одно, то другое. То ногу подвернул, то руку потянул. Ну, такие нормальные бытовые случаи для любого тренированного человека. Копал картошку у родителей на даче — болела спина. Гланды вот еще в детстве вырезали — не мог глотать. Смешно так пил, и все через нос обратно. В стакан. Ну смешно же. Он всегда и смеялся. И не обращал внимания.

Естественно, с прошествием кругов лет мест боли в теле прибавлялось. И боль эта становилась частью жизни. Обычной рутины. Встал, размялся, вроде легче.

Ложишься, мечтаешь быстрее уснуть, а если болей нет, то хочется не спать подольше. Ему говорили: кто-то пьет обезболивающие, кто-то алкоголь, приспосабливаются люди по-разному. Проблемы одинаковые — выходы стараются найти разные.

Боль. Соматическая. Это оказалось нижней ступенью. Она превалировала, отпугивала скоротечную, но бурную боль психологическую или, как принято ее называть, душевную. Отпугивала-отпугивала до поры до времени, но пришлось сдаться под бурным натиском.

Соматика уступила. Теперь главной болью стала боль поступков, утрат, упущений, перспектив и сожалений. Оказалось — может, это не так остро, как бывает с болью почек или кишечника, но психику боль берет длительной осадой. Если это началось, то не спрячешься.

Эпизод второй

Агностий Палыч жил размеренно и упорядоченно. Он не пил, не курил, регулярно совершал пешие прогулки и учил латынь недолгими вечерами, ибо ложился рано.

Он был почти пенсионер в старом понимании этого слова. В таком советском смысле. А в теперешнем — отошедший от операционной деятельности строитель, консультирующий компании и следящий за выполнением технических условий проектов. Почти инженер человеческих душ. Строительно-монтажных.

Он всю жизнь на стройке. Вернее, рядом — в кабинетах проектных институтов. Документацию читал с листа, все понимал, и проверяемым надеяться было можно только на хорошо сделанную работу. Такой вот человек. Он был женат, дети выросли.

Жена занималась своим делами, он своими. Пересекались редко. На кухне.

Вот он и жил с болью. Или нет, скорее боль жила с ним, и это позволяло ему чувствовать себя живым.

Эпизод третий

Объект. Торговый центр. Огромный. Куча переходов. Многозальный кинотеатр. Торговые галереи, ну и все-все-все.

Работают очень разные подрядчики. Он знает: главное — бетон. Хороший бетон, правильно отлитый, правильно изолированный — это почти успех и подарок будущим арендаторам.

Он поехал туда посмотреть, как начали. То, что он увидел, было плохо. Некачественная опалубка, низкое качество бетона, несоответствие по нагрузке и по подготовке. Даже размеры не совпадали.

Он посмотрел на прораба. Тот пожал плечами:

— Я второй день тут, сам [redacted], ваша светлость. Я сразу сказал, надо все переделывать. Но кто ж меня послушает. Вас послушают. Скажите им.

Он поблагодарил. Сел в машину и попросил отвезти обратно. Домой. По дороге позвонил владелец подрядчика.

— Ну как вам? — Плохо. Надо все переделывать. — Да вы что. Это невозможно. За чей счет? Я разорюсь. — Ну, про это я ничего не знаю, но такое мое мнение, и я его выскажу. — Ах ты старый козел. Ты еще попомнишь меня.

Агностий Палыч отключился. Он мог продолжать этот бесполезный разговор. Он провел таких тысячи, и все они были примерно одинаковые. Вернее, похожие как две капли воды.

Позвонил представитель заказчика, который, собственно, и являлся работодателем.

— Ну как там?

— Все плохо. Вы определитесь, что вы хотите. Переделывать надо все. Но этот подрядчик, наверное, не справится, хотя я видел на объекте сегодня — они наняли толкового прораба. Он понимает глубину глубины. Не уверен, понимают ли его начальники нынешние. В общем, вам решать.

— А сроки?

— Сроки сдвинутся не сильно, если не тянуть.

Заказчик поблагодарил и отключился

Эпизод четвертый

Агностий Палыч поел и сел смотреть в окно. У него внизу была улица и перекресток. Он любил этот поток случайного набора информации вместо телевизора с его запрограммированными потоками ненависти.

Позвонила дочка, он не принял звонок. Позвонила внучка. На нее он был конкретно обижен. Она уехала слишком далеко, чтобы навещать его, и это сильно его обидело. Вот прям сильно. Он надеялся, что она будет с ним в старости его беспросветной.

Дочь позвонила снова, Агностий Палыч ответил.

— Да, все в порядке. Да, я ел. Да, еда есть. Нет, я не знаю размера моей аневризмы. Они сказали, что очень она плохая просто, и все может произойти в любой момент. Нет, я не стану отвечать тебе, как часто я писаю, я еще помню, кто тут отец, а кто дочь.

— А что такого, подумаешь, я просто спросила. Мы просто с мамой обсуждали. Это важно для твоего здоровья. Я приду в воскресенье. В субботу веду своих оглоедов в цирк.

А дома у тебя не цирк, что ли, проворчал он, но тихо, про себя.

— Ладно, спасибо. Посмотрю, как я писаю, и сообщу тебе, раз это так важно. До воскресенья. Пока.

— Пока, папа.

Дочь повесила трубку.

Эпизод пятый

Повесила трубку. Эвфемизм ушедшей эпохи. Кто и куда вешает трубку теперь. Впрочем, многое в XXI веке стало виртуальным, нечетким, неконкретным. Это Агностия Палыча страшно раздражало, он вообще был человеком очень раздражительным, желчным, хотя и не злым.

И еще его очень раздражали его сосуды и жена. Которая опять ночевала у дочери. Ему было жалко себя. Они, конечно, по-своему заботятся о нем. Да и не надо ему особенно ничего. Вот они и помыкают. Потому что ему не надо, и они это знают.

Он продолжал крутить себя. Пока не появилась боль. Он сразу вернулся к реальности и затормозил. Стал успокаиваться и переключился на созерцание. Потом пошел и лег в постель. Долго ворочался. Вспомнил, что не почистил зубы. Пошел в ванную. Долго смотрел на тонкую струйку, падающую из его пениса. Почистил зубы. Лег снова. Тупо лежал на спине. Пока не начал задыхаться. Повернулся на бок — и очнулся только среди ночи. Нырнул снова — и вот оно утро.

Светло, и можно вставать, не боясь приступов ночных кошмаров, и варить овсянку, чувствуя себя

молодым победителем, начинающим все сначала. Все не так уж плохо, решил он, и сварил себе кофе. Стало вообще отлично.

Эпизод шестой

Он опять поехал на объект. Нашел прораба.

— Ну что?

— Да вот приказано поменять все здесь и здесь,— сказал прораб.

— А остальное? — равнодушно спросил Агностий Палыч.

— А остальное я предложил укрепить. Поставим дополнительную арматуру. Уравняем низкую марку бетона.

— Ну, вам видней. А что говорит официальный надзор? Они не против?

— Честно говоря, им всегда до [redacted],— сказал прораб.— Они всегда ведут себя одинаково. Предупреждают, но не запрещают. На вашу ответственность. А они умыли руки. Они же предупреждали. Вот предписание под роспись.

— Все-таки надо и вот эти основы столбов укрепить тоже,— сказал Агностий Палыч.

— Они не хотят больше тратить. Мои начальники говорят, что работают теперь в убыток. В надежде, что заказчик примет во внимание и что смогут заработать на других заказах.

— Ну, не знаю. Столбы надо укреплять.

— Ладно,— сказал прораб,— я им скажу. Пусть решают.

Они попрощались, и Агностий Палыч поехал обратно. А, впрочем, нет. Он же сегодня обедает со Славиком, вспомнил он.

Он попросил отвезти его в любимый итальянский ресторан. Это сказано громко, для красного слов-

ца, на самом деле он ресторанов не любил. Кафе, бары — куда ни шло, а рестораны — нет.

Но Славику он не мог отказать. Славик был сыном его студенческих друзей. Единственным человеком, с которым он мог разговаривать. Просто разговаривать. Не терпеть мучительно конца. А наслаждаться процессом. Хотя и недолго. Потом начинало болеть. Или нога, или сердце, или голова. Последнее время голова болела часто, несколько дней подряд. Просто кошмар.

Но сейчас голова не болела, и это давало Славику шанс.

Эпизод седьмой

Славик был шустрый малый, который без потери этого качества превратился во взрослого мужика, вот-вот стукнет полтинник. В почти пожилого мужика, значит.

Он встал навстречу Агностию Палычу, здоровый, толстый, лысый. Они обнялись. Сели за стол.

— Я уже заказал все, как вы любите,— шумно задвигался Славик.

Он был в развлекательном бизнесе. Так, наверное, там надо, полагал Агностий Палыч.

— Спасибо, Славик,— сказал он.— Тогда рассказывай, как и чего. Сколько мы не виделись?

— Мы не виделись с прошлого года, с весны,— отвечал Славик.— Я приехал, у меня новый проект. Был в Дубае, там познакомился с ребятами, решили запустить новую антрепризу. Они хотят, чтобы актеры были отсюда, именно из здешних театров. Вот приехал смотреть. Кого можно подрядить.

— А что, теперь Дубай — центр мира? — спросил Агностий Палыч.

— Ну да. Можно сказать и так. Хотя, вы же знаете, я люблю Милан. И бываю в основном там. Ну в смысле рядом. На Гарде. Вы же были там у меня?

— Был. Давно, правда. Но ты же знаешь, я не тусовщик. И не был никогда.

— Ну да,— Славик его и не слушал. Рассказывал про антрепризу, которую катал последние два года. Как предлагали взять театр. Но мороки много, обязательства. А он не хотел всего этого, хотя, может, и придется. Свободного рынка почти нет. Деньги есть, навалом, предупредил он немой вопрос. Боятся инвестировать без кивка от власти. А власть — это опять обязательства, а у них и своих хватает, плодить не хотят. Увеличивать риски.

Славик все продолжал, а Агностий Палыч ел и замечал, как от солнечного сплетения начинает подступать тошнота. И жар. И покалывания кожи. Ноги мгновенно затекли.

Так. Ладно. Потерпим пока, решил Агностий Палыч. Включился. Славик рассказывал, как некая дама заказала себе артистов на частную вечеринку, а они явились пьяные или под кайфом. Был скандал. Приехали их менеджеры. Ну, вы понимаете. Улаживали.

Эпизод восьмой

Агностия Палыча слегка отпустило. А ведь могло в этот раз уже и не отпустить. Все-таки непонятно — аорта это или поджелудочная, или сосуды-капилляры сами по себе такое устраивают. Он злился. Испортилось настроение.

Он извинился и пошел в туалет. Посидел на горшке. Послушал птичек. Вроде действительно полегчало. Хоть не упаду, подумал он. И на том спасибо. Пойду: может, еще спасем обед.

— Славик, тут по-прежнему вкусно,— сказал он, садясь на свое место за столом.— Извини, прихватило чего-то. Я ведь к тебе прямо со стройки.

— Вот вы неугомонный. Денег не хватает?

— На что они мне? На кефир? Скучно. Отвлекает. Ты здоров?

— Ну, мы если здоровы — значит, не дообследованы,— Славик был в своем репертуаре. Шутил.

— Ну и хорошо, и не дообследуйся. Догадываться всегда лучше, чем знать.

Боль где-то слева под ребрами вернулась. Голова слегка кружилась. Но это он научился контролировать. И Агностий Палыч бодро продолжил:

— Скажи мне, театр умер совсем? Что мы имеем теперь?

— Ну, театр умер в советском понимании театра. Да, умер. Осталась инерция и какие-то новые формы, постсоветские, перелицованные западные растут, но это, конечно, не развитие. Наверное, можно надеяться на синтетику. Новый звук, новый свет, новая механика сцены — это все будет развиваться. Но актеры нужны, а их нет.

— А все остальное?

— Все остальное есть,— Славик махнул рукой.— Вам-то это зачем? Вы же вроде не увлекались никогда.

Эпизод девятый

Он хотел говорить о боли, показывать боль. Он хотел, чтобы все терпящие боль сепаратно, по своим углам, знали, что они не одни. Что глушить ее бесполезно, ее надо проговаривать, ее надо показывать, из нее надо созидать. Всего этого он не мог сказать Славику, но очень хотел.

Агностий Палыч вслух сказал:

— Ты же знаешь, отец назвал меня Агностием, потому что не верил сам, но хотел дать мне возможность разобраться самому, вот я и разбираюсь. Есть у меня некие идеи. Но о них мы поговорим, давай, в следующий раз. Не будем перегружать общение слишком.

Славик кивнул, они заказали десерт и проболтали ни о чем еще целый час.

Агностий Палыч явился домой почти счастливый. Так хорошо ему было. С пустой душой, полной одной радостью беспонтового общения. Ну, это когда людям не надо ничего материального друг от друга.

Спал он отлично. Утром поехал на объект. Представитель заказчика и подрядчик разговаривали. Когда Агностий Палыч вылез из машины, прораб сказал, что споры из-за столбов зашли в тупик. Агностий Палыч поздоровался и сказал, что если они укрепят столбы, то будут спать спокойно и гордиться собой за правильно принятое решение.

Они смотрели на него с недоверием, и когда он закончил, подрядчик сказал, что это все демагогия и смысла в укреплении столбов нет.

Агностий Палыч ответил, что он греха на себя брать не будет, ему и своих хватает, поэтому он напишет в прокуратуру и в стройнадзор, или как эта контора теперь называется.

Представитель заказчика тут же объявил, что Агностий Палыч уволен вчерашним числом. Приказал на объект его больше не пускать.

Подрядчик глядел на него с ухмылкой. Агностий Палыч развернулся и пошел прочь.

А все эта боль. Все-таки соматическая — она както формально больнее, но отпускает — и сразу легче, жить хочется. А психологические страдания носят удушающий характер. И ничего не докажешь. Вот

как с этими столбами. Все известно — и ничего. Так и с душевными болями. Причины есть — и ничего. Впрочем, Агностий Палыч дна еще не достиг.

Апрелевка и смысл

Эпизод первый

Федор Степанович был отставным майором секретной службы. Ну, он так говорил. На самом деле он был пожарным, а в более ранние периоды биографии служил в войсках инженерных.

Отличительной особенностью теперешней жизни Федора Степановича было то, что он дружил с полоумным Серафимом — философом, которого то выгоняли, то печатали и создавали ему инсти-

туты, то снова выгоняли. Теперь он был в зените славы, и отсветы ее грели и дядю Федора.

Третьим другом был писатель Никандров, персонаж скорее фольклорный. Ему казалось, что он такой народный, а на самом деле он был самопридуманный и жил в этом своем грибном мире с ежами и удавами.

Эти трое собирались по субботам в бане у Федора Степановича, и с годами это стало, с одной стороны, ритуалом, а с другой — оправданием того, что их объединяет. Они любили называть это клубом.

Вот и сегодня была суббота. Первым явился Серафим с авоськой, набитой пивом. Он брал только бутылочное. Любил бутылки сдавать.

Поинтересовался температурой. Федор Степанович сказал, что не разгонял еще, рано. 70 градусов.

Серафим пожевал губами, но промолчал. Поставил пиво на пол, сел на стул, положил руки на колени. Помолчали.

— Что думаешь, существует Всемирный заговор? — спросил.

— Не знаю,— ответил Федор Степанович.— Давай Никандрова спросим, он лучше этих понимает, хотя, впрочем, и ты наверняка точку зрения имеешь,— ухмыльнулся.

Дядя Федор считал Серафима сумасшедшим, но кто-то наверху любил эти бредни, и он продолжал разглагольствовать на все лады.

— Я Ратибора позвал,— сказал Серафим.

— Какого Ратибора? — [redacted] дядя Федор.

— Ну, этого, который культы русичей проповедует: дохристианская Русь и все такое. Он прям энергией весь исходит. Сотворит нам в твоей бане центр силы,— заржал Серафим, роясь в бороде.

— А чего ты меня не спросил? Его же Никандров не выносит.

— Да ладно,— огрызнулся Серафим.— Вынесет, не то выносил. Зато отлично умственно поборемся, а то кажется мне — закисаем. Жмемся.

Как же они меня задрали, подумал Федор Степанович, но делать нечего: дружить с этими упырями — была его нынешняя работа и попытка быть полезным. Был у него один знакомый — там, наверху,— пользовал его. А он был не против. Чувствовал себя живым. Через это всё. Своих тараканов тоже надо чем-то занимать, а то при нынешней картине мира недолго и свихнуться на старости лет.

Серафим что-то продолжал вещать, но Федор Михайлович пошел в дровник и слышал только интонацию. Нравственного выбора. Он засмеялся. Считают себя мессиями.

Эпизод второй

Ратибор был штатным армейским сотрудником. Офицером. Или типа того. Маршал любил его и всегда звал с собой в инспекционные поездки. Вернее, брал. Отказаться было невозможно.

Это было утомительно и противно. Сначала марши, потом смотры, потом разбор полетов с криком, бранью, топатней ногами. Но это все ерунда, потому что потом наступал настоящий мрак — ужин с приближенными и принимающей стороной. Пили много, потом еще баня, потом пение и хор. Потом совсем непотребное, потом Ратибор ничего не помнил. Судя по виду начальства и устремленные в пол глаза обслуживающего персонала, начальство тоже ничего не помнило, но силилось, а обслуга старалась развидеть, но не могла. В общем, все не могли.

Ратибор, как правило, выступал во втором акте, когда шла вторая волна пьянки и хотелось поговорить по душам. Всем очень нравились рассказы, доказывающие, что когда-то мы были на своих нар-

ративах, а не на английских рельсах. Что когда-то и Константинополь еще не надо было брать. В общем, всё сами, всё свое. Это бодрило. Тут начинали вспоминать Будду, но маршал это живо прекращал, и начинался третий акт посиделок.

Ратибор уверял себя утром, что он этого уже не помнит. Хотя помнил, конечно, но не хотел. Особенно когда маршал в кителе ездил верхом на тройке, запряженной принимающей стороной в виде голых интендантов обязательно в портупеях и сапогах. Он радостно рычал и стегал их полотенцем. Они визжали от восторга.

Но наступало утро, и они улетали, и днем он уже валялся в своей постели, не желая возвращаться к жизни.

Эпизод третий

Жил Ратибор на Сущевском Валу, в Марьиной Роще, и ехать в [redacted], хоть и культурные, ему не хотелось. Но Серафим очень просил и говорил: будет отличный самогон. В Апрелевке всегда гнали отличный самогон, уверенно говорил он.

Надо было тащиться на Киевский вокзал. Он не любил его. Место дурное. То ли дело Савеловский. Поехали бы на водохранилище. Нет, им в баню подавай. К этому Федору Степановичу. Он его не знал, но уже ненавидел. Но самогонки хотелось, а бани — совсем нет. И там еще этот замшелый Никандров с этой его псевдоересью, ужас. Но обещал — надо ехать.

Он любил Серафима. Тот был совершенно отмороженным православным, и это умиляло Ратибора. Всё — еду, подумал он и нашел чистые носки. Ну, теперь точно. И он пошел на кухню. Долго шарил в холодильнике. Включил чайник. Вода была, закипела. Он любил пить горячую воду. Вот что

будет, каким я вернусь завтра из этой Апрелевки, из этой бани, из этого самогона? Я буду уже другим. Может, вступлю в секту Серафима, или в батальон этого Федора, или стану писать галиматью, как Никандров.

Вот ведь жопа: идешь и не знаешь, каким вернешься.

Это Москва, тут всегда так. Все зыбко, неоднозначно и абы как. А потом глядь — и все как было. Чудное место.

Эпизод четвертый

Писатель Никандров писателем стал не сразу. Он долго мыкался, потом маялся. Писал репортажи, заметки и кляузы. Потом строй сменился, и он вдруг в один прекрасный день проснулся классиком. Как это вышло, он не мог объяснить и теперь, когда прошло уже с тех пор много лет.

Он стал суперклассиком, ибо время сделало свой выбор: он жил и жил, а другие — нет. Его жизненная сила сделала его неистовым исполнителем всего на одной струне. И она не рвалась, но и он не сдавался.

Так и жил. И писал, писал, писал — по-разному об одном и том же. Постепенно стал примеряться и с Серафимом, но только потому, что любил проводить время у Федора Степановича.

Он был терпеливым или забывчивым. Нет, впрочем, забывчивым не был. Он одевался как все старики, считающие, что они выше одежды: что-то надето — и ладно. И это был не вопрос отрицания, старческой модели поведения. Ему казалось, что он вполне современен и одет как настоящий, а не притворный богач. Так ему говорили. Или он читал где-то. Ну, не важно. Он надел все, что считал нужным, и отправился. Его ждали.

Эпизод пятый

Была еще одна странная причина существования этой компании. Они все по отдельности считали, что спасают мир, и горячо болели за процесс. Эта компания совершала неистовый прорыв за границы смыслов, сокращала расстояния между галактиками, соединяла ежиков с грибами и наделяла смыслами потерявшиеся души жителей их страны и всех прочих стран.

Впрочем, это было не важно, ибо это следовало одно из другого. Надо было спасти своих, а дальше все случится само.

Федор Степанович подбросил в печку несколько поленьев, проверил мясо для шашлыков, посмотрел, достаточно ли углей у мангала, и вернулся к Серафиму, который дремал там, где был оставлен хозяином полчаса назад.

Федор Степанович вспомнил, как увидел Серафима первый раз молодым, еще начинающим философом в МГУ. Недоучившийся, но азартный, он имел какой-то запал, и это, наверное, кого-то привлекало. Еще менее начитанных, еще менее думающих и, конечно, вялых и неазартных, которые загорались на сумасшедшие идеи и гладкие речи Серафима. Тогда еще Федор Степанович подумал, что держаться надо подальше, но на всякий случай из виду не терять. Так он и сделал. А потом вот как все повернулось.

Эпизод шестой

Федор Степанович растолкал Серафима и отправил его на станцию встречать Ратибора. Серафим идти не хотел, но Федор Степанович напомнил ему, что тот его позвал и еще и поставил перед фактом,

не обсудив ни с кем заранее. Серафим ссутулился и отправился.

Как потом выяснилось, этой же электричкой приехал и Никандров. Поэтому они явились втроем. Два старика и ладный молодец, соответствующий имени.

Они ругались: Серафим отказывался признавать, что обещал самогон, а Ратибор отказывался пить пиво, которое он с детства не любил. Мирно настроенный Никандров вызвался сходить за самогоном, он про это все знал и добывал его для них с Федором неоднократно. Это привело компанию в полное согласие, хотя сначала еще долго решали, есть ли шашлыки посередине бани или после. Решили пустить на самотек. Это соответствовало концепции встречи людей с разными взглядами, но одинаковыми желаниями.

Ратибор натаскал в кадку воды, Федор Степанович проверил баню, Никандров принес самогон, Серафим нанизал мясо на шампуры.

Эпизод седьмой

— Неплохой пар,— сказал Ратибор. Все покивали. Помолчали еще. Потом Ратибор сказал, что ездил с вояками на полигон. Опять помолчали. Ратибор сказал, что еле встал сегодня с похмелья.— С вояками всегда так,— сказал Никандров. Опять помолчали.— Подкинуть? — спросил Серафим и потянулся к черпаку.— Ну, если немного,— согласился Федор Степанович.— Кидай давай,— поторопил Никандров.— Самогонки уже охота выпить.— Не спешите,— сказал Федор Степанович.— Дайте хотя бы пару шашлыков сделать.— А мне для пива ничего не надо,— сказал Серафим и подкинул еще.— Уши

горят,— сказал Ратибор.— И душа,— подхватил Никандров.— Пошли выпьем.

Они вышли.

— Где ты этого Ратибора откопал? — спросил Федор Степанович, когда они остались одни с Серафимом.

— Так, одними дорогами ходим,— ответил Серафим.— После какого-то семинара, где вместе выступали, познакомились, стали общаться. Он на своей волне, конечно, без царя в голове: без нашего, но со своим.

— Стучишь на него?

— На него постучишь. Вояки потом тебе настучат.

— Да ладно, пошли,— закончил Федор Степанович, и они вышли из парной.

Ребята сидели за столом распаренные и довольные.— Уже много накинули? — спросил, глядя на их довольные физиономии, Федор Степанович.— Да нет, по две,— ответил Никандров.— Вот сейчас еще по одной, и все полетит. И поскачет.— Понятно,— ответил хозяин и пошел с шампурами к мангалу.— Сейчас закусим.

Серафим достал пиво.

Эпизод восьмой

Спорили уже часа три. Шашлыки были съедены, баня остыла, а они всё орали и орали. Серафим доказывал, что всепланетная сущность русского мира выше любой морали, а Никандров требовал наличия строгой морали строителя коммунизма.

Национальный вопрос держал их пока еще в рамках взаимоуважения, но искры носились знатные. Масла подливал Ратибор, пытаясь опрокинуть харизматиков пантеизмом и культами язычников. Но они отмахивались от него, называли недораз-

витым фитнес-тренером, он обижался и посылал Никандрова за очередной бутылкой самогона. Спор мгновенно прекращался.

Материализм выпивки побеждал магию идеологии в два счета. Но вот Никандров возвращался — и все загоралось снова. Суть спора постоянно ускользала от Федора Степановича и Ратибора, они уже и не следили, а потом и вовсе ушли во двор и молча сидели, глядя на луну.

— Сирень хороша,— сказал потом Ратибор.

— Да тут всегда так,— согласился Федор Степанович.

— А ты сам-то как думаешь, нужна нам вся эта байда? — Ратибор кивнул в сторону дома.

— Нам — точно нет,— со смешком ответил дядя Федор.— А им — точно да. Они же сумасшедшие.

— А ты? — спросил Ратибор.

— И я, наверное, тоже. Но я жду Людочку, поэтому мне все нравится. Она обещала завтра приехать, и теперь я могу вытерпеть даже твои бредни. Давай задвинь что-нибудь. Как ты вояк агитируешь.

— Я не агитирую, я проповедую.

— А, ну да, я забыл — извини,— Федор Степанович встал.— Пошли, возьмем еще бутылку. Они, наверное, уже всё выпили, слышишь — стало еще громче.

Эпизод девятый

А Людочка в это время преследовала не опознанного еще убийцу семьи Погодиных. Она была экстрасенс. Она раскрывала убийства или намерения, если таковые были. Она была популярна среди своих знакомых, которым рассказывала о своих похождениях в потустороннем мире ощущений и грез. Ее любили все. Она располагала наивной подачей всего, что хотела подать. Она вселяла умиление

и страх. Она царила, будучи не способной ни на что, но, погибая на глазах у собеседников, жила потом долго в их воспоминаниях.

Она ходила на телепередачи, и всем нравилось быть рядом со знаменитостью. Это все искупало и помогало Людочке существовать. Ее научил всему этому один старый развратник, который, слава богу, уже умер и оставил Людочке стезю, по которой она и шла то гордой поступью, то заплетающимися ногами — в зависимости от состояния ее души.

Вот такая вот взрослая теперь Людочка была музой Федора Степановича. Их платоническая страсть возникла в коридоре «Останкина», куда он пришел зачем-то — кажется, поддержать Серафима в студийной массовке. Она тоже участвовала. Их глаза встретились, потом они очутились в буфете. Серафим разглагольствовал, она смущенно молчала, а Федор Степанович желал убить этого чокнутого философа, ибо больше всего на свете хотел остаться с Людочкой вдвоем.

Эпизод десятый

Вернувшиеся с винокурни Ратибор и Федор Степанович были встречены Никандровым и Серафимом с восторгом. У них кончилось, и ни одна победа русского мира или народа-суриката не могла сравниться с видом новой непочатой бутылки.

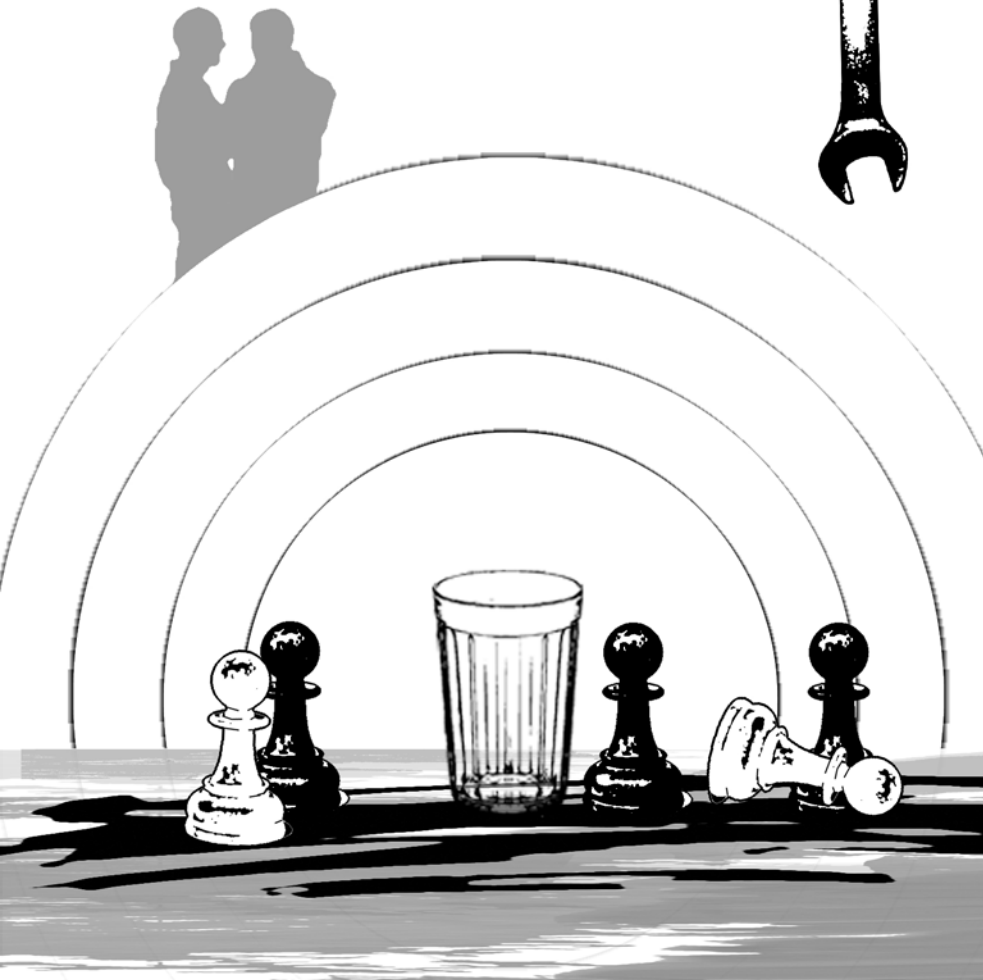
Быстро налили. Быстро выпили. Всех как-то совсем развезло. И все разбрелись. Кто куда.

Серафиму вдруг захотелось курить, он пошел на станцию. Никандров заснул за столом, не закончив разговор с Ратибором. Федор Степанович пошел стелить гостям, а Ратибор, глядя на спящего писателя, стал напевать песни, которые он выдавал

своим сторонникам за нетленные творения древлян. В общем, все четверо были счастливы.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Эпизод первый

Снегирев — на самом деле все звали его Витек — работал в ремонтных мастерских автотранспортного предприятия. Они соединяли своими автобусами два соседних города в Саратовской области. Сейчас Витек опаздывал и беспокоился: был он у начальства на совсем нехорошем счету. Опять Петрович будет выговаривать. Петрович был мастером у них. Ну и бригадиром. Витек не всегда понимал разницу.

Он шел по промзоне, пытаясь не попадать ногами в грязь. Но получалось это не всегда — грязи было много. Так было всегда, сколько он себя помнил. Захолустье.

Он проскользнул сквозь проходную и очутился в родной ремзоне. Рудольф Валентинович укоризненно — как всегда, впрочем,— посмотрел на него. Рудольф Валентинович был взрослым, душным, всезнающим, прилежным рабочим. Мастером на все руки. Благодаря ему люди могли дождаться автобуса и не состариться совсем за время ожидания. Кулибин — так бы называл его Витек, если бы знал о существовании Кулибина.

— Слышал,— закричал ему Витек,— в Москве опять кого-то арестовали. Рудольф не удостоил его ответом:

— Иди посмотри на триста восемнадцатый, ему выезжать пора на линию. Там, кажется, масло ниже нормы.

Витек быстро двинулся к автобусу, радуясь, что идеально вписался в рабочий день.

У автобуса он встретил Кочергина, старого забулдыгу, которого давно надо было уволить, но ни у кого рука не поднималась: когда-то он был директором этого всего, а теперь почти бомжевал в цехах. Держали из уважения, ну и вообще — по обычной сентиментальности провинциальной.

— Что, Витек, сегодня остограммимся? На тебя вся надежда у меня,— сказал Кочергин.

— Не знаю,— протянул ему руку Витек,— не уверен, у меня планы на вечер пока еще сохраняются,— он имел в виду надежду на поход в гости к местной царевне. Ну а вдруг она наконец откликнется на его бесконечные смс.— Там видно будет,— махнул рукой Витек и пошел дальше.

Эпизод второй

День прошел как-то быстро. Поели. Что у кого было. Согрели чаю. Рудольф Валентинович достал шахматы и позвал Кочергина: давай сыграем. Кочергин подсел поближе, и они расставили фигуры. Белые выпали Кочергину.

— Давай начинай,— сказал со вздохом Рудольф. Он играл хуже и надеялся на белых. Но не судьба.

— Все-таки Путин — молодец, дает им там всем прикурить,— сказал Витек, глядя на играющих.— Не дает воровать. Сажает их и сажает.

— Ага,— сказал Кочергин,— а они всё воркуют и воруют. Жаль Пригожин не дошел, дал бы им всем

там просраться. Оборзели москвичи. Не чувствуют страну совсем. Все им мало, а мы последнее тут доедаем. И что дальше?

— Ходи,— сказал Рудольф Валентинович.— Вы безмозглые, аполитичные, никчемные существа. Вы не можете понять всю грандиозность замысла нашего лидера. Он хочет, чтобы мы наконец зажили, работает день и ночь, а вы только и талдычите: посадил — не посадил. И что дальше?

— Хорошо,— сказал Витек,— а вот библиотекарша наша Мария Ивановна за два поста ВКонтакте пять лет получила — это, по-твоему, правильно?

— Конечно,— Рудольф Валентинович степенно кивнул.— Конечно, правильно. Нужны рамки, и если вышел за них — извини, по всей строгости, без снисхождений слюнявых. Пусть думает, прежде чем писать.

— Шах,— сказал Кочергин.— Болтаешь много.

Эпизод третий

Рудольф Валентинович крякнул от огорчения и задумчиво уставился на Кочергина:

— Вот никак я тебя понять не могу, Кочерга. Ведь ты сознательный гражданин, руководил большим предприятием — и при этом не осознаешь текущего момента.

— Чего я не осознаю? Что они жируют, а мы тут ходим с голой жопой,— этого? — вскинулся Кочергин.— Это ты не осознаешь, что индюк ты напыщенный — и всё. Придумал себе, будто ты местный умник. А ты ведь дурак,— Кочерга закашлялся, он редко говорил так много.

— Ладно, ты выиграл. Давай еще одну, что ли,— примирительно сказал Рудольф Валентинович.

Эпизод четвертый

Они сыграли еще. Стало темнеть. Витек включил лампу над столом. Стало уютно.

— Может, я сгоняю? — спросил он. Кочергин посмотрел на Рудольфа Валентиновича. — Можно, — снизошел тот. — Пополам? — спросил Витек. — Идет, — ответил Рудольф. — Хотя нет, постой, наверно, Петрович подтянется, как начальство уйдет. Бери две — и с него стрясем за одну. Он же больше нас получает.

Витек кивнул и взял деньги. Игроки продолжили. Кочергин сказал:

— Вот сейчас придет Петрович, мы его спросим, что он думает.

— Он ничего не думает, — сказал Рудольф Валентинович. — Только чтобы автобусы ходили и зарплату платили. Нет, не так: чтобы платили, и он мог жене зарплату относить. Чтобы она была довольна и не пилила его.

— Да, пожалуй, — сказал Кочергин. — Он ведь при мне начинал. Молодой такой, после техникума. Орел. В институт заочный поступил, женился. А потом начались девяностые — и пошло-поехало.

— Нет, ты мне скажи, — перебил его Рудольф Валентинович, — сейчас лучше, чем в девяностые?

— Нет, — ответил Кочергин. — Я не чувствую себя живым. Вон посмотри на Витька: он вообще не знает, зачем живет. Да и ты сам. Что ты пыжишься?

— Я не пыжусь, — обиделся Рудольф Валентинович. — Я себя уважаю и хочу, чтобы и другие меня уважали. Чтобы был порядок, традиции наши и все остальное, как президент говорит. Чтобы была Россия, как мы хотим.

Эпизод пятый

Пришел Петрович.

— Сидите?

— Сидим, а куда нам деваться. Культурно проводим досуг,— ответил ему Рудольф Валентинович.— Посиди с нами, сейчас Витек придет, выпьем по сто грамм.

— Нет-нет, что вы, меня жена ждет, я не могу.

— Да ладно, так посиди тогда. Вот мы тут пытаемся в очередной раз понять, надо ли всех этих голубых гонять и либералов и русский мир продвигать,— начал Кочергин.— Что скажешь?

— Вы меня в это не втягивайте. Мне жена говорит, чтобы я молчал, а то посадят. Как библиотекаршу,— встрепенулся Петрович.— Пойду я, ей богу,— встал, пожал им руки и ушел.

— Видал? — спросил Кочергин.— Видал,— ответил Рудольф Валентинович.— Скользкий тип.— Нет, подкаблучник просто.

Эпизод шестой

Вернулся Витек.

— Петрович не заходил?

— Заходил и сразу ушел,— ответил Кочергин.

— К жене пошел,— сухо добавил Рудольф Валентинович.— Не выдержал правды жизни.

— Да ладно тебе, какой правды! Он не хочет втягиваться в пустопорожнюю болтовню, и я его понимаю. Мы тут такие модельные рабочие.

— Какие рабочие мы? — не понял Витек Кочергина.

— Модельные — как в кино, нежизнеподобные мы. Ненастоящие. Говорим не матом и длинными предложениями без междометий.

— А,— кивнул Витек.

— Не слушай его,— сказал Рудольф Валентинович,— он сам не свой сегодня. Давайте выпьем, может, полегче нам всем будет

Налили. Выпили. Помолчали. Налили. Выпили. Помолчали.

— Вроде полегчало. Так что, Рудольф, что дальше? — спрашивал Кочергин. Тот не ответил, задумчиво глядя в себя.

Витек достал телефон и начал писать своей принцессе. Кочергин не отставал от Рудольфа. Спросил опять. Рудольф Валентинович вздохнул и сказал:

— Все будет как начальство решит. Оно от бога, и ничего ты с этим не сделаешь. Ты же помнишь, так было при советах, так и сейчас. Ничего не меняется. А нам-то что, больше всех надо?

Кочергин, было видно, не согласен, но спорить не хотел. Витек ушел в раздевалку. Решил помыться перед предполагаемым вечером.

Эпизод седьмой

— Ну все-таки, Рудольф, если без трескучих фраз, как ты мыслишь про будущее? — Кочергин разлил им остатки. Выпили.

— Я думаю, мил человек, что будущее наше светло и прекрасно. Нас боятся. Нас слушают. И без нас нет будущего.

— Без кого без нас? — напрягся Кочергин.

— Без народа. Мы заставляем власть делать то, что должно, нашим сопением и молчаливым гулом. Она не может без ощущения нас. Нашей воли. Вот так я думаю,— сказал Рудольф.

— Ну, ты даешь,— с изумлением смотрел на него Кочергин.— Сколько тебя знаю, а вот увидел по-новому. Ты прям как те, которые по телику.

— Ты же не смотришь.

— Ну, иногда попадается,— с отвращением сказал Кочергин.— И главное — ты, Рудольф, ведь думаешь так же, как я, только твоя фанаберия не дает тебе согласиться,— Кочергин на мгновение превратился в себя прежнего, с начальственными интонациями.— Иди на [redacted] со своей этой выжимкой конспектов.

Эпизод восьмой

Витек вышел из душа. За столом сидел только Кочергин. Рудольф Валентинович ушел. Кочергин дремал. Витек закурил. Они всё допили — Витек оглядел бутылки. Вот суки. Ему хотелось выпить.

— Кочерга, ты как? Я хочу еще за бутылкой сбегать.— Давай,— очнулся тот,— я всегда за. Только водку бери нормальную. Не сивуху.— Яволь, мой генерал,— Витек развернулся и вышел.

Кочергин, оставаясь один, сразу погружался в беспросветную тоску. Только водка и общение спасали. Пока все это у него было. И спешить ему было некуда. Он смотрел на дверь. Она открылась — и это был не Витек. Это вернулся мастер Петрович. Он шумно дышал.

— Ты чего, Петрович? Случилось чего?

— Да нет,— переводя дух, ответил Петрович.— Директор меня выдернул с вопросом, будет ли на завтра дополнительный автобус, как договаривались. Пятница, будь она неладна. Вечером надо ставить. А я не помню, доделал Витек 25-й или нет. Вот пришел посмотреть.

— Какой ты ответственный,— удивился Кочергин.— Не замечал за тобой.

— А где Витек? Не ушел еще? — спросил Петрович.— Нет, он пошел в магазин.— Не хватило, что ли? — Ну, типа того.— Придет — пусть ко мне идет.— Скажу,— и Кочергин снова уставился на дверь.

Минут через пятнадцать появился Витек.

— Тебя Петрович ищет,— встретил его Кочергин.— Автобус, боится, ты не сделал.— А я сделал,— отозвался Витек.— Сделал я.— Вот ты ему и скажи, что сделал.

Эпизод девятый

С автобусом все оказалось в порядке. Петрович повеселел и не отказался выпить. Налили и выпили.

— Вот [redacted] же с этим единением,— сказал Кочергин.— Ну скажи, Петрович.

— Нет, порядок должен быть,— ответил Петрович.— Они решают — мы делаем. И заметь, они всегда решают правильно. Мы побеждали всегда, победим и теперь.

— Вот,— удовлетворенно сказал Витек,— а ты, Кочерга, сомневался в народе. Петрович дело говорит.

— Ну, конечно, кто еще может, кроме Петровича, дело говорить,— Кочергин махнул на них рукой.

— Ладно, не расстраивайся,— сказал Петрович.— Наливай, и я побежал, мы сериал смотрим. Моя ждет, не смотрит без меня.

— Везет,— сказал Витек. Его принцесса ему так и не ответила. [redacted].

Выпили. Петрович ушел.

Эпизод десятый

Они стояли на улице и смотрели на звезды.

— Ты молодой еще, Витек, и кругов мало намотал, тебя еще не бьет в темя повтор одного и того же. А я насмотрелся,— Кочергин задрал голову.— Я таким же был наивным, потом время прошло в сплошной работе. Вдруг оглянулся — а позади только труха и гниль, тоска и непотребство. Работаем на горшок. Поработал, еду купил, поел, поспал, пошел работать,

чтобы опять поесть. Вот настоящий круг жизни, Витек. И ты когда-нибудь оглянешься и поймешь, что только водка может отделить работу от вида действительности, да и то ненадолго. Похмелье оставляет гной и шелуху в душе. Поэтому человек не выдерживает и снова пьет. Кругом воровство и [redacted], вранье беспросветное. Ты же уже это понял.

— А как же Путин? — вдруг поднял голову Витек.— Он-то борется.

Кочергин посмотрел на него, развернув лицом к фонарю:

— Путина не трожь — это святой, и не нам о нем говорить.

— Значит, нам повезло? — спросил Витек.— Можно и так сказать,— ответил Кочергин.— Пошли ко мне,— предложил Витек,— у меня нет никого, тебе ведь некуда идти.— Ну, я нашел бы,— привычно соврал Кочергин.— Но к тебе — с удовольствием.

Они обнялись и так и двигались в обнимку. Они были счастливы.

KAPAOKE

Эпизод первый

Степанов был обычным чиновником, много лет трудился в министерствах и администрациях, впереди уже маячила пенсия.

И все бы ничего, но как-то вдруг все закружилось в вихре вальса распоряжений и нервотрепки вышедшей из налаженного ритма жизни. Теперь он все время боялся новостей. Коллеги общаться стали скупо, о себе рассказывали мало, обрывочно. Он чувствовал эту перемену перехода эцмпатии к антипатии, находил ее и в себе. Тем сильнее он тяготел к своей оставшейся компании, которая сложилась за годы службы человек к человеку.

Последние годы они собирались в караоке-баре недалеко от Китай-города, им там было всем рядом, они после работы раз в месяц пели песни. Какие? В основном им нравились песни из старых советских фильмов, ребятам помоложе они нравились даже больше.

Степанов же предпочитал «Битлз» и Гребенщикова. Хотя теперь это и не приветствовалось, но чем дальше, тем сильнее мелкие запреты раздражали. Все эти залезания начальством в личное простран-

ство Степанов не любил. Но терпел. И даже шутил на эту тему с ребятами.

Вот и сегодня был именно тот самый четверг. Рыбный день. Их день. Караоке-день.

Эпизод второй

Степанов пришел на их ежемесячную закрытую пати, и администратор проводил его в кабинет. Их здесь хорошо знали. Они шли по лестнице и немного поболтали о погоде и выходных.

На месте уже был Никита. Никита работал, как он любил говорить, в детском мире, друг друга они называли соседями. Он был самый молодой из них. Шустрый, веселый, спортивный. И с нормальной головой.

— Трепещите,— приветствовал он Степанова,— я сегодня в голосе.

Да, Никита был голосистым и попеть любил очень. У Степанова не было ни слуха ни голоса, поэтому он любил пение Никиты.

— Никита Петрович, как здоровье? — Степанов сам полез обниматься, тыкая приятеля своим обширным животом, но длинные руки Никиты крепко сжали его плечи:

— Все прекрасно, Степаныч. У меня отпуск скоро. И я поеду на Алтай. На речку. В общем, красота,— глаза его помутнели от восторга.— Красота,— повторил он еще раз.

Они сели к столу и закурили.

— Расскажи, как же вы упустили все это. Как же так? — спросил Степанов.

— Да вот так,— ответил Никита,— сами удивляемся. У нас же начальников много, а исполнителей мало, все мечутся, команды грозные раздают, а исполнять их некому. Это, может, и хорошо в штабной суете, но в реальном процессе так нельзя. А если вы-

полнять все, что ваши заразы придумают, то ничего хорошего в результате не выходит. И мы выглядим кровожадными упырями, а вы умными функционерами ЦК. Красавчики!

— Да ладно, чего ты заводишься,— сказал Степанов.— Спой лучше что-нибудь Алкино: почувствуешь себя диссидентом — и полегчает. «Паромщик» хорошо у тебя выходит.

— Да ладно тебе подкалывать,— не обиделся Никита и поглядел на свои модные ботинки.— Ну, если вы просите,— скосил он глаза на Степанова. Тот закивал, улыбаясь: просим, спой. И Никита спел. Он знал песню наизусть. И Степанов знал. Им было хорошо. Они были паромщиками. На реке. Ух.

Эпизод третий

Администратор клуба привел опоздавших. Шумные аппаратчики из Белого дома. Бусыгин и Альберт. Альберт служил в секретариате, а Бусыгин — помощником министра. Бросились к столу.

— Чего — еще не налили? — Нет,— ответил Никита,— вас ждали. Опомнившись, пришедшие начали обниматься.— Пели? — подозрительно спросил Бусыгин.— Одну,— ответил Степанов.— Ну, тогда давайте выпьем, создав логическую цепочку,— предложил Бусыгин и разлил водку по рюмкам.

Они обычно пили водку сначала, а виски позже. Или не пили, если не доходили до этой кондиции.

— Слушайте,— сказал Альберт, а слышали — говорят, все-таки Сергей Семеныч к нам.

— Слышали,— ответил Никита.— Но это вряд ли. Зачем ему? И зачем всем остальным. Ну, кроме ваших стратегов,— он кивнул на Степанова.— Да бросьте вы телеграмные байки пересказывать. Давайте я вам лучше расскажу, что творится теперь на всех комсо-

мольских встречах. Обучение актива. Бесконечный поток. Такая тупизна.

Эпизод четвертый

Никита спел уже пять песен, Бусыгин три, Степанов одну, а у Альберта болело горло. Всех немного отпустило, чему способствовали и три пустые бутылки водки.

— Создается Министерство молодежи, куда сольют все — от туризма до образования,— сказал Бусыгин.— Вот начальник Альберта рассматривается, такие дела.

— А чего ты вдруг вспомнил? — спросил Альберт.

— Да я вот думаю,— сказал Бусыгин,— что пропагандистская машина становится все примитивнее, усилий много, а КПД все ниже. Что дальше?

Степанов ухмыльнулся:

— Бусыгин, ты наш гений, ты задал главный вопрос отечественной номенклатуры — что дальше? А давайте закажем по бифштексу, а?

— Не, я не могу поздно есть,— сказал Альберт,— меня жена убьет.— И правильно, ты не ешь, мы съедим,— сказал Никита и нажал кнопку вызова официанта. Явился тот быстро, они быстро заказали бифштексы плюс водки. Никто не хотел домой, все хотели единения и братства, чтобы наступил тот момент, когда они, как раньше, были молодыми и на всё способными, с кудрями до плеч скакали на быстрых конях навстречу Бекингему по заданию королевы. Ну да ладно. Им и теперь неплохо. А песни из «Трех мушкетеров» они сейчас споют. И все продолжится.

Степанов начал первым… Есть в графском парке черный пруд… Там лилии цветут… Остальные искали в каталоге номера песен. Своих. Проверенных.

Эпизод пятый

Степанов глядел на Никиту, поющего про Констанцию, и думал, как бы ему узнать, не известно ли что-нибудь про будущее перемещение его начальника. Очень много работы стало и часто суета, а не содержание, усталость как результат. Надоело. До пенсии надо было еще как-то дослужить, дергаться поздно, да и не хотелось ему никуда, везде не лучше, считал он.

Никита мог знать, его пути и начальника Степанова пересекались. Но дружба и служба — разные вещи, а дружбой Степанов научился дорожить.

Принесли мясо. Застучали ножи и вилки. Выпили еще водки. Они не говорили о войне. Никогда. Только эвфемизмы, только вокруг. Молчание. Глухое. Как говорил один функционер, глаза в пол и быстрым шагом. Так проскакивали тему. Но вопрос, что дальше, никуда не девался — и не мог.

— Слушай,— сказал Бусыгин, обращаясь к Степанову,— а когда вы перестанете изобретать новые смыслы один бестолковее другого: бережливая экономика, волны поддержки и цифры ВЦИОМа. Это же нельзя так бесконечно. Эти постоянные недовложения смыслов. Куда это нас ведет?

— Сам знаешь, куда,— пробурчал Степанов.— Вот его спроси — куда,— он кивнул на Никиту.— Это всё они. То измена, то агенты.

— Ну, началось,— закатил глаза Никита.— Давайте я вам лучше спою.

— А мы не против,— сказал уже сильно уставший Альберт.— Только давайте сначала накатим.

Выпили. Никита спел. Все молчали.

Эпизод шестой

— Так мы патриоты или нет? — Бусыгин взял быка за рога. — Почему нам не хочется на фронт тогда? — Он, когда бывал пьян, был до чертиков лапидарен. — Почему? Тебе хочется или тебе? И мне нет. Я спрашиваю.

— Ну, потому что мы непризывного возраста, — пытаясь погасить пожар, шепотом отвечал ему Степанов, скрестив руки на обширном своем животе. — Спой лучше свою любимую — там, где москвичи и кирпичи. Златые купола. Ну, Шнура-то эта песня, ты ее часто раньше пел.

— А надоела она мне. Я другую полюбил, — сказал Бусыгин. — Давай найди мне Гребенщикова «Нас с тобою [redacted], брат-боец» или как-то так она называется. — Бусыгин постучал по столу микрофоном. Микрофон жалобно загудел. Бусыгин встал. Он был тощий, длинный, нескладный, но приобретший с годами кабинетный лоск. Ну, такой паркетный. Вы знаете. Обтертый камушек с переводной картинкой.

Он запел. Высоким голосом. Фальцетом. Песня была, слава богу, не длинная.

— Вот, — сказал он, усаживаясь на свое место. — Может, напьемся?

— А мы что делаем? — отозвался Альберт. Он слегка протрезвел и находился в равновесии души и тела. Ему хотелось любви. И он запел про кавалергардов, век которых недолог. Никита со Степановым выпили. Степанов тупо задал свой вопрос про начальника. Никита тупо ему ответил: не знаю, и отъ[redacted]. Значит, я в точку попал, удовлетворенно извиняясь за бестактность, подумал Степаныч.

Эпизод седьмой

Позвали местную исполнительницу песен. Она спросила, что петь. Никита сказал: на свой вкус. Закурил. Она запела «Ватерлоо». Он был не против, Степанов кому-то писал в телефоне, Альберт ушел в туалет, а Бусыгин налил себе и выпил. Никита отказался от предложения составить компанию. Девушка пошла дальше по АББе. Никита спросил Бусыгина, какие настроения в Белом доме. Обсуждается ли повышение налогов.

— А то,— ответил Бусыгин,— еще как. А настроения простые, как и раньше, я же тебе говорил. Ничего не вижу, ничего не слышу и от сих до сих работаю. У вас, можно подумать, по-другому.

— К сожалению, по-другому,— ответил Никита.— Слишком много рьяных, пытающихся прыгать через ступени без тормозов. Это создает дополнительную нервозность, а люди и так черт-те чем занимаются. Ходят по гадалкам, оккультистам, бухают по-черному и наркоманят. Спасаются, в общем.

— У нас то же самое,— сказал, подсаживаясь к ним Степанов, — Мы-то с вами такие же.

— Ну, не совсем,— сказал Бусыгин.— Мы взрослые и опытные. У нас ипотеки и пенсии. Нам ошибаться нельзя.

— А мы и не будем,— твердо сказал Степанов.

Эпизод восьмой

Девушка, перепев всю АББу, ушла передохнуть, а вернувшийся и повеселевший Альберт сказал, что встретил в общем зале знакомых, которые рассказали ему, что в МИДе идут повальные аресты, вроде как кто-то дал на всех показания о какой-то нелегальной торговле.

— Вот все-таки началось,— озабоченно сказал Никита, встал и вышел.

— Звонить пошел,— бросил вслед Альберт.— Ишь шустрый. Но это не его епархия, чего он подорвался.

— Вы за собой следите,— сказал Степанов.— Давайте счет попросим, второй час уже. Пока окажемся дома, уже почти утро будет.

— Ну и что,— сказал Альберт,— я отлично отдохнул с вами, ребята.

— Я тоже,— сказал Бусыгин,— но завтра у меня тяжелый день. Я тоже за то, что пора закругляться. Сегодня кто платит?

— Я,— отозвался Альберт,— моя очередь.

— Ну, тогда я побежал,— сказал Бусыгин и надел пиджак.— Пока, ребята. Берегите себя.

— И ты,— ответили ребята.

Эпизод девятый

— Что скажешь, Альберт? — Степанов пристально посмотрел на него.— Я заметил, ты сегодня не в своей тарелке весь вечер.

— Да, блин,— сказал Альберт,— моя беременная, всё как-то ни к селу ни к городу, куда сейчас рожать, а она уперлась: буду и всё. А ты же знаешь, у меня она не одна теперь. В общем, с утра до ночи крик и разборки. То туда, то сюда.

— Ты потерпи,— пожевал губами Степанов.— Оно, сам знаешь, само, бывает, пройдет, если потерпеть.

— Это-то да, а дальше что?

Да-да, что дальше, крутилось в голове Степанова, кто же знает — что. А вслух он сказал:

— Давай не будем ждать, пойдем вниз, по дороге заплатим. Никита, похоже, смылся, не прощаясь.

— Пойдем,— согласился Альберт.

Они спустились, заплатили и вышли на улицу. Шикарная, почти летняя ночь. Эх, все-таки май — это май, скоро лето, а лето — это лето.

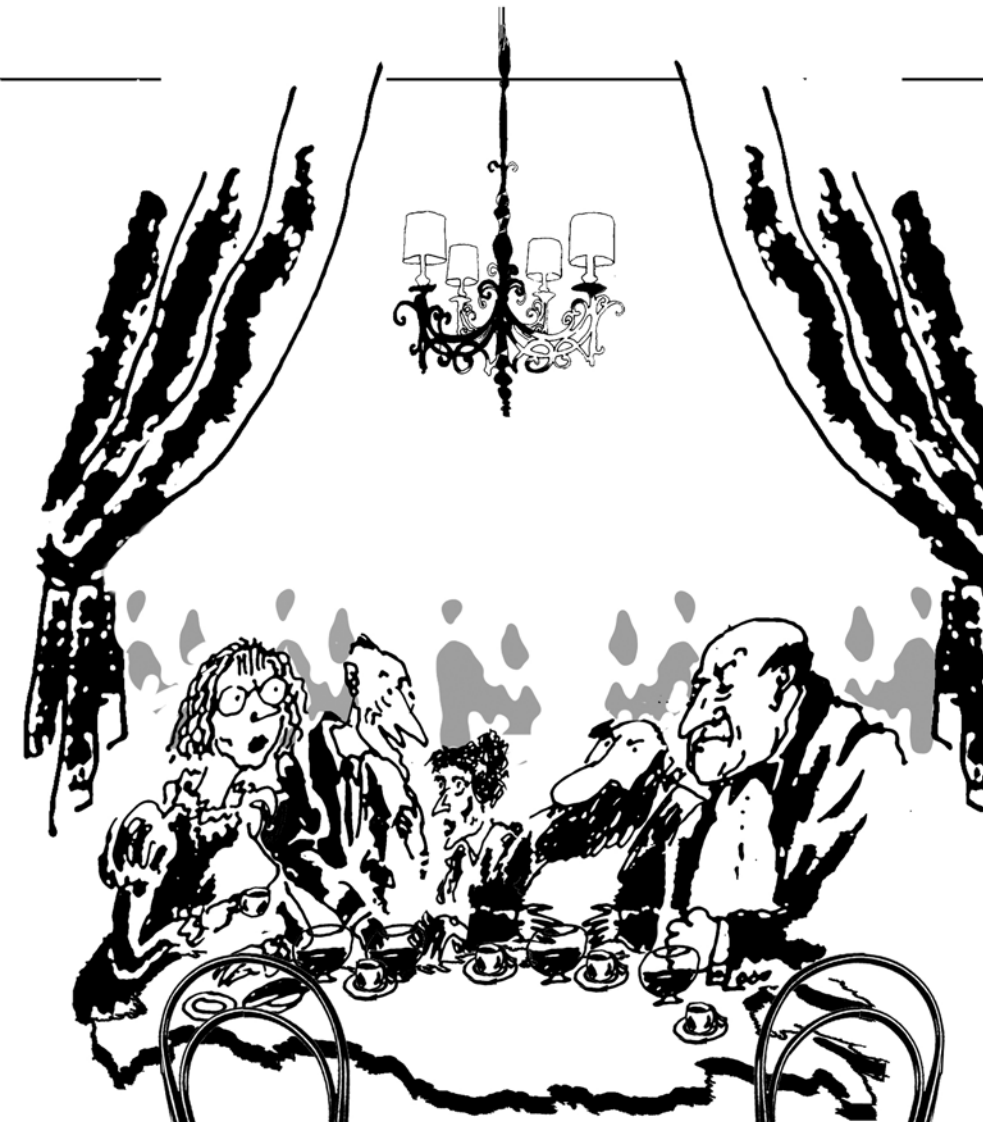
— Как твой рак? — спросил Альберт. — Нормально. Ремиссия. — Так это же супер. Пошли выпьем кофейку в «Метрополе», я угощаю.

Ишь разошелся, подумал Степанов и улыбнулся:

— Пошли!

Central

Эпизод первый

Central был, как всегда, полон туристов. Место суетное. Как, впрочем, и сто лет назад. Вена толерантна и всеядна. Поэтому здесь и ОПЕК, и любая оппозиция любым режимам. Вена — Швейцария смыслов. Вот и теперь — снова и опять. Русские в Вене и в оппозиции. А кафе Central — символ. Впрочем, уже и непонятно, чего. Возможно, ощущения возможного. Мечта о власти. У них получилось. Чем мы хуже. Ну, как-то так примерно.

Было 11, и Крюков опаздывал. Он должен был приехать из Берлина. А Гризодубова ела уже второй эклер. Она любила эклеры. Этот Крюков — тот еще паразит, думала она. В России они не любили друг друга. А теперь приходится общаться. Но это лучше, чем общаться со всевозможными засланными казачками системы. Впрочем, ухмыльнулась она, кто из нас не казачок? Как потереть. Но Крюков — точно нет. Бэкграунд не тот. Годы в изоляции, годы безрезультатной мести. Своеобразный взгляд на происходящие процессы от этого — ну, тут ничего не поделаешь. Но зато искренний. Может, денег на журнал даст.

Эпизод второй

Крюков наконец явился, спас ее от третьего эклера, боялась не совладать. С собой. Он был скуп в словах и движениях. Приволок с собой ответственного за пропаганду и агитацию журналиста Спирина. Тот был гибок телом и легок в словах. Своих настроений не имел. Для рода своих занятий считал это отягощением. Зато знал много книг и еще больше людей. Практически все журналисты, уехавшие на Запад, теперь контактировали с ним.

Они уселись. Заказали кофе. Подумали — и заказали коньяк. Гризодубова, впрочем, отказалась.

— Ну,— спросила она Крюкова,— как живы-здоровы? Какие планы?

— Это у вас в Америке планы,— ответил Крюков,— а мы все в борьбе. У нас каждый день скандалы. Не можем поделить, кто будет кем, когда надо будет невесть откуда взявшуюся власть делить.

Спирин заржал:

— Ну да, кто правит — главный вопрос.

Крюков снял пиджак:

— Вы позволите?

Она махнула рукой:

— Вы же уже, чего теперь позволять — не позволять. Вы мне лучше скажите, как вы будете объединяться или размежевываться.

Дух Ленина метался по кафе.

Эпизод третий

— Мы еще кого-то ждем? — спросила она, вернувшись из дамской комнаты.

— Да, мы ждем неистовую Веру и этого клоуна — Ширинкина,— ответил Крюков. — Хочу послушать их рассказ про организацию пропаганды среди россиян. Это старая ахиллесова пята русской оппозиции — связь с территорией. Всегда отдельно, всегда сами по себе даже в России, не говоря уже как теперь. Они раскачивают нас, вместо того чтобы раскачивать там. Грузят и грузят вместе с этими чертовыми двустволками. Ну, ты знаешь их: один — твой друг кудрявый и всеобщая гламурная подруга.

Гризодубова нахмурилась.

— Иди в жопу, они совсем не мои, как и ты и прочие,— она махнула рукой в зал.

Стоял шум и гам.

— А вот пишут: рядом,— сказал Спирин, глядя в телефон.— Пойду встречу.

Он ушел в своих брючках и коротеньком пиджачке — прям как сто лет назад.

Эпизод четвертый

Ширинкин с огромной бородой и пузом был прям как купчина или русский писатель, а Вера была миниатюрная и неизящная. Бывает, знаете ли, так: маленькое, но всё немного не так. Непомерно или неравномерно. В целом нелепо, хотя и мило. Все

шумно обнимались, даже Гризодубова. Расселись. Помолчали.

Вера начала рассказывать про последние информационные удары по режиму, Ширинкин кивал, Спирин щурился, а Крюков отстраненно блестел очками.

— Вот как-то вы все без сердца это делаете. Вы слишком холодны для революции,— вдруг перебила ее Гризодубова.— Прям Ленин с Троцким, но не Сталин, конечно.

Спирин посмотрел на Крюкова. Он знал, что тому не нравится холодность. Он много страдал и теперь предпочитал людей неравнодушных, пусть неумелых, ошибающихся, но искренних. Но не упертых в хорошем смысле. Теперь же Крюков продолжал молчать, и Ширинкин, обращаясь к Гризодубовой, сказал:

— Ну ладно вам, Софья Павловна, на пустом месте. Верочка так старалась, мы все старались. Знаете, какой отклик в России.

— Знаем,— встрепенулся вдруг Крюков.— Никакого!

Эпизод пятый

— Окей, я уйду сейчас, это невыносимо, я столько сил положила на все это, а вы! — Вера наигранно ломала руки.— Но перед уходом скажу. Это вы и ваши жирные коты съели все наследие советских людей и продолжаете есть. А они живут, как жили. Ленин в мавзолее, и за компартию можно голосовать. Вы заигрываете со всеми подряд, желая занять лучшую стартовую позицию, когда начнется забег. Навыдавали векселей. И теперь сидите такие. А я, а мы пытаемся расчистить людям мозги и дать им шанс принять решение, может, первый раз самостоятельное.

— Это вы-то! — Гризадубова задохнулась, Спирин захихикал, Ширинкин ткнул его в бок.

— Ну-ка тихо там, потасовки только не хватало на глазах,— холодно сказал Крюков. Все успокоились.

Вокруг шумели посетители, бегали официанты, а за столом оппозиции было тихо. Помолчали. Потом Крюков попросил официанта посчитать. А потом Спирин предложил вечером пойти в оперу. Давали «Тоску». Он обещал билеты: старый друг был в билетной мафии.

— Встретимся перед главным входом за полчаса. Или хотите — в «Захере» за час до начала. Пирожное и шампанское.

Все расслабились, заулыбались и согласились.

Эпизод шестой

Вечер. Отель «Захер». Одетые в оперу мужчины и женщины пили шампанское, мимо шли люди, подъезжали машины. Вечерняя венская жизнь только начиналась.

Спирин не подвел. Были и билеты, и шампанское. Настроение компании улучшилось, хотя и напускная суровость не отпускала некоторых ни на минуту.

— Так что — вы продолжаете сотрудничать со всякими? — спросила Вера, сверкая глазами.

— Да, продолжаю,— ответил Крюков.— Я пытаюсь не допустить дрязг внутри, а вы мне мешаете. Вы пытаетесь доказать, что есть чистые и нечистые. Я же считаю, что чистых нет и полезны все, кто — неважно, из каких соображений — готов работать против режима. Или хотя бы помогать.

— Да вы еще хуже, чем я думала,— фыркнула Вера и встала.

— Пойдемте в зал,— примирительно сказал Спирин.— Пойдемте. Атмосфера все исправит. «Тоска», как говорится, не тоска.

Боже, какой же Спирин пошлый, подумала Гризодубова, вставая. Хотя где бы ты была со своими эклерами, если бы не он.

— Пошли-пошли,— вслух произнесла она.

Эпизод седьмой

Ширинкин не смотрел на сцену. Он, честно говоря, терпеть не мог оперу. Он был не в силах разобрать слова, а слащавые сюжеты претили его простой душе. Он хотел подвигов и славы, но чтобы их совершал кто-то другой, а он являлся весь в полосах софитов и получал лавры. Такой мир был для него. И он старался вовсю.

Сейчас его мысль напряженно вертелась вокруг главной текущей задачи: как не потерять проекты Верочки и быть полезным Крюкову. И, что еще важнее,— как занять место Спирина. Как его скомпрометировать так, чтобы от него отказался Крюков и кто-то порекомендовал Ширинкина.

Ну, допустим, Гризодубова могла бы порекомендовать. Крюков ее любит. Но как сдвинуть Спирина? Он осторожный и не раз битый прохвост. Прям проблема проблем. Ладно, пока можно поплотнее дружить с Гризодубовой, а там война план покажет. Надо, чтобы у нее появились сомнения в прочности ее положения. Это неплохой дебют. И Верочка его беспокоит. Она действительно превратилась в неистовую Веру, и с ней становилось все трудней, он ее боялся. Она лишала его влияния, она была фанатичкой и, как всякий фанат, легко распознавала не своих. Он был на грани.

Эпизод восьмой

Они все меня считают сумасшедшей самолюбивой дурой, рвущейся к власти, думала Вера о себе и о сущности своих усилий, слушая прекрасное бельканто немолодой уже певицы. Они не понимают, ведь я хочу очистить авгиевы конюшни, чтобы они потом могли спокойно начать строить что-то прекрасное наконец. Другой вопрос, конечно, справедлив: ломать не строить. Созидание — процесс незнакомый для всей этой шоблы. Так же начнут всё таскать. Но уж с этим-то я справлюсь. Нам бы рычаги. Побольше. И побыстрее. Жизнь проходит, как вот у этой: «Почти прошла», поет она, а думает, как внукам ипотеку заплатить или сына с иглы снять. У всех земные проблемы.

Еще эти туфли — зачем я их надела, ведь знала, что жмут. Да ладно, к черту всю эту белиберду. Надо как-то Крюкова унять, Ширинкина я смогла же. Хотя с Крюковым, конечно, проблема посложнее. Да когда же антракт, в конце концов!

Эпизод девятый

Крюков оперы не понимал, но любил. Театры, кулисы, блеск, публика. Это он просто казался таким нелюдимым отшельником, а на самом деле любил все это, и пирожные тоже любил. Он смотрел на сцену и думал: как надоела эта игра в системность, в визуальность присутствия в повестке, в создание нарратива. Все это было чуждо ему. Он любил простор и волю, его еще в советское время [redacted] эти посиделки с коллегами — пьянки Бари и разврат. Сплошная погань, глупость и жадная тупость вокруг. Ему надо было как-то однозначно авторизоваться, вернуть допотопный — его допотопный — период. Быть преемником. Общепринятым. Сформировать правительство в изгнании и работать. Работать, а не вот это всё. Фиглярство, фарисейство, лживые

пустые разговоры, нелепые позы. Улыбки невпопад. Как это все осточертело. Его неожиданной проблемой стала Вера — неистовая, страстная. Все думали, что она — проблема для его власти, но дело обстояло много хуже: он влюбился. Влюбился — и теперь, как зайчик, прижимал уши, когда видел ее даже в твиттере. Это его бесило, потому что он не знал, что с этим делать. Его тянуло к ней. Но что дальше, он не знал.

Эпизод десятый

Гризодубова видела «Тоску» десятки раз. Это все, что она про это могла сказать. Еще она понимала, что у банды проблема. Банда не была бандой — не было химии. А она любила, когда химия. Она была неумной, но она была опытной. Конфигурация требовала уточнения, и это ее пугало. Она не понимала, сколько продержится Спирин и что будет с ней, когда его сменят. Вроде Крюков ее нормально воспринимал, но бог знает, что ему наговорит сменщик Спирина. Отставит сразу.

Что делать? Если бы распознать заговор и примкнуть. Или совершить подвиг. Поехать в Россию? А вдруг посадят? Так мгновенно превратишься из спекулянта в инвестора с неизвестным сроком ожидания. Еще эта Вера. Ну [redacted] реально. Лишает уверенности. Гризодубова боялась ее. За каким хреном я надела эти кринолины? Все натерто, я ни во что не помещаюсь. Черт бы их побрал с этой Верой и с этим никчемным стремлением быть европейцами. Ах, какие мы светские. Тьфу. Слава богу, кончилось.

Эпизод одиннадцатый

На выходе в фойе их поджидал Спирин. Интересовался, как понравилось. Все рассеянно кивали и что-то бормотали. Всем хотелось побыстрее расстаться. Попрощались. Постояли. Договорились встретиться утром. Серьезно поговорить.

Крюков сказал, что заказал переговорную. Опять помолчали. Покивали и разошлись. До завтра.

ОБЫСК С АВЕНОЛЕМ

Эпизод первый

События этого дня развивались для Рыкина стремительно. Много лет длилось, то затухая, то вновь открываясь, дело, возбужденное по факту, совершенное неустановленной группой лиц.

И вот лиц устанавливали, вину пытались определить, происходили какие-то события у знакомых и незнакомых лиц. Все это стало давно фоном его жизни и вот теперь материализовалось конкретно, вербально и очевидно.

Все начиналось стандартно. Он пришел к следователю. Следователь вместо обычного очередного заполнения протокола предъявил Рыкину постановление об обыске. Рыкин удивился, нет, испугался, засосало в животе, захотелось пить и в туалет. Эта иррациональная вина от рождения, она всегда была с ним, как и со всеми остальными.

Он не был ни в чем виноват, он был в этом уверен, как, впрочем, и в том, что точно виноват, только не знал, в чем конкретно.

Следователь предложил не откладывать и, если он не против, то можно было бы поехать в адрес прямо сейчас. Вот это «в адрес» зацепило слух Рыкина

и повергло окончательно в безлимитную тоску. Он ответил:

— Почему нет. Давайте сейчас. Это даже лучше. Раньше сядешь — раньше выйдешь.

Следователь посмотрел на него странно и попросил подождать в коридоре. Через какое-то время, непродолжительное, мимо Рыкина прошли в кабинет следователя два мужика. Следователь позвал его.

— Вот, знакомьтесь, это товарищи, которые будут проводить обыск. А вы на машине?

— Да,— ответил Рыкин.

— Отлично,— обрадовался один из мужиков.— Тогда вообще здорово.

Они все вышли дружно. Прошли проходную. За углом через дорогу нашли его машину, сели и поехали.

— Мы не побеспокоим никого?— неожиданно спросил один из мужиков.— Дети, родители?

— Нет, все нормально,— ответил Рыкин.— Никого дома нет.

— Это очень хорошо,— констатировал мужик.

Надо же, подумал Рыкин, сентиментальные.

Ехали недолго. Даже странно. Город был почти пустой.

Эпизод второй

Достаточно быстро нашли понятых — соседей с нижнего этажа. Они безучастно смотрели на Рыкина. Он их смутно помнил, они были не знакомы. Тем лучше, подумал он. Тем лучше.

Один из сотрудников объяснил им их права и сказал, что в конце они должны будут подписать протокол обыска. Они безучастно кивнули и лишь поинтересовались, сколько это все будет длиться. Сотрудник пожал плечами.

— Несколько часов, объем вроде небольшой,— он огляделся.— Да, думаю, быстро управимся.

Рыкин не представлял, что они хотят найти, так как не понимал сути дела. Ему следователь говорил о связи его с какими-то бизнес-структурами, которым он помогал в подписании выгодных контрактов через влияние на сотрудников госструктур.

Это выглядело странным бредом и тем не менее продолжалось. Возможно, суть дела была в чем-то другом, но он не понимал, в чем. Чем он мог так привлечь внимание. Кому перешел дорогу.

Эпизод третий

Один из понятых, пожилой московский интеллигент на вид, прочитал на листе, лежащем на столе: Жозеф Авеноль.

— Ничего себе, какие вы имена знаете. Этого уже никто не помнит.

— А вы откуда помните,— спросил Рыкин.

— А я диплом писал когда-то по Лиге наций. Шикарное время было между войнами, такая густая история, какие личности.

— Всегда хорошо там, где нас нет,— сказал Рыкин.

— Ну и какая у вас оценка всего, что тогда происходило с Лигой наций? — спросил Рыкин соседа-понятого.

— Так сразу вам и не отвечу. Очень много интересов переплелось. Все были каждый за себя, поэтому все пошло по самому нехорошему пути. А когда договорились, было поздно. Много думали о себе и мало о последствиях. Знаете, легко судить потом. Вообще, историк — идеальная позиция, если вы понимаете, о чем я.

— Что вы так огульно, — сказал Рыкин.— Историки, наверное, разные бывают.

— Теперь их практически нет. Теперь это область пропаганды и формирования общества. Сфера влияния власти на граждан. История всегда под давлением государства…

— Вы на пенсии, надеюсь,— перебил его Рыкин.

— Разумеется,— рассмеялся сосед.— Очень удачно получилось. Я прям выскочил вовремя. Почти не испачкался, ну почти,— опять рассмеялся.

Какой веселый сукин сын, подумал Рыкин.

Эпизод четвертый

Второй понятой была пожилая женщина. На вид с трудной судьбой, очень уставшая. Неряшливо одетая, странная для этого дома. Впрочем, может быть, это чья-то домработница, застигнутая врасплох и не нашедшая в себе сил отказать органам. Она смотрела на все безучастно, часто прикрывала глаза, пыталась дремать, хотелось надеяться, что у нее это получалось.

А пенсионер продолжал:

— А что вас заинтересовал Авеноль? Он был генсеком лиги в конце тридцатых. Очень много пересечений с нашим временем до состояния смешения.

— Да, это правда.

— Бухгалтер вдруг, случайно, как многое тогда, становится генсеком. Да еще француз. Вы пишете? — спросил пенсионер.

— Пытаюсь,— смутился Рыкин.— Вот как раз про Авеноля.

— Ну да, не всем же про Понтия Пилата писать,— опять засмеялся сосед.

У него отличное пищеварение должно быть, подумал Рыкин. Возможно, он радуется, просто радуется своему существованию каждый день, возможности пообщаться. Для него это не участие в обыске, а са-

лонная беседа об интересном предмете с нескучными собеседниками.

Эпизод пятый

Мысли скакали в голове у Рыкина. Все-таки нервы, думал он. Общение с органами правопорядка неприятно всегда, а когда копаются в твоих вещах, то это как-то совсем. Хорошо сосед отвлекал. И дался ему этот Авеноль.

Рыкин записал фамилию случайно, после разговора с одним человеком, с которым они обсуждали параллелизм истории. Цикличность и повторяемость. Возможно, говорил товарищ, это происходит потому, что последующие косплеят предыдущих. Так как решений нет, а новизна есть. Вот они и применяют приемы бывших в аналогичных ситуациях.

Вот, говорил он, Сталин, например. Он просто повторял ходы Ленина, и не только повторял, но и сделал из него фундамент своей власти. И идея культа оттуда же. Ленин руководствовался построениями государств на основе религии, таких примеров много в истории, только он создал как бы антирелигию, что, впрочем, одно и то же по сути — религиозный культ или тоталитарный. Одно и то же.

Рыкин посмотрел на соседа, тот, оказывается, все время ему что-то говорил, а он был занят своими мыслями, этим старым разговором.

— Да, простите, я отвлекся,— пробормотал он.

— Да ничего,— сказал сосед.— Я просто говорил о войне с так называемыми белофиннами. В международной проекции ее как бы не было, по мысли советских деятелей. Это была помощь братьям-коммунистам, которые боролись, соответственно, за светлое будущее.

Эпизод шестой

— В Википедии написано,— сказал Рыкин,— что Авеноль был против британцев настроен очень сильно и заигрывал с немцами и итальянцами. Получается, что желание выдавить Англию из европейской повестки — это старинное желание деятелей с континента.

— Да,— согласился сосед.

Их прервал один из производивших обыск.

— Что на дисках? — спросил он. Он показывал на стопку дисков.

— Это записи каких-то передач, я увлекаюсь историей. Записывал лекции, до ютуба, теперь в этом нет нужды,— сказал Рыкин.

— Нам придется их забрать. И жесткий диск и все остальные девайсы.

Рыкин пожал плечами.

— Прошу понятых перейти сюда,— сотрудник показал на другую комнату. Это была спальня. Понятые встали в дверях.

— Симпатично у вас,— сказал сосед.

— Бывает,— ответил Рыкин.

Сотрудник посмотрел на него внимательно.

— Это ваше?

— Что?

— Все, что в этом шкафу.

— Наверное,— опять пожал плечами Рыкин.— Я не особо помню, что там. Одежда и какие-то старые бумаги, наверное. Там,— он показал рукой,— книги.

— Ну да,— ответил сотрудник,— продолжим.

Эпизод седьмой

Рыкин испытал какие-то чувства, они приходили нечасто и всегда ночью. Такое ощущение бесконечности. Нет, бесконечно медленно длящейся катастрофы.

Он проваливается куда-то в пустой космос, и это как бы длится вечно.

Может быть, мы все-таки имеем связь с космосом на каком-то цифровом уровне. Вернее, не связь, а некий код, который лежит в основании нашего мозга. И чувств.

Впервые он испытывал это днем. Как бы наяву. Как бы в режиме реального времени. Обыск и разговоры шли фоном. Он воспринимал их как на экране. А внутри и снаружи его была бесконечная пустота.

Нет, не было никакого внутри и снаружи. Рыкин был одновременно и внутри, и снаружи. Я прям растворился в бесконечности, подумал он. Круто. Страшно. Необычно. Можно ли было назвать это прекрасным или безобразным, Рыкин не знал, потому что он в этой ипостаси не мог оценивать, не имел точек отсчета. Нет, еще проще — в этом не было нужды, не было потребности. В этом состоянии не требовались оценки. Все текло. И было одинаково бессмысленно, но не в оценочном смысле этого слова. Не было слов.

Эпизод восьмой

— Это что? — сотрудник, проводивший обыск, показывал ему черную небольшую коробку.

— Не знаю.

— Что в ней?

— Не знаю.

— Понятые, прошу поближе.

Сотрудник снял крышку. Внутри оказалось много прозрачных граненых маленьких камушков. Они блестели на свету. Все с интересом смотрели в коробку.

— Мы это изымаем. Сейчас опишем, пересчитаем.

— Да, конечно,— сказал Рыкин, по прежнему не представляя, что это за камни и откуда они взялись.

— А вы богаты,— засмеялся в который раз сосед.— Не знали? На мой непосвященный взгляд, это кристаллы типа Сваровски или что то подобное. Стекло или хрусталь. Но вообще интересный случай. Но тут важно учитывать вес. Он зависит от плотности. Поэтому трудно спутать. Тому, кто хоть раз держал в руках настоящие ценности. Это прям как наша с вами чудесная беседа с Авенолем. Вы прям предвосхитили находку этих подменных камней. Эта Лига наций и деятели ее — все были такой коробкой. Ненужными вещами, призванными манипулировать, блестеть, ничего не решать, заполнять полосы газет. То, что теперь принято называть белым шумом.

— Пока более властные занимаются газлайтингом,— сказал Рыкин.— Заказывают его, придумывают и продвигают под его прикрытием настоящие решения или их имитацию. Все это один сплошной Авеноль.

Эпизод девятый

— Ну, мы в целом закончили. Забираем диски, камни, старые телефоны и этот смартфон. Понятые, подписывайте и все свободны.

— А что со мной? — спросил, сам того от себя не ожидая, Рыкин.

— А вас следователь будет информировать. И он распорядится, если решит вернуть вам изъятое, если не будет приобщать к делу.

Закрыв дверь за всеми, он сел в кресло перед большим окном. Под ним расстилались Патриаршие пруды. Это был его любимый вид.

Он пытался вернуться в то состояние слитности с пространством, какое испытал час назад, но не смог. Эх, с досадой подумал он.

В дверь звонили. Рыкин никогда не открывал, если никого не ждал. Но в этот раз пошел и открыл, на лестнице стоял сосед, бывший понятой. В руке он держал бутылку водки, в другой банку с огурцами.

— Я подумал,— сказал он,— что вам сейчас не помешает, да и я, знаете, впервые был в такой ситуации. Наверно, вы скажете — почему водка?

Рыкин отступил, приглашая гостя. Сосед прошел и оглянулся.

— Так вот, я вам объясню сейчас. Я мог принести виски, но в данной ситуации это мелко, коньяк — пошло, вино — несоразмерно. И нехитрым таким пересчетом я добрался до единственно возможного решения. Ибо водка — это и лекарство, и философия, и прощение, и вина. Огурцы, конечно, для того, чтобы сбавить снобизм моего подхода.

— Я рад, что мы познакомились,— сказал Рыкин,— садитесь, где вам удобно, я поищу рюмки.

КЛИНИКА

Эпизод первый

Виолетта их всех ненавидела. Своих клиенток. Они были богатые и никому не нужные, хотя не знали об этом. Она, напротив, была нужна всем.

Она была лучшим в городе мастером по борьбе с гравитацией. Ну, вы знаете — ткани тела устают бороться с силами притяжения и чем дальше, тем сильнее тянутся к земле. А она их различными способами натягивает обратно. На морды своих прихожанок. Иногда просто руками. А иногда с помощью

дорогих аппаратов и препаратов, которыми забита клиника.

Почему ненавидела? Платили ей хорошо, даже очень, но как-то без уважения. Она постоянно чувствовала, что она просто обслуга, как кухарка или уборщица. Сама же чувствовала себя художником.

Но и это все неважно. Важно, что, наслушавшись за день разговоров этих убогих, она не могла соскрести со своей души помои и глупости. Эту никчемность. Она пробовала брать меньше работы, приходить через день, но это тоже не помогало и раздражало владельцев. В общем, деваться было некуда.

Она пробовала переходить из одного места в другое. Пробовала работать индивидуально. Одна и та же история в конце концов получалась.

Эпизод второй

Клиентка почти не опоздала. Жена крупного застройщика, сама тоже участвовала в бизнесе, продавала картины. Держала галерею. Под шестьдесят со всеми вытекающими.

Жанна Михайловна хотела быть моложе, как все они. Не просто следящей за собой дамой. А радикально моложе. Поэтому она была в их клинике каждый день. Она ходила к ним как на работу.

— Здравствуй, Виолетта, я сегодня не опоздала.

Она стояла у стойки ресепшена и улыбалась. Брючный костюм, ну и все остальное, включая сумку от Диора.

— Здравствуйте Жанна Михайловна! Проходите, пожалуйста, у меня все готово,— сказала Виолетта, улыбаясь в ответ.— Какая вы сегодня свежая и деловая,— добавила она.— Стараемся,— сказала ей дама в спину, проходя в кабинет.

Эпизод третий

Виолетта делала массаж лица, но не простой, а особый, который умела только она. Ну, или почти только она.

Прелесть сегодняшней процедуры была в том, что клиент не мог говорить, или почти не мог. И она могла говорить сама с собой. И она говорила. Внутренние монологи не спасали, но, по крайней мере, отвлекали ее и немного разводили пожиже крепость окружающего мира, который, как ей казалось, смыкался вокруг все плотнее.

— Вы сегодня во сколько заканчиваете, Виолетта? — спросила Жанна Михайловна, когда Виолетта рассматривала результаты полуторачасового труда.

— Сегодня совсем поздно.

— А когда вы посвободнее? Я хотела бы вас пригласить на обед.

Виолетта удивилась, но постаралась скрыть, хотя такое случалось иногда между клиентами и мастерами, но от этой она не ожидала. Всегда такая отстраненная и холодная Жанна Михайловна гордо и высоко несла себя по жизни.

— Я не знаю,— сказала Виолетта,— надолго мне, наверное, будет сложно. Может быть, в конце недели, тогда если прямо в обед.

— Хорошо,— легко согласилась Жанна Михайловна,— я позвоню вам в четверг и договоримся, идет?

— Да, вполне,— ответила Виолетта, провожая клиентку в холл и передавая в руки ассистента. У Жанны Михайловны на сегодня была большая программа.

Эпизод четвертый

В конце дня ее вызвал директор. Пытался увеличить ее часы работы в клинике. Говорил, что клиенты

обижаются, не попадая к ней, месяцами ждут. Все они — уважаемые люди.

Ну и уважайте их. Она была непреклонна. С чего она должна убиваться ради них. Ей всего хватает. И она не хочет сходить с ума, пуская потоп мутной воды себе в душу.

Она пыталась спасти себя, но объяснять директору она ничего не стала, разумеется. Он был раздосадован и настаивал на продолжении разговора в ближайшие дни.

— Тема не закрыта, Виолетта Аркадьевна, — сказал он. Она пожала плечами.

— Я могу идти? А то у меня скоро клиент, не успею подготовиться.

Он молча кивнул, она вышла из кабинета.

Что она себе позволяет, подумал он. Директор не любил нерешенных дел и был раздосадован. Какая-то она странная, подумал он. Позвал секретаршу.

— Света, ты ничего такого за Виолеттой не замечала, что говорят о ней? — спросил он раздраженно.

Света была пухлая или, раньше бы сказали, дебелая. Но добрая. Она всех любила. Виолетточка — прелесть, сказала она. К ней народ ломится. Да и мы все к ней хотим, деньги копим, она засмеялась.

— Неужели уйти хочет? — в страхе спросила она.— Этого нельзя допускать. Она хорошая,— уже почти всхлипнула женщина.

— Ладно, иди,— сказал директор.

Эпизод пятый

На ресепшене стояло несколько дам. Одни с процедур, другие на процедуры. Суетились ассистентки. График сбился, и теперь надо было забивать возникшие паузы. Усаживали в кресла, разносили напитки.

— Ну как ты? — спросила одна другую.

— Что тут на ходу расскажешь, как-то живем, хлеб, как говорится, жуем,— ответила та.

— Да, я тоже с трудом,— кивнула вопрошавшая.— Несколько раз уже дозы транквилизаторов повышала, и вроде все ничего, но одновременно бухать-то нельзя.

— Вот именно,— согласилась вторая. Она была совсем взрослая, очень ухоженная и очень нервная.

— Как твои дети? — спросила первая, слегка моложе и весьма спокойная, похоже, шампанское действовало. Она пила уже третий бокал. Тут не ограничивали. Пастозность помогала улучшать результаты процедур.

— Да как, бегаю по военкомам, как. И то непонятно, чем кончится,— одни боятся, другие уже вдруг и сидят. Бизнес тоже требует усилий. А откуда взять усилия?

— Да, подруга, усилия брать почти неоткуда. Ни мотивации, ни желаний, ни страсти.

— Вот-вот.

— Светлана Петровна, вы можете проходить, — сказала ассистентка той, которая была постарше. Вторая осталась со своим шампанским, а первая пошла навстречу косметике сосудов и умасливанию тела. Надо же как-то думать немного о себе.

Эпизод шестой

Ходили в клинику и мужики. Это отдельная песня. Что было у них в голове, вообще непонятно. Они были все на каком-то своем драйве и больше теток хотели быть моложе. Даже сорокалетние. Кому-то, правда, полагалось в рамках корпоративной культуры, остальным казалось, что они должны тратить деньги и время на себя, и косметология стояла тут в одном ряду с качалками и рыбалкой.

Они все чувствовали себя либо бонвиванами и гонялись за стаффом, либо были вялые и тихие. Отдыхали в тишине и неге. Последние были основой доходов. Непривередливые и спокойные. Платили безропотно и много. Легко соглашались на экспериментальные процедуры. Прям как испытатели.

Их все в клинике любили. Даже Виолетта. Это было странно. Но тем не менее.

Эпизод седьмой

Виолетта ждала мать, та должна была приехать в гости из своей или их прошлой совместной Кандалакши. Они плохо понимали друг друга давно, а теперь и совсем перестали.

Мать полностью ушла в телевизор и была прошита и обмотана каналами, как матрос Железняк пулеметными лентами. Она и говорила так. Отрывисто и веско. Ну, как в том нетленном «Так-так-так» — говорит пулеметчик, «Так-так-так» — говорит пулемет.

Виолетте это все было так неблизко, как и сама эта детская ее Кандалакша. Когда она приехала туда к матери после института, поняла, что бесповоротно отвыкла от бараков, шпал и соседей. Мама этого всего не замечала. И в этом было ее счастье и несчастье Виолетты.

Она побыла тогда в Кандалакше недолго. Спросила, где брат. Мать сказала: а то ты не знаешь — в армии.

Она уехала и больше не возвращалась. Они перезванивались и переписывались. И вот теперь мать настояла приехать. Она откладывала, как могла, но… Но день настал.

Эпизод восьмой

Они сидели в Виолеттиной квартире на Новослободской. Сидели и молчали. Они были практически незнакомы теперь, их разделяла интерпретация правды и веры. Их разделяли иллюзии. И надежды. Они могли бы быть общие, но, увы, они были очень разные.

Через несколько часов выяснилось, что Виолеттин брат погиб. Мать узнала через год, а Виолетта час назад.

Виолетта встрепенулась, засуетилась и нашла бутылку вина, не могла вспомнить, откуда она взялась. Выпили. Надо ж помянуть. Поплакали. И вроде как стали ближе. Повспоминали общее их с братом детство и опять выпили и стали снова совсем как родные, а потом мать сказала: ну что делать, главное, что не зря. Она еще не договорила, а Виолетте показалась, что она мгновенно стала далека, как Луна, и так же холодна.

Ну что ты молчишь, спросила мать. Виолетта не знала, что сказать, она никогда не знала, о чем говорить со случайно встреченными незнакомыми людьми. И она молчала. Понятно, сказала мать. Давай спать ложиться. И они легли спать.

Эпизод девятый

Они обедали с Жанной Михайловной. Прошло много времени, она проводила мать. Она пыталась объяснить себе, почему не хочет ехать на похороны. Обещали тело доставить в Кандалакшу. Скоро. Ну, год не доставляли, теперь-то чего торопиться.

— У меня брат погиб, — сказала она после десерта.

— Беда какая, — откликнулась Жанна Михайловна и положила свою руку на руку Виолетты. — Я могу

чем-то помочь, может быть? Организовать что-нибудь или деньги нужны?

— Да нет, ничего не надо, спасибо,— ответила Виолетта.— Тело год не могли опознать. Так что теперь нужды особой ни в чем нет. Мать привыкла, а я, кажется, сама умерла.

— Ну что ты, девочка,— всплеснула руками Жанна Михайловна.— Так нельзя. Надо жить.

— Да я как бы понимаю, что надо, но не понимаю, как, а главное — зачем.

Эпизод десятый

— Ну как же,— продолжала Жанна Михайловна. Она расплатилась, и они вышли на улицу. — Надо жить, потому что это лучше, чем не жить.

— Это правда, спасибо. Я просто как-то развалилась совсем. Вы извините меня, я пойду.

Потом задумалась.

— А зачем вы меня пригласили, вам что-то нужно?

— Да я хотела поговорить, но теперь понимаю, давай в другой раз.

— Да нет, все нормально. Мне надо переключиться. Что вы хотели?

— Поехали тогда — я вас подвезу и поговорим, если вы готовы.

— Да, пожалуйста. Это очень кстати. В клинику тогда меня завезите.

Они поехали. Жанна Михайловна начала говорить. Она хотела открыть клинику и хотела Виолетту. Чтобы она все там сделала. Деньги Жанны, а руки Виолетты. Такая банальная история.

Пока она рассуждала о планах, они приехали.

— Спасибо,— сказала Виолетта,— за обед, за доставку и за предложение — я подумаю. Завтра, если я правильно помню, вы у меня на массаже — увидимся.

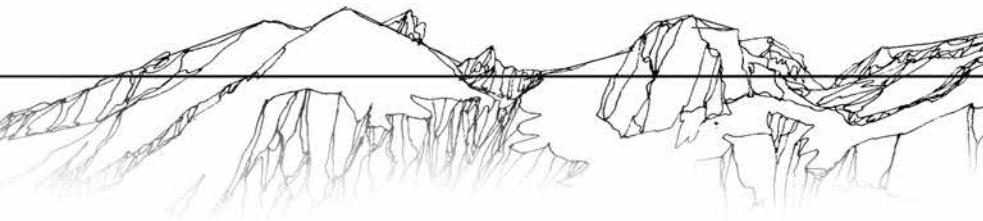
Жанна Михайловна, соглашаясь, кивнула.

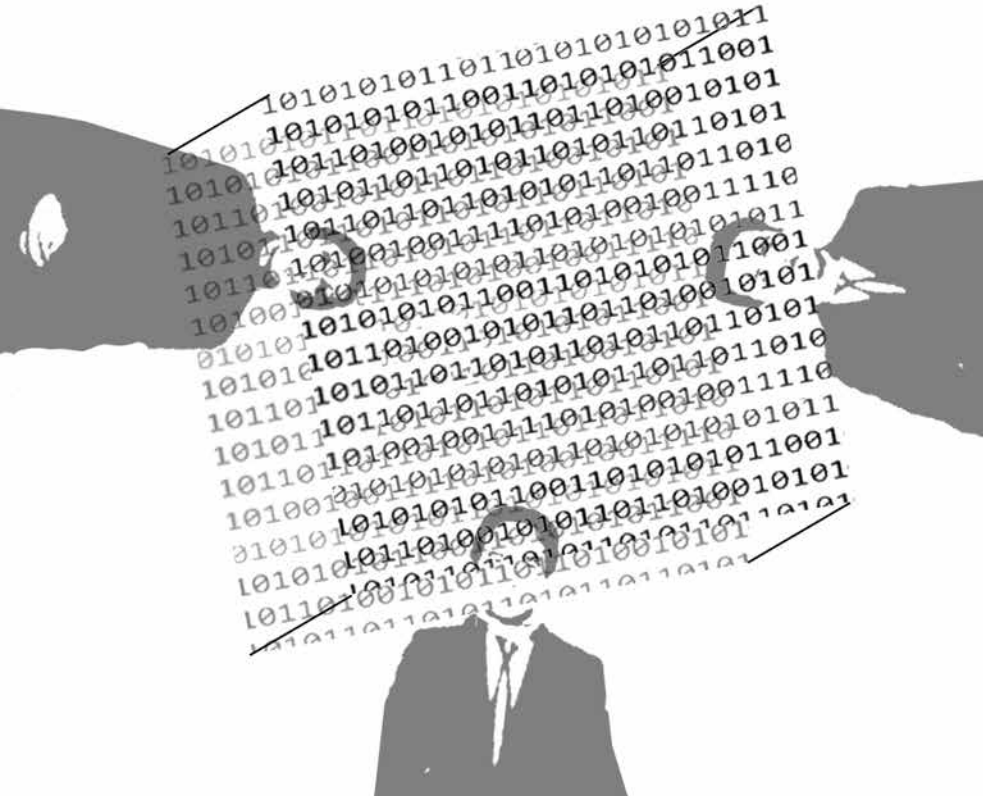
— И вам, Виолетта, спасибо, что согласились меня выслушать. Приятного дня.

Она уехала, а Виолетта осталась. И мама уехала, а Виолетта осталась. И брат ушел, а Виолетта осталась. С этим рефреном «осталась осталась осталась» Виолетта открыла дверь своей клиники.

COH

Эпизод первый

Они сидели над обрывом. Как они сюда попали, было неизвестно. Наверное, они ходили по лесу, заблудились и оказались наверху. Горы были в лесу, и подъем был незаметным.

Они разговаривали, спорили и не заметили, как оказались тут. Рядом была какая-то ферма, где разводили коз. Козы мекали или блеяли. Они раньше не видели коз вживую. Было интересно. Хотя нет, не было.

И вот они на обрыве. Они устали. Сели. Под ними тянулась бесконечная долина, сжатая ущельем. Такое хачапури открытое. Или открытый. Какого рода хачапури?

Вот так они сидели и уже не спорили, сомлели. Дремали с открытыми глазами. Один был очень молодой, второй почти не старый, оба молчали. Потом встали и пошли вниз. Настроение переменилось. Спорить больше не хотелось. Хотелось просто вернуться.

И они шли и шли, и вернулись.

Эпизод второй

Вот такой сон снился ему каждую ночь. Наверное, каждую. Он не каждую ночь помнил сны, но если помнил, то всегда этот. Обрыв и дорога.

Так продолжалось уже несколько лет. Без причины. По крайней мере, ему известной. Началось и продолжается. Сон этот не утомлял его, как ни странно, а каждый раз удивлял своим новым появлением и мельчайшими деталями, которые он помнил. Запах каких-то цветов, линию горизонта и колокольчики коз.

Он готовил завтрак и в очередной раз вспоминал сон. Вернее, вспоминать было не надо. Всегда перед глазами.

Он не опаздывал, но привычка — она перебарывала все, и он не сопротивлялся. Сегодня не надо было вообще ко времени, но он вышел, как всегда. И так было всегда. Всегда, всегда.

Эпизод третий

На работе, как всегда, было суетно. За это он не любил офис, а любил командировки и работу из дома.

В офисе всегда чужая жизнь, а он хотел жить свою, хотя и не осознавал этого, подсознательно сопротивляясь коллективному бессознательному. Оно затягивало его, и потом он долго выдавливал его из себя. Долгими вечерами. Иногда так и засыпал, не справившись. В такие ночи сон не снился. Он находил это закономерным — сон был его экзистенциальной проекцией. Так ему казалось. Он где-то читал об этом. И слово нравилось. От него веяло чем-то непонятным, но важным, всепоглощающим, его тянуло в ауру этого прилагательного.

Экзистенциальным можно было назвать почти все, что находилось за кромкой горизонта разума. Все образы и мистику, приходящую оттуда, из-за края света. Его света. Он не знал, как это у других. Но он жил так.

Эпизод четвертый

Он работал в маленькой конторе, которая пилила программы для больших контор. Сейчас это было очень востребовано, особенно если быстро, особенно если надо было вчера. Бизнес — он такой.

Правд, он больше любил работать не с бизнесом, а с госконторами. Они не требовали быстро, им было важно найти и подписать подрядчика. Они прям как большие фонды. Главное — чтобы был портфель, который показать можно совету директоров или совету министров. В этом случае можно было работать бесконечно долго, подписывая допы. Ну, в общем, красота.

Вот и теперь он был старшим в таком контракте. Ребята у него были проверенные, все пятеро. Они работали и на себя, и на контору. Когда спали — непонятно. Но до точки перегиба — 30–35 лет — было у них еще время. И они его не щадили.

В общем, он пришел. Расположился на своем месте. Ребят не было, они почти всегда работали не из офиса. В соседних отсеках слышались голоса. Там были люди. Он внутренне усмехнулся. Последнее время ему все чаще нравилось, когда он никого не заставал. Это прям вот очень его радовало. Ему становилось легко.

Он набрал чат группы. На связи был только один — самый младший, Джун. Они поприветствовали друг друга.

— Ну чего, как? — спросил он.

— Как всегда, шеф, выращиваем, потом обрезаем,— ответил Джун.— Всё как всегда. Только заказ последний, ребята говорят, по архитектуре необычный. Амбивалентный, говорят ребята. Вы разбирались уже?

— Нет, толком не смотрел еще, давал вам простор.

— Ну посмотрите, это такая двойная штука может быть. Они как бы хотят своих проботить, а могут и к контрагентам заглянуть. Так ребята говорят. От моего куска этого не видно.

— Понял,— сказал он.— Погляжу. Пока. Работайте.

И отключился.

Эпизод пятый

Вот такой херни он не любил. Двойные схемы, игра неизвестно за кого. Он контракт не подписывал, что там под столом было, не знал — а оно ему надо? Не надо.

Будем работать, а там оно само как-то прояснится, решил он. Но посмотреть, конечно, надо. И открыл спецификацию заказа.

Министерство заказало некую программу для отдела кадров и службы поддержки персонала. Контроль рабочего времени, контакты, оценка поведения в соцсетях и так далее. Всё как всегда, ничего необычного. Впрочем, была там одна штучка, закладка, позволяющая работать в смежных сетях, куда может повести поток информации, посланный скомпрометированным сотрудником. В этом случае программа должна была работать как родная в чужой архитектуре.

Интересно, подумал он, нам отметили, как обычно, но такое может стоить бесконечно дороже. Кто-то из руководителей или сделал боковик для приватизации прибыли, или нас специально не посвящают — в надежде, что мы не догадаемся. А мы догадались.

Что теперь? Будем считать, что не догадались? Тоже подозрительно: значит, мы ниже своей квалификации — и тогда выводы. Или мы слишком себе на уме и будем думать, как использовать знание. В любом случае поведение начальства было неадекватным, и это настораживало. Да что там — пугало больше всего. Вот ведь подбросили подлянку. Или еще нет? Ладно, не сегодня.

Эпизод шестой

Утром позвонил босс и сказал, что заказчик хочет встретиться.

— Ты как старший на этом проекте созвонись и встреться. У них там вопросы какие-то по ходу возникли. Ты, если ответов не знаешь, просто помалкивай. Потом обсудим.

— Яволь,— сказал он. И понял вдруг, что сон сегодня не снился. Все как-то пошло не так, подумал он и поехал в офис.

Оделся соответственно. Бизнес стайл. Ботинки жали. Ноги отвыкли. Ворот рубашки тоже. Галстук давил шею. Поправился я, что ли? Ну, пришел, в общем, набрал министерство. Специального человека, который значился в контракте. Ответил вкрадчивый голос, женский: его нет. А по какому вопросу? А, я в курсе. Приезжайте.

— Сейчас удобно?

— Жду.

Он встал и поехал. Сначала пошел, а потом поехал. Не наоборот. Было, в принципе, рядом. Две остановки на метро. Правительственный квартал. Башни. Пропуска. Охрана. Лифты. Эскалаторы. Хорошо, что внизу ждал человек. Который встретил и довел куда надо. Это было так гуманно. Он сразу как-то расположился к незнакомой еще тете.

Эпизод седьмой

Тетя оказалась примерно лет двадцати пяти. Оказалось, это он — дядя. После приветствий и предложения присесть она встала и сказала, что, наверное, возникли вопросы к техзаданию, они не могли не возникнуть.

— Я готова пояснить. Распишитесь вот здесь.

Она передвинула ему листок. Он подписал. Неразглашение.

— Дальше так: если вопросы есть, я отвечу, если нет — изложу некую концепцию и потом отвечу на вопросы.

— Если вы начнете, это будет прекрасно,— сказал он, вжимаясь в кресло. Начинать первым ему совсем не хотелось.

— Итак,— начала она,— мы вам заказали программу слежения за сотрудниками, назовем это так. Но, наверное, вы уже поняли, что программ-

ное задание шире, ибо предполагает возможность двигаться за сотрудниками в зоны их контактов. Как говорится, шпионить — так с размахом. Мы решили задать максимальные параметры вам. Ваши боссы согласились, практически не глядя, так как мы не спорили по цене. Отсюда у меня вопрос: вы работаете по своим обычным расценкам или боссы поделились?

Он помолчал для приличия, а потом сказал:

— Я не хотел бы обсуждать этот вопрос. Это наше дело, и мы сами справимся.

— Понятно,— кивнула она.— В таком случае мы заплатим отдельно, если вы сделаете две версии продукта. Один результат мы примем официально, а другой мы купим у вас. Вот эту самую расширенную версию.

— Так вы же нам уже заплатили за расширенную.

— Ну, расширения бывают разные,— улыбнулась она.— Вы сделаете расширение только на вход, а нам все остальное отдельно и неофициально. Тот вариант мы поставим на баланс, а вторым будем пользоваться негласно.

Он промолчал. Она поняла.

— А где тот, с которым я должен был встретиться?

— Он сегодня не смог, но он позвонит вашему начальству и скажет, что мы всё утрясли и работа движется в правильном направлении. Хорошо? — она посмотрела на него. Ему показалось — заискивающе заглядывая в глаза. Он потупился и кивнул.

Эпизод восьмой

— Это вы? — Да, это я.— Я из аппарата, нам надо встретиться.— Когда? — Я внизу в кафе в вашем здании. Можете спуститься? — Иду.

Только он пришел из министерства — и уже снова кому-то понадобился.

Человек, который помахал ему, был старше министерской тети, но моложе его самого. Человек его знал, раз помахал ему, когда он зашел.

Интересно получается, подумал он: они меня знают, а я их нет.

— Извините, что внезапно,— человек встал и протянул руку, когда он подошел к столику.— Как всегда, пожар.

— Да я что, я понимаю,— ответил он, пожимая руку.— Что случилось?

— Пока, слава богу, ничего. Но может, если мы не разгребем.

— А что такое?

— Да этот ваш подряд с министерством. Вы же оттуда сейчас вернулись?

— Ну да.

— Ну вот.

— Там проблема?

— Да вроде того. Понимаете, они лезут на чужие полномочия и весьма нетерпеливы и настойчивы. Ничем не брезгуют.

— А вам-то что? — насупился он.

— Да нам до всего есть дело,— улыбнулся человек.

Такая приятная улыбка, подумал он.

— Мы за соблюдение правил,— сказал человек.

— А,— сказал он.— Я тоже. Так чем, собственно, могу помочь?

— Программа вторжения,— сказал человек.

— Слежения,— поправил он.

— Не в названии дело,— мягко согласился человек.— Дело в том, что мы хотели бы, чтобы вы и нам в ней окошко оставили.

— Но это не со мной. Это мои боссы решают,— сказал он.

— Да бросьте вы эту чепуху городить,— сказал человек.— Я вижу, мы договорились. Оплату они вам, я так понял, обеспечили хорошую, а за нами дружба. Дорогого стоит наша дружба,— опять улыбнулся он, но как-то по-другому.

— Ладно, я понял,— сказал он.

Они встали. Человек опять протянул руку, и он опять ее пожал.

— Будьте здоровы,— сказал человек.

— И вы,— ответил он. Повернулся и вышел.

Он ехал в лифте и легкомысленно думал о том, как вернется домой и проведет вечер у телевизора. Посмотрит пару фильмов, перескакивая с пятого на десятое, а потом Брамса Четвертую симфонию послушает.

Двери лифта открылись. Это не мой этаж, подумал он. Нет, лучше Третью. Да, Третью — и спать.

Эпизод девятый

Он решил начальникам не рассказывать о своих встречах, если не спросят. Решил он это, пока возвращался к себе, сразу после того как понял про Брамса.

Он зашел в чат команды, они все были на месте, трудились.

— Как дела? — спросил он.

— Думаю, месяц примерно нам еще нужен,— ответил один из опытных.— С ответвлениями придется повозиться.

— Вообще говоря, мы подписались на что-то не очень,— подхватил другой.— Ты бы, шеф, премию выбил нам. Дело левое.

— И опасное,— добавил третий.

— Ладно, я понял. Работайте, а я посмотрю, как нам спастись,— он отключился.

В этот момент подошел босс.

— Ну как сходил?

— Нормально. Поговорили про то, что вы, наверное, обсуждали при заключении этого контракта, но мне не сказали.

— Да, было такое. Теперь тебе понятнее.

— Понятнее, что моей команде полагается премия за такую работу. Стресс у ребят.

— Премия будет, не переживай. Делайте,— босс ушел.

Он сидел, уставившись в одну точку. Было не очень понятно, что делать со всем этим знанием, но нарастала тревога и под ложечкой вовсю сосало. Так с ним всегда бывало, когда надвигалась какая-нибудь жопа. Он объяснить не мог, а чувствовал сразу.

А что, собственно, я переживаю, все в курсе, все довольны. Внутренний голос тут же напомнил, что в курсе все быть не могут. Ладно, что-нибудь придумается, закончил он бесполезные размышления и пошел домой. Брамс не станет ждать.

Эпизод десятый

Они сидели над обрывом. Смотрели на закат. Козы были на месте. Они блеяли и звенели колокольчиками. Вилась вокруг почти не злобная мошкара. Они говорили о том, что путь сюда от дома не занял так много времени, как казалось снизу.

Они говорили, что в следующий раз пойдут вон к тем горам, что виднелись в дымке напротив. Они высказывали сомнения, что дойдут туда быстро. Но это было совершенно неважно, важен был не разговор, а вот это совместное смотрение заката.

Густое солнце съезжало в море, как яичница со сковородки, погружаясь в него, как на тарелку.

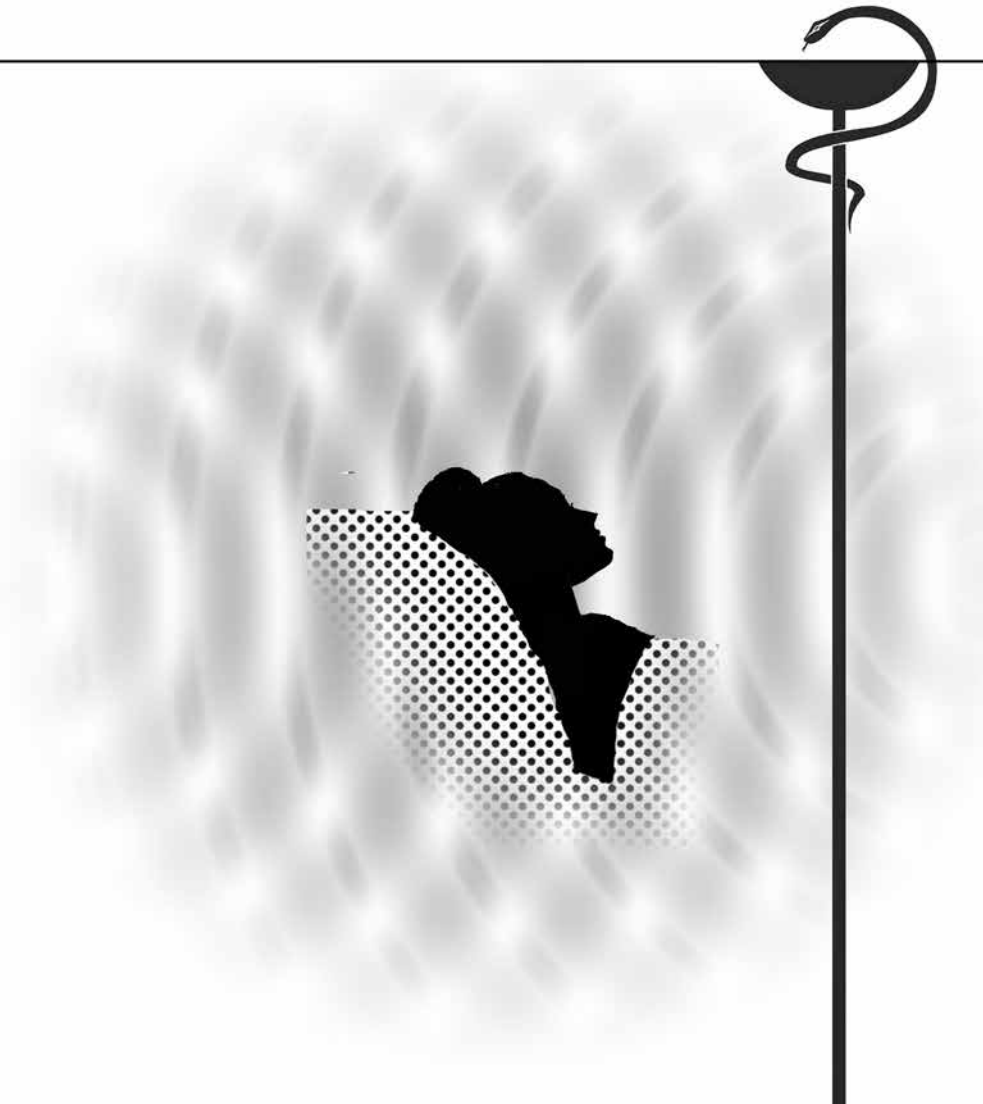
Сын повернулся к нему и сказал:

— Ты же знаешь, если тебе кажется, что тебе есть что сказать миру, значит, ты сошел с ума.

Он понял. Он хотел, чтобы этот сон длился вечно.

ЭФФЕКТ ДОПЛЕРА

Эпизод первый

Клара случайно оказалась больной. Ну, ей так казалось. Она же была еще так молода — слегка за 30.

Ее муж Эрик был владельцем больницы, где она теперь пребывала. Ему было 50. Он был здоров. А она, как выяснилось, нет. Рак. Ремиссия. Вернее, так: удалили молочную железу, и теперь надо было ждать.

Но тут она слегла с пневмонией, которая неизвестно с чего и откуда взялась. У болезней нет ло-

гики, которую способны распознать люди. Или ее нет вообще. Зачем болезням логика.

Клара была не глупая, но легкомысленная. То есть она легко осознавала и легко забывала понятое. Если это было не больно, она цвела. Правда, с осложнениями. Она лежала (странное слово — лежала) в отдельной палате, и к ней относились крайне внимательно. Из-за Эрика, конечно. Ей гордиться было нечем. За нее это делал муж.

Он любил ее, холил и лелеял. Впрочем, она знала, что не одна. Эрик был широким человеком во всех смыслах этого слова. По большей части это была хорошая ширина. Но у всего хорошего есть и оборотная сторона, как известно.

Эпизод второй

Утренний обход. Рутина. Доктор послушал. Что-то отметил в ее карте, сказал: все идет хорошо, и он считает, что через неделю она будет дома. Если рентген подтвердит его выводы.

Клара не хотела рентген. Она считала, что это сильно нагружает организм, все эти Х-лучи. У нее и так хватает воздействий последнее время.

Доктор покивал и ушел. Потом пришла медсестра и поставила капельницу, потом Клара спала, потом смотрела в окно. Потом листала инстаграм. Потом ела.

К вечеру устала, как будто отработала тяжелый день. Вечером пришел Эрик. Он был какой-то рассеянный. Что-то сказал про проблемы в текущих делах. Ну, все как обычно.

Клара попросила, чтобы не делали рентген. Он ответил, что не указывает врачам, что им делать. Она настаивала. Он сказал, что узнает, почему и что. Но врачи будут решать сами. Поцеловал и ушел.

Клара обиделась и уснула.

Эпизод третий

Утром после обхода врача у нее был психолог. Вернее, она у него. Даже не совсем психолог, скорее аниматор. Клиника заботилась, чтобы пациенты не залеживались, не получали душевных пролежней. Пробовали держать их в бодрости духа, пока страдало тело.

Она пришла. Села около двери. Ждала, когда позовут. Федор Семенович звали врача, но она звала его про себя, конечно, Фрейдом. Ну а как иначе? Просто и понятно.

Она не была поклонницей психологии, но это имя знала. Это была попса.

Федор Семенович выглянул и пригласил Клару. После стандартных приветствий и взаимного признания в отличном самочувствии доктор предложил поиграть в ассоциации. Он расскажет сказку, а она ему — что бы это значило применительно к сегодняшней ее жизни. Федор Семенович начал про волка и семерых козлят. Клара сказала: дальше не надо, она помнит. Он засмеялся:

— Тогда приступайте.

Клара сказала, что сказка вроде бы про доверие. Вернее, про злоупотребление. Мимикрию, невнимание. В общем, ее понесло. Она говорила не про сказку, шут с ней, она говорила про себя, про неизвестность, которая все больше растворяла ее в себе.

Федор Семенович не перебивал. Клара сказала, что ей сказка кажется оптимистичной, ибо сулит все-таки надежду, что есть кто-то, кто позаботится. И что все мы маленькие, а взрослые все куда-то ушли. Судя по всему вокруг.

Доктор вступил:

— Ну а мы разве не заботимся о вас?

— Да, вы заботитесь. А кто заботится о вас?

Федор Семенович задумался.

— По идее, вы должны.

Клара удивилась:

— Как же я могу? Если бы даже и хотела.

— Ну, вы же думаете о нас сейчас, это немало уже. Все взаимно,— сказал Федор Семенович.— Продолжим завтра.

— Завтра у меня процедура.

— А, точно,— он посмотрел в ее файл на компьютере.— Тогда назначаю вам на послезавтра.

— Спасибо,— сказала Клара. Встала.

Он открыл дверь. Она вышла. Она ему нравилась.

Эпизод четвертый

Следующий день прошел быстро. Ей делали какое-то исследование. Она запомнила только слово «доплер». Посмотрела в интернете. Не все поняла. Физические эффекты на службе здоровья. Так сказали бы комментаторы в телевизоре. Теледоктора.

Вечером позвонила Светка. Спросила, можно ли зайти, и зашла. Света была школьной подругой. И трещоткой. Она знала всё про всё. Среди прочего рассказала, что у Эрика серьезные проблемы с финансами. Он нервничает и пытается перекредитоваться.

Откуда она знает? У нее подруга работает в банке, в кредитном отделе. Там на обслуживании фирма Эрика. Ну, или одна из фирм.

Клара сказала, что чувствует себя хорошо. И, наверное, на следующей неделе ее выпишут домой. Что ей надоело. Долго с врачами находиться — не дело. Тоска и безысходность накатывают.

Светка слушала молча, не перебивала. Это было странно, подозрительно даже. Потом Света попрощалась и убежала. Оставив в палате Клары смесь ароматов и какой-то херни.

— Как же они все меня [redacted],— вслух сказала Клара.— И Света, и Федор Семенович этот. Натурально. Козлята одни кругом.

Эпизод пятый

Но разгуляться Клара не успела: пришла медсестра ставить капельницу. Как кстати, подумала Клара, а то я сейчас бы уже посуду бить начала.

Эта сучка испортила мне настроение. Реально. А материться нехорошо. Тем более вслух.

И она продолжила про себя. Все-таки люди не могут друг друга беречь, даже когда хотят, эгоизм слишком естественен для человека, чтобы его избегать. Или хотя бы как-то канализировать.

Капельница капала, Клара открыла планшет и стала опять про доплер читать. Кристиан Доплер — австрийский физик — открыл эффект. Теперь медики на аппаратах, построенных на основе этого, могут смотреть движение жидкостей в организме. Например, крови.

А зачем меня-то смотрели? У меня вроде с кровью все было в порядке.

Настроение не улучшалось. Она нажала кнопку. Пришла дежурная медсестра. Клара попросила снотворного. Сестра сказала, что сейчас добавит в капельницу. Клара успокоилась.

Эпизод шестой

Федор Семенович опять начал про сказку. А Клара спросила его про доплер. Федор Семенович ответил, что доплер хорош при первичной оценке просвета сосудов. Например, в сердце. Например, аорты. Но не только — сосудов в теле много разных.

Клара слушала внимательно, а потом спросила доктора о его любимой сказке, и Федор Семенович сказал, что предпочитает анекдоты. Особенно медицинские.

— А вы как относитесь к анекдотам? — спросил доктор.

— Они меня оскорбляют. Они почти всегда мужские, пошлые и рассчитаны на невысокий уровень.

— Ну, вы очень строги, это же не так глубоко.

— А ранят глубоко.

— Ну хорошо,— сказал он.— Вот, к примеру, медицинский. Звонок в реанимацию: «Алло, подскажите, больной жив еще?» — «Нет еще». Ну чем плохо, а?

— Ну, может, этот и ничего. Но опять же представьте, не все с развитым чувством юмора, а ранимые — все. И про что этот анекдот?

— Ну как про что? Про относительность жизни. Вот как говорил Камю — знаете такого?

Она неопределенно пожала плечами.

— Так вот, он говорил, что осознание смертности человека превращает жизнь в шутку. Разве не прелестно?

Ей вдруг разонравились и Федор Семенович, и халат, в котором она к нему пришла, и прическа. В общем, все покатилось в тартарары.

— Что не так? — спросил Федор Семенович, заметив перемену настроения пациентки.— Не любите Камю — может, Сартр подойдет? Ладно-ладно, я понял: не любите французов.

— Я недостаточно образованна для подобных разговоров, а вы глумитесь, зная это,— сказала Клара зло.

Федор Семенович извинился. Она молча встала и ушла.

Эпизод седьмой

После обеда пришел Эрик. Она уже отошла от Камю и встретила мужа радостно. Он был сосредоточен.

Сложности, вспомнила она Светины сплетни. Когда-то она сама была бухгалтером в его фирме. Собственно, так они и познакомились. Это было уже давно. И они договорились, что она у него больше работать не будет. Тем более она не хотела работать бухгалтером. Так что удачно сложилось. Он не хотел, она не хотела. И все хорошо получилось тогда.

— Я могу помочь, дорогой? — спросила Клара.

— Хочешь вернуться? — спросил он.

— Если надо.

— Думаю, пока в этом нет нужды, но спасибо, я буду иметь в виду твой порыв. Ты как тут? Я попросил не делать тебе рентген. Врачи сказали, что в этом теперь и нет необходимости. Там у них какие-то изменения с диагнозом. Но я не знаю подробности. Думаю, ничего серьезного.

— Хорошо бы,— сказала Клара.— Ты читал Камю?

— Нет, только пил,— заржал Эрик.— Был такой коньяк когда-то. Может, и сейчас есть. Не люблю коньяков.

— Понятно,— сказала Клара. Эрик любил упрощать себя, он считал, что так безопаснее. Чем проще, тем спокойнее. Не давать людям повода для гнева.

— Клара, ты же знаешь, я не интеллектуал ни разу. И тем более не интеллигент. И мне это нравится.

Клара притянула его и поцеловала.

— Привези мне одежду,— попросила она.— Надоели халаты.

— Яволь,— козырнул Эрик.

— Ладно, беги,— сказала Клара, не поддерживая шутовскую концовку встречи.

— Буду здоров,— Эрик пошел к двери. Помахал, обернувшись.— Пока.

— Пока-пока.

Эпизод восьмой

Утром пришел врач. Сказал, что надо делать еще одно исследование для уточнения результатов доплерографии.

— А в чем дело? — спросила Клара.— Муж мне вчера туманно намекал на изменение диагноза и ненужность теперь рентгена.

— Да, мы теперь больше подозреваем сердце, а не легкие. Те симптомы, которые наблюдаются, двигают нас в сторону рассмотрения вариантов сердечных диагнозов. Вот наберем экспериментальную базу — и будем посмотреть. Вы не волнуйтесь. Всё под контролем.

Доктор ушел. Клара осталась одна. Она встала, подошла к окну и стала смотреть на деревья. Был ветер, и они гнулись и качались, создавая иллюзию борьбы за существование. Актеры хорошо знали роли, отработанные веками, исполняли их безупречно.

Вот бы мне так относиться ко всему происходящему. Естественно. Обезличенно. Деревья же не считают, что ветер их гнет по какому-то злому умыслу, ненавидя конкретно их. Они не обижаются. Не то что люди.

Клара не знала, что делать дальше, и легла в кровать со слабой надеждой заснуть. Мир удивился вместе с ней, когда Кларе это удалось. Это, наверное, ветер. Мы все метеозависимые, рассуждала она, проснувшись.

Был вечер, она встала и пошла за кофе.

Эпизод девятый

В этот раз Федор Семенович был задумчив. Он решил, что надо изменить подход к пациентке, и спросил ее, о чем бы она хотела поговорить сегодня.

— Вижу, история со сказками не пошла у нас,— сказал он.

— Ну почему же,— ответила Клара.— Очень даже. Я задумалась, что ждет меня дальше, после анекдота про реанимацию. А если мы обсудим вот эти мои перспективы?

Федор Семенович не возражал.

— Начинайте,— сказал он.

— Ну вот смотрите,— начала Клара.— У меня рак. Ну, допустим, будет длинная ремиссия или совсем рассосется. Я поставлю импланты, и грудь станет лучше прежней. И вроде все хорошо. Но. Рак отступил, а ложь — нет. Мне все лгут.

— Кто все? — перебил Федор Семенович.— Давайте предметнее.

— Муж врет. Подруга врет. Доктор не договаривает. Лечащий мой. Вы — скользкий. Оно понятно — психолог.

Федор Семенович замотал головой:

— Голубушка!

Ни хрена себе завернул, подумала Клара.

— Голубушка,— повторил он,— вы огульно както рассуждаете и обесцениваете себя тем самым. Врач ваш лечащий еще просто не уверен в диагнозе и не хочет зря вас путать. Муж не хочет вас расстраивать проблемами, а подруга — как настоящая подруга — хочет делиться только хорошим. Может, так?

— Может, и так,— согласилась Клара.— Но у меня же ощущения, и они нехорошие. Предчувствия.

— Ладно, время вышло,— Федор Семенович сказал это с облегчением, легко поднялся и открыл дверь.— Вы все-таки побольше людям давайте шан-

сов. Быть хорошими. И вы удивитесь результату,— присовокупил он напоследок.

Она кивнула и вышла.

Эпизод десятый

Прошло еще два дня. Потом пришел доктор. Присел на стул перед кроватью. У него была борода. Ухоженная, как и он весь сам. Халат, шапочка и очки. Все сияло на нем.

Доктор сказал, что у нее аневризма аорты. В грудном отделе. Она такая и так расположена, что необходимо обсуждать сроки операции, а пока наблюдать. Они рассчитывают ее еще несколько дней подпитать капельницами и сделать ряд подготовительных анализов, если вдруг с операцией придется ускориться.

Он излучал оптимизм и уверенность, хотя вроде это одно и то же, подумала Клара.

— Вам все понятно? Какие-нибудь вопросы? Впрочем, в любое время готов ответить. Может, вопросы созреют позже. Прошу, задавайте по мере созревания.

Фамилия доктора была Ермолаев. Зачем, собственно, я это вспомнила, подумала Клара. Зачем мне его фамилия.

Аневризма, продолжала Клара внутри себя. Интересно, это совсем плохо? Хуже рака или лучше? Ей казалось, что относительность ее существования превратилась в случайность. Возможно, она путала Доплера с Эйнштейном. Хотя вычислять расстояние между берегами, измеряя воду в реке,— это, безусловно, сказочный подход.

Тут Федор Семенович прав, подумала Клара. Я теперь буду любить людей и доверять. Они ведь врут из желания беречь. Значит, им не безразлично все, что между берегами.

Клара лежала и смотрела в потолок. И все у нее было хорошо.

Коллаборация

Эпизод первый

Интересно, как лучше считать — что я с самого начала знал или что я потихоньку дозревал до понимания происходящего со мной?

Все мы разговариваем с кем-то внутри, вот и он не был исключением. Кирилл Станкевич был писателем. Ну, это он так считал. Хотел. Но при этом он был удачливым вполне специалистом по разговорам с общественностью, выстраиванию имиджа и всего такого прочего. То, что упаковывается в слово «пиарщик». Ну, то есть это как дальнобойщик или синхрофазотронщик. Оболочка есть, а в середине туман.

Как и большинство его товарищей по бизнесу этому нелегкому, он был уклончив, непритязателен, гибок и несговорчив. Вам кажется, это несовместимо? Еще как! Принципы, на которых строится все это ремесло, основаны на совмещении несовместимого и представлении этого как легкого, простого, уместного.

Когда все это начиналось — ну, когда он становился пиарщиком,— все это очень увлекало его. Власть над сюжетом, который разворачивается прямо здесь и сейчас, увлекала и становилась зависимостью.

Не сразу, но почти. Это будоражило. Но, как потом выяснилось, и опустошало.

Прошли годы, они шли и шли, и оказалось, что возбуждение уже не то, а опустошение — ого-го. Однообразие удовольствий удручало, становилось пустотой прям с самого начала очередного проекта. Но деньги, всегда были нужны деньги. Они примиряли.

Это как бесконечная ипотека. Истощает, но всегда есть оправдание, почему все идет именно так, почему ты продолжаешь, почему не бросаешь это все к чертовой матери. Вот так примерно Кирилл и добрался до своего текущего положения.

Нет, положения у него никакого не было. Были, конечно, разные знакомые, кое-какая недвижимость, счета в банках.

До другого положения добрался — в смысле состояния души.

Эпизод второй

Сейчас же речь стала заходить о нечто большем, чем вариант «ты начальник — я дурак» или «кто платит, тот и заказывает музыку». Теперь речь шла о душе. А этого Кирилл боялся сильно. Избегал, лукавил, притворялся.

Он всеми силами оттягивал общение на эту тему. И для этого был испытанный способ — работа. Суета. Ненужные опции. Уход в детали. Бессмысленные командировки. Пустые разговоры. Наконец, пьянство.

Вот пьянство он любил искренне. Это позволяло не отвечать. Вырывало из времени дыру, которая на какое-то время поглощала пространства. Пространства греха.

Этика не была коньком Кирилла, как вы уже поняли. Он терпеть не мог морализаторских душеспасительных бесед. Мама отучила. Вернее, полностью

истратила весь его заложенный в генах запас на эту опцию.

Эпизод третий

Одним из его текущих клиентов был чиновник, у которого успешно развивалась карьера, все было хорошо, но он хотел лучше. По большому счету Кириллу нечего было ему предложить. Та ситуация, когда вмешиваться — только портить. А портить Кирилл не любил. Тут как-то у него проступали какие-то свои правила, что и его самого периодически удивляло. Но платили хорошо, отказываться было глупо, и он имитировал, придумывал несуществующие траблы и, конечно же, успешно вместе с клиентом их разрешал.

Другим клиентом был бизнесмен, переживающий за репутацию в неспокойное время. Тут как раз было где развернуться. И спрятаться от внутренних диалогов.

Эпизод четвертый

Позвонил старый приятель. Поинтересовался, как дела. Удивился, что нормально. В общем, нагнал тоски. Для начала. Затем сказал, чтобы Кирилл был осторожен, ибо на горизонте идет какой-то крупный шухер, и все это возле него.

— Как бы не оказаться свидетелем,— засмеялся приятель в трубку.

Кирилл попросил увидеться. Приятель отказался:

— Извини, старик, сейчас не время для подобных встреч,— и повесил трубку.

Настроение сразу испортилось, надо было развеяться. В таких случаях Кирилл шел в музей. В Пушкинский. Или в Эрмитаж. Смотря где случилась

хандра. Бродя по залам, он впадал в какое-то особое состояние души. Он не смотрел картины, он просто ходил среди них. Это переводило его.

Он позвонил Тамаре Павловне. Она была женщиной фантастических знаний о природе людей. Людей власти. Помогала находить дорогу. Они случайно столкнулись на какой-то избирательной кампании и с тех пор изредка виделись. Без энтузиазма, но им нравилось поболтать.

— Разумеется, приезжайте через пару часов, Кирюша,— сказала она.

Эпизод пятый

— Ну какие варианты. Отъезд. Это на определенных стадиях самый лучший вариант. Оттуда видно все. Если дым рассеется, можно сразу вернуться,— так она отреагировала на его пересказ разговора с товарищем.— Есть куда поехать?

— Да особо нет,— ответил Кирилл.— Есть знакомые в Ереване. Далеко надо, по-вашему, ехать?

— Это совершенно не важно, дорогой мой. Важно просто перевести дух. А насколько все серьезно, по-вашему? — она смотрела на него внимательно.

— Да откуда же я знаю. Я даже не представляю, в какую сторону думать.

— Ну, тем более. Впрочем,— она на секунду как-то неловко скривила рот,— всегда есть другой вариант. Сдаться.

— Понятно,— ответил он.

И они стали болтать про последнюю выставку Дали. Заминали неловкость.

Эпизод шестой

Дома была Вика. Они поженились уже бог знает сколько лет назад и до сих пор сохраняли отношения во вполне рабочем состоянии. Ну, в смысле общались и не разбежались. Это было немало.

Он рассказал. Она молчала. Потом сказала:

— Если ты думаешь уезжать, то я не поеду. Езжай один.

— А что так? — Кирилл удивился. Она не часто его так удивляла.

— Я хочу жить тут. Мне тут нравится. Здесь моя среда, а там придется все начинать сначала. Не хочу. Языки. Культура. Быт.

— Чего ты разошлась? — перебил ее Кирилл.— Это же ненадолго.

— Да, конечно,— Вика скорчила рожу,— ненадолго.

— Ну, ты же айтишница, тебе все равно где,— попытался еще раз Кирилл.

— Я объяснила,— сказала Вика.

— Ладно,— сказал он.— Я подумаю еще, что делать.

— Ты, главное, не ссы: может, все рассосется, может, и нет ничего. Мало ли что болтают.

— Да, возможно,— сказал Кирилл.— Ну что — сериал или ты работать собираешься?

— Я собираюсь к девчонкам. Целый день дома сидела.

— А, тогда конечно,— кивнул Кирилл.

Эпизод седьмой

Проблема всегда преувеличивается в сто раз, думал Кирилл. Возможно, ничего и не случится. Или уже случилось, и теперь все будет хорошо. Он сидел в кофейне на Старой площади.

А ведь мы могли быть енотами — или кем там еще? Его иногда заносило в сторону альтернативных веток эволюции. Вернее, он любил размышлять о всем дереве. Наверное, рептильный мозг влиял или предки кроманьонцы, хотя, возможно, и без них обошлось.

На телефоне появилось сообщение. Неизвестный номер сообщал, что он следователь, и предлагал перезвонить ему, потому что Кирилл не брал трубку, а поговорить надо.

Кирилл посмотрел и нашел неотвеченные вызовы с этого номера. Ну вот и началось. Внутренний собеседник уже взмок. Что будешь делать? А что делать? Буду звонить. А адвокат? Признак слабости или неуверенности.

Он набрал номер.

— Свиридов слушает.

— Это Станкевич Кирилл беспокоит. Вы мне звонили.

— Да,— сказал голос.— Я вам действительно звонил. Есть необходимость пообщаться. Вы когда можете?

— А что случилось? — спросил Кирилл.

— Увидимся — и все узнаете,— ответил следователь.— Завтра в 15 удобно? — он назвал адрес: какой-то переулок вокруг Лубянки.

— Да, конечно,— согласился Кирилл сразу.

— Тогда до встречи,— и следователь повесил трубку.

Эпизод восьмой

Надо было решить — идти или уезжать. Малодушно как-то сейчас [redacted] вот так, думал Кирилл. Так ведь? Зато надежно, ответил внутренний собеседник. А вдруг не выпустят? Тогда прям все понятно — побежал. Выпустят, спорил собеседник. Так настроено

теперь. Намек понял — молодец, не понял — ну как знаешь.

Спорно это все, решил Кирилл. Схожу завтра, а там посмотрим. Он отменил все встречи на завтра. Прогулялся. Пообедал. Поговорил по рабочим делам. Звонили клиенты. У них все было хорошо. Он решил, что и у него тоже.

Звонила Вика. Он сказал, что решил не ехать и что завтра идет к следователю. Она была спокойна и весела.

— Кирюша, все будет хорошо,— сказала она.— Ты когда будешь? Голодный?

— Буду через пару часов, не голодный,— ответил он и отключился.

Эпизод девятый

— Совершенно очевидно, что нужны быстрые решения, поэтому после того как вы встретитесь, все пойдет очень быстро для тебя,— говорил ему приятель, хорошо разбирающийся в системе знаков и отличий.— Они не любят ждать и усложнять. Просто и быстро — это их девиз. И, кстати, неплохой.

Наступил день похода к следователю, и Кирилл решил напитаться мудростью знающих людей. Он молчал и слушал.

— А предмет тебе совершенно не известен? — спросил приятель.

Кирилл пожал плечами:

— Совсем. Наверное, что-то из прошлого или вообще случайно темы пересеклись.

— Понятно,— сказал приятель.— Ладно, я побежал, позвони потом. Будем думать, как чего. Пока.

Он ушел, махнув рукой. Кирилл махнул в ответ. Накатывала черная волна панической атаки.

Да, подумал Кирилл, каждый умирает в одиночку.

Эпизод десятый

— Вы знаете Иванова? — спросил следователь, когда он сел на стул напротив его стола, пройдя все этапы путешествия по зданию.

Следователь был вызывающе молод, здоров и крепок. Да, и еще он был такой жизнерадостный.

— Иванов — очень распространенная фамилия. Какого-нибудь, наверное, знаю,— ответил Кирилл.

— Я буду писать протокол,— сказал следователь.— Вы опрашиваетесь как свидетель. Вам понятно?

— Понятно.

— Итак, расскажите про Иванова.

— Ну,— пожал плечами Кирилл,— в школе у меня был знакомый Иванов Витька, мы учились в одном классе, после школы я его не видел. Возможно, и в дальнейшем я встречал Ивановых, но конкретно вспомнить не могу.

— Понятно,— сказал следователь,— вспомнить не может. А Виталий Иванов вам знаком? Он говорит, что знает вас по работе на прошлой избирательной кампании в Сибири.

— Такое возможно,— отвечал Кирилл.— Виталика я знаю, но не знал, что он Иванов, он не из моей команды был. Прислан, кажется, из администрации.

— Совершенно верно,— следователь уставился на Кирилла.— А теперь расскажите, каким образом кто-то из вас присвоил большую часть бюджета.

— Я к деньгам не имел отношения, это всем известно.

— Это-то да,— сказал следователь.— Ладно, давайте просто поговорим, а протокол я потом напишу. Я не очень в курсе механизмов вашей работы — расскажите.

Кирилл рассказал.

— Значит, вы не распоряжались кассой, но могли знать или слышать, каким образом циркулировали деньги и куда они ушли?

— Я стараюсь не слушать именно по этой причине, — улыбнулся Кирилл. — Старый товарищ научил.

— А этот товарищ старый не научил вас, как решать дилеммы типа: или я или кто-то вместо меня?

Эпизод одиннадцатый

Кирилл шел по Петровке и думал, как так получилось, что он теперь следователю должен. И счастлив, что вообще вышел. Как он, умный и взрослый, выбирает теперь между тюрьмой и позором.

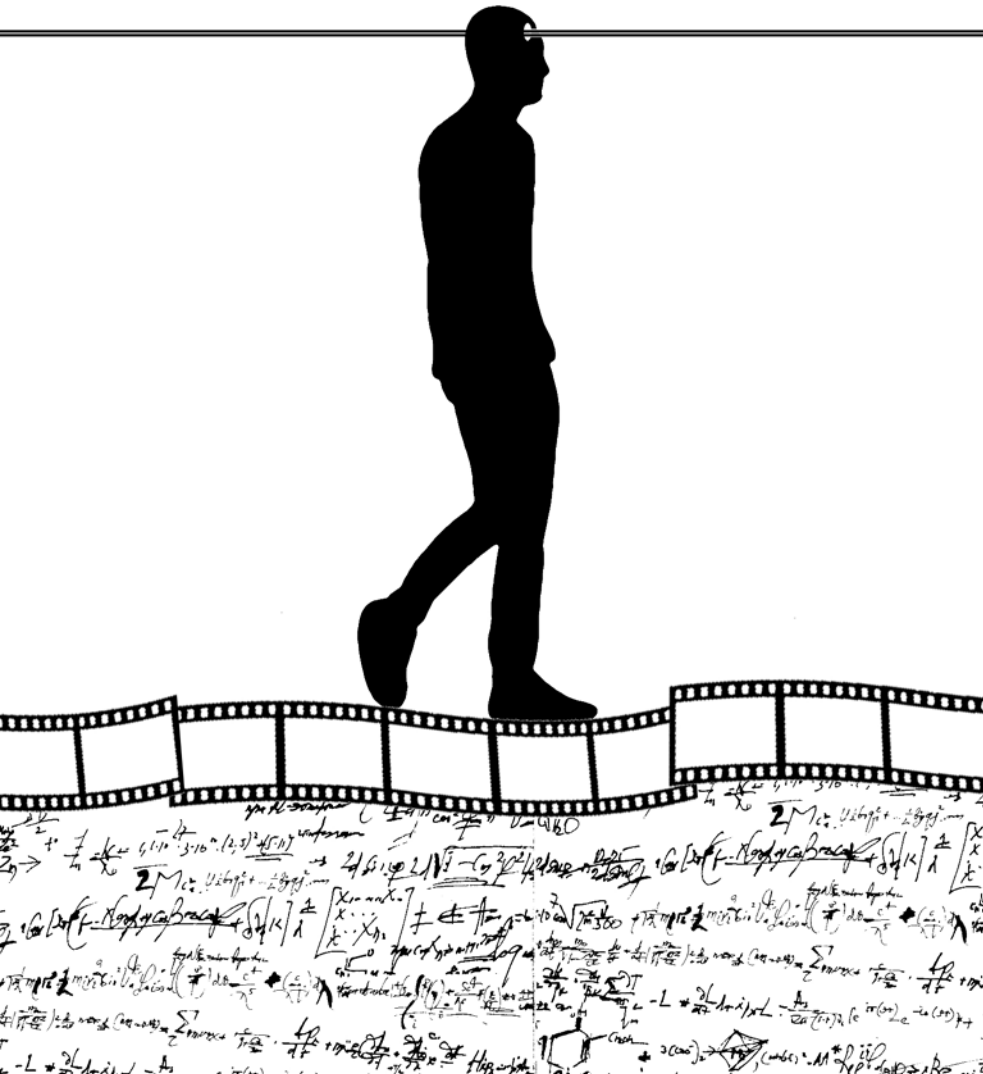
Впрочем, оговор — это же не позор, если есть ипотека. И потом он высказывал предположения. Консультировал следователя. По сути, занимался своими профессиональными обязанностями. Вот если бы он был дизайнером — это бы называлось коллаборацией со следствием. Или вот — он же писатель. А других писателей, как говорил некто великий, у нас нет, не бывает других. Ну не бывает по-другому.

— Ну что? — спросила Вика.

— Все хорошо, — ответил он. — Просто замечательно, и ехать никуда не надо.

НЕПОЛНОТА ЖИЗНИ

Эпизод первый

Неполноценность — ругательное слово. Типа дурака или того хуже. Гена Куртов всегда был в этой когорте. Слабоумный, недоразвитый и аутичный. Он жил, как писал товарищ Носов, Незнайкой на Луне. Ему всегда казалось, что он нездешний. В детском саду ему не нравилась замерзшая каша, пенка на компоте и прочие гастрономические вершины поварихи, которая была и нянечкой, и сторожем в их саду, называвшемся «Гвоздичка».

Он писал в штаны. Не потому, что не мог сделать правильно, а так ему хотелось поддерживать свою необычность. Получалось. Но после очередного раза мама попросила перестать. И он перестал.

Он любил маму. Мама была счетовод. Иногда она водила его к себе на работу, когда приходилось выходить в выходные. Его угощали конфетами сослуживцы мамы и умилялись, какой он милый. Ему было тепло. Нет, ему было хорошо — и поэтому тепло. Не надо путать.

Что касается отца, то Гена видел его нечасто, он все время был на работе. Что-то строил. Он был прорабом. Не сильно было Гене понятно, почему надо строить круглый день, но он не задавался этим вопросом осознанно. Просто в глубине его таилось недоумение, которое мешало, но не сильно.

Эпизод второй

Так вот и шла его жизнь. Обычно. Без суеты. Без взлетов, но ровно. Он не удивлялся, что все, как всегда, хорошо. Вернее, он не понимал, как может быть плохо. Так жили все вокруг. Одинаково.

А потом он встретил Шурика. Это было уже в школе. Ровная такая установилась негорячая взаимность. Как обычно. Ну а как может быть иначе. Менялись вкусы и пристрастия, не менялась холодность Гены к миру окружавшему.

Да, Шурик. Шурик был из другой школы. Кто-то из приятелей привел его. Познакомились. Начали иногда видеться. Шурик был какой-то взрослый, что ли, и этим притягивал. Он имел некие суждения, которых не слышал раньше Гена, и самому ему они в голову еще не приходили. В общем, общение и восприятие окружающего мира изменилось, ускорилось.

Шурик говорил:

— Старик! Ты же ощущаешь, что все устроено не так, как мы видим. Чувствуешь, швы, как склейка кинопленки, иногда попадаются на глаза. Мельком.

Гена не чувствовал, но было необычно. Ведь у него на Луне не было такого персонажа, Носов забыл такое описать.

Эпизод третий

Потом был институт. Гена поступил легко куда хотел. Было круто, взросло, странно. Появилась девочка Лида. Гена увидел еще одну сторону жизни, она захватила целиком в какой-то момент. Но полноценности не добавила.

Недостача ощущалась как никогда. Когда же уже старость, подумал Гена. Как потом выяснилось, об этом же мечтал и Лев Толстой. Гена с удивлением узнал, что у разных людей могут быть одинаковые ощущения. Сходные ситуации.

Потом Гена болеет. Не коротко — нет. Мама таскала по врачам. Ничего не нашли, но на всякий случай выделили Гену в нетипичный случай. Выписали глицин. Советовали поменьше думать.

Гена старался, и у него в основном получалось. Теперь его неполноценность подтвердилась медицинскими оценками. Он был доволен. Для него нашлась ниша. Он был не чужой теперь, а вполне атрибутированный.

Как-то, разговаривая с ним, Лида сказала, что он слишком лапидарный. Откуда она знала такое слово, осталось неизвестным, но оно резануло.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Ну как тебе объяснить,— отвечала она.— Все прямо, без полутонов, без теней. Хочешь — все черно-белое. Такое у тебя кино. А жизнь дает больший простор для нюансов.

Он вроде понял ее, но на самом деле — нет. Просто ощутил неполноценность как никогда раньше, глубже и больнее. Вот так, подумал он, она судит легко и просто, ну а я никак не сужу. Как лучше?

А вслух сказал, что ему кажется, она не праведница, и он вполне даже глубок.

— Глубок, да однобок,— засмеялась она.

Ему стало холодно.

Эпизод четвертый

Они сидели с отцом на даче. Гена приехал помогать, отец пытался построить баню. Они оба любили баню. Правда, Гена не знал, почему отец любит баню. И почему любит сам, тоже не знал. Хотя, может, и знал. Баня всех уравнивает. Голые — и начальник, и дурак. Равенство, в общем, а если еще и с пивом, то и братство. А свобода зависит от количества и достигается без усилий.

Они любили баню. Таскали бревна. А потом на них же и сидели.

Гена сказал:

— Я думаю жениться.

Отец, глядя прямо, ответил:

— Помни, это навсегда. Ты понимаешь?

Гена не понимал, но кивнул. Наверное, все, кроме него, поняли бы. Отец говорил еще что-то, но Гена и из этого ничего не понял, какие-то рассуждения о долге.

Он ответил еще раз, что все понимает. Отец смотрел на него и молчал теперь.

Эпизод пятый

Гена оказался вполне достойным работником. Он стал работать инженером в институте. Большом и химическом. В таких давали молоко за вредность.

Жизнь текла по-прежнему размеренно. По субботам баня, по четвергам покер, в остальные дни телевизор. А, нет, еще, конечно, по друзьям, по дачам. Дни рождения, праздники обычные и необычные. Такое раз в месяц как минимум случалось.

Чем дальше вертелось колесо лет, тем больше Гене хотелось во вселенную Носова. Большую шляпу и отсутствие границ и запретов.

Он постепенно увлекся чтением. Заложенное Шуриком стало прорастать снова. Теперь он видел то, чего не замечал раньше, почему-то не замечал, смотрел — и не видел.

Появился и новый собеседник. Иван Иваныч. Они вместе работали. Иван Иваныч был профессор и любимец студентов. Скучный, пожилой, тихим голосом вещал. Половину было и не понять без подготовки. Но энергию некую имел, и она притягивала и компенсировала все остальное. Пашн, как говорят французы. Или как Гумилев — пассионарность. Страсть. Вот чего вечно не хватает.

Эпизод шестой

Они сидели вечером с Иван Иванычем на кафедре. В институте так назывались учебные единицы. Все делилось на кафедры, лаборатории и факультеты. Вот они работали на кафедре и теперь сидели в помещении, принадлежащем их кафедре.

Пили. Ну так, не сильно. В химическом вузе не пить было нельзя. В смысле — не пить было можно, но странно. Они не хотели выделяться и поэтому пили. А может, хотелось. Черт их разберет,

этих ученых. Рефлексии, саморефлексии, сомнения и неуверенность. Вот и все.

Так вот, они выпивали как-то на кафедре. Или я уже это говорил? Ну, не суть — говорил, не говорил. Иван Иваныч заплел тему с интригами на факультете, что его зажимают, а ему давно пора свою кафедру получить, не дают развернуться, а годы идут.

Гена спросил:

— А чего они вам не дают возможности?

Он знал ответ, но разговор надо поддерживать.

— Ты, Гена, и сам прекрасно знаешь: чтобы занять кафедру, надо, чтобы ее кто-то освободил. А таких не наблюдается желающих.

— Может, поискать в других вузах?

— Искал, ничего нет подходящего.

Они продолжали вокруг этого долго, и в какой-то момент Гена допустил ошибку.

Эпизод седьмой

Он спросил:

— А чего вам, собственно, не хватает, Иван Иваныч? Зачем обязательно кафедра?

Коллега прям задохнулся на полуслове:

— От тебя, Гена, я не ожидал такого вопроса. Я думал, ты понимаешь, что нужен простор, чтобы двигаться.

— Ну а что,— шел неверной дорогой нечуткий Гена,— оборудования сколько хочешь, лабораторные часы — бери не хочу, никто не ограничивает.

— Ты дурак, похоже, Гена,— глядя на него протрезвевшими глазами, сказал Иван Иваныч.— Нужна позиция в иерархии для продвижения идей.

— Я думал, идеи сами ходят,— совсем ушел в штопор Гена.

— Да ну тебя,— вдруг расслабился Иван Иваныч.— Наливай.

Они оба поняли. Гена — что ему не хватает вот этого вот. Страсти. А Иван Иваныч понял, что Гена не для обсуждений замыслов его существует, а просто как товарищ по выпивке.

Эпизод восьмой

Страсть делает нас необходимыми. Достаточными. Полноценными. Возможно, это так. А возможно, не в этом дело вообще. Недостаточность — это тот порок, который оставляет цивилизацию на ходу, не превращая ее в культуру.

Они сидели на балконе Сашкиной (он же Шурик) квартиры и пили пиво. В трусах. Было воскресенье. Лето. Пух. Красота.

Сашка теперь был большой и знаменитый. Он снимал кино. Он матерился.

Гена рассказал ему, что понял про склейку кадров и недостаточность. А Шурик щурился в ответ и говорил ему, что он, Генка, как был ребенком, так и остался им. И что это хорошо. Такой большой и прикольный.

Они все пили и пили это прекрасное пиво. Солнце садилось. Сашка говорил, Гена спал. Ему снилась девочка Лида. Нет, ему снился Иван Иваныч, такой пассионарный. Такой блестящий и умный. Двигающий науку в прогресс.

Эпизод девятый

— А знаешь что, дорогой мой,— сказал ему Шурик, когда они шли из магазина.— Знаешь что. Если твое имя сделать фамилией, а фамилию — именем, да еще и латиницей, получится примерно Курт Гедель.

Гена кивал, он был совершенно счастлив сегодня. Ему нравилось все.

— А Гедель этот доказал теорему о неполноте. Ты следишь за мной?

— Да,— ответил Гена,— слежу, конечно. Я помню. Читал чего-то в студентах. Для решения задачи с X количеством переменных потребуется X плюс одно уравнение.

— Да,— сказал Шурик,— ты гений. Все правильно, это и называется неполнота. Таким образом существование нашего мира доказывает существование другого, иначе никак не заполнить эту пустоту. И значит, ты и есть Гедель, но в другой вселенной. И тебе его не хватает.

— А почему тебе его хватает? — спросил Гена.

Эпизод десятый

Гена залез в интернет и освежил Геделя. Возможно, Сашка был прав. Наверно, ему не хватает, как и всем, но другие нашли, чем заполнить пустоту, а он — нет. Вот Сашке хватает работы, Иван Иванычу — его борьбы за место под солнцем. А Гена был вот полностью недостаточный. Почему так вышло? Из-за каши в саду, из-за мамы или папы? Или действительно он слишком примитивный, неглубокий? Одномерный.

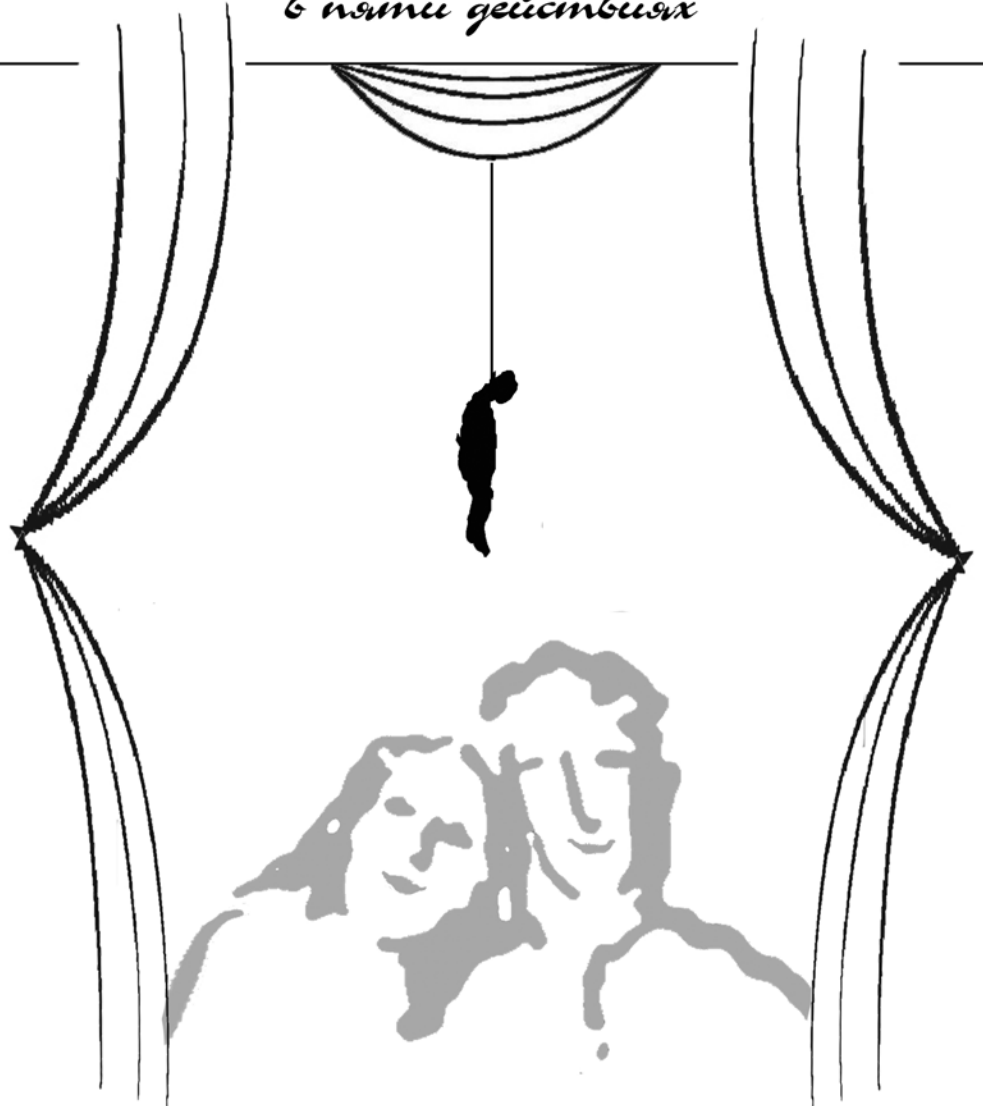
Вот и рассказ про него получился такой же. Все эти заумные рассуждения математиков, упорно превращающих наш мир в цифру, окончательно лишают его тепла и чувств. Кто-то борется, кто-то неосознанно сопротивляется, а Гена просто наблюдает, как прекрасен мир, несмотря на желания сделать его пошлым.

Наверное, так и будет, если не найдется недостающее уравнение.

Похороны Смирнова

Комедия
в пяти действиях

…Им холодно, они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больнее они колют друг друга своими длинными иглами…
Артур Шопенгауэр

Не я плачу: воспоминания плачут! Лето… Парк… помнишь?
Иван Гончаров

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В каждом действии пара: он и она.

Он — как правило, деятель или типа того.
Она — как правило, королева или типа того.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

О н лежит на диване. Он любит лежать на диване. Кот делает попытку прилечь рядом. Он говорит ему: брысь. Кто-то звонит. Он берет трубку.

Т р у б к а . Это ты?

Да, это он.

Т р у б к а . Смирнов повесился.

О н . Почему?

Т р у б к а . Не знаю я, почему. Он сначала пропадал, дискретно выпадал. И вот совсем выпал.

О н . Что думаешь делать?

Т р у б к а . Надо поминки организовать или что там делается в таких случаях, я не очень в курсе.

О н . Надо, наверное, дать объявление. Может, кто-то захочет прийти.

Т р у б к а . Да, наверное. Ты скажешь ей? Я не смогу.

О н . Хорошо, я скажу ей. *(Кладет трубку.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Он идет по коридору, стучит в дверь.

О н . Ты дома?

О н а . Нет, меня нет.

О н . Смирнов повесился.

О н а . Уходи.

О н . Послушай.

О н а . Уходи.

О н . Хорошо, но ты должна как-то решить с похоронами, у него никого не было, кроме нас.

О н а . А кто его нашел и где?

О н . Я не знаю.

О н а . Ладно, уходи.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Она заходит в комнату, где он лежит на диване. Ну, как обычно.

О н а . Смотри, что мне попалось по дороге.

Он ничего не видит и кивает: красивое.

О н а . У тебя никогда не было вкуса, уже не жди.

О н . Я не жду.

О н а . Слушай, насчет похорон. Мы же не можем вот так без родственников ну и всего прочего взять его и похоронить.

О н . Ты знаешь его родственников?

О н а . Нет, но это не имеет значения. Надо поискать.

О н . Поищи.

О н а . Ты пытаешься сделать из меня виноватую.

О н . Ни разу.

О н а . Но я же вижу эти косые взгляды вокруг и шепот: это она, это она.

О н . Ну, это оборотная сторона славы.

О н а . Какой славы?

О н . Ну, тебе же нравилось. Популярный автор и постановщик всего, что можно поставить, и его она.

О н а . Мне льстило, но я же не любила, зачем мне все это.

О н . Любишь мороженое, люби и зиму.

О н а . Как ты примитивен.

О н . Я лапидарен — да, но не примитивен.

О н а . Капитан Очевидность.

О н . Может, и майор, все может быть.

О н а . Что мне делать?

О н . Дать объявление и обзвонить всех, кто есть в его записной книжке, или в телефоне, или где там еще, всех позвать, а потом…

О н а . Да, что потом делать?

О н . Накрыть стол и ждать: вдруг кто-нибудь придет. Я приду, обещаю.

О н а . Можешь помочь с этим всем?

О н . Ну, конечно, я все сделаю.

Он встал с дивана, закрыл за ней дверь и пошел, шлепая босыми ногами,— ну, по тому, по чему он шлепал обычно босыми ногами.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

У него. Он разговаривал насчет Смирнова, ругался и плевался.

О н . Да никогда это не может быть приемлемо. Чего ему не хватало? Всего. Когда есть — тогда не надо, а когда нету — тогда сразу надо. Есть такой набор первой необходимости.

С о б е с е д н и к *(в трубке)*. Ты хочешь сказать, мы все терпим, а он не мог? Он что — особенный был, этот ваш Смирнов?

О н . Ну, значит, не мог. Мы все разные. Это его жизнь, он и решил. Ты другой. И ты решил, что ты

меняешься вместе с линией партии. Это же выбор индивидуальный.

С о б е с е д н и к . Меня Смирнов своим поступком оскорбил. Поставил потому что себя выше меня, и я хоронить его не пойду.

О н . Воля ваша *(вешает трубку).*

СЦЕНА ПЯТАЯ

У него. О н а заходит, о н, как всегда, на диване.

О н а . Я из сил выбиваюсь, а ты опять лежишь.

Он не знает, что сказать, и суетливо перебирает плед, которым покрыт.

О н а . Ты что-нибудь сделал?

О н . Никто на похороны идти не хочет.

О н а . Так я и знала, ты беспонтовый говноед.

О н . Может быть, но зато я не ложусь подо все, подо что можно лечь.

О н а . Ты что — задеть меня хочешь? Это прошло у меня лет в четырнадцать.

О н . Что прошло?

О н а . То место, которое можно задеть, умерло много лет назад.

О н . Да, я знаю. Знаю и всегда вспоминаю, когда задеваю твои бетонные колени.

О н а . Дебил и интеллектуал — это невыносимое сочетание.

О н . Но тебе же нравится.

О н а . Иди в жопу.

О н . Остро.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

У него.

О н а . Ну так что?

О н . Что?

О н а . Что будем делать?

О н . Сожжем его с утра в субботу, а на 15-е закажем что-нибудь вычурное за городом с каким-нибудь суперназванием — типа «Княжеская охота». Или туда уже не ходят?

О н а . Если кто и придет, то туда придут — всем рядом.

О н . А кто-то еще остался?

О н а . Ну, кто-то же должен ведь родину любить. Типа как ты.

О н . Вот [redacted]. Да, я люблю, в отличие от тебя, бездушного имитатора всего, что попадается из способного принести прибыль.

О н а . Ты сам продаешь иллюзии. Кто-то из боссов считает тебя умным и талантливым.

О н . Что не так?

О н а . Да все не так.

О н . Да ну.

О н а . Да, я зарабатываю за нас обоих, а ты только скрипишь и валяешься на всех диванах со всеми шлюхами, которых ты почему-то называешь актрисами. Это льстит тебе или им?

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

На ступеньках крематория.

О н . Ну что, по-моему, все прошло прекрасно.

О н а . Ужас, как я не люблю все это. Это ощущение гари. Эти искусственные слезы.

О н . Какой гари, что ты придумываешь. Прекрасное современное оборудование. Какая гарь? У тебя в носу не может быть ощущения никаких запахов. Кого ты обманываешь.

О н а . Мудак.

О н . Ягодка.

О н а . Теперь в ресторан надо ехать, скорее бы закончилось уже это все.

О н . Тут трудно не согласиться, моя королева Марго. Рыбка.

О н а . Пошляк, ненавижу твою гнусную манеру. И рожу твою ненавижу смотреть.

О н . Ну-ну, к чему этот огонь, мы же одни. Или ты репетируешь интервью с очередным подонком? Где ты их находишь?

О н а . Заткнись.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

О н опять у себя.

О н *(разговаривает по телефону).* Нет, прекрасные были похороны, было полстраны. Все сайты забиты репортажами. Смирнов — это Смирнов. Не [redacted] какая-нибудь. А я тебе говорю, все прошло на ура. Пока. *(Вешает трубку и продолжает смотреть.)*

О н а протискивается в дверь, как будто ей что-то мешает. Да, она в каком-то странном наряде.

О н а . Ну что, вот так нормально?

О н (смотрит без выражения). Для чего?

О н а . Ну как, сегодня же прием, ты что — забыл?

О н . А зачем так-то себя инициировать?

О н а . Вдруг забывать начали, я переживаю.

О н . Не переживай, тебя невозможно забыть. Последние интервью были такими отвратительно полезными для системы, что...

О н а *(перебивает).* Это правда, я редкостная тварь, как такую забудешь. *(Смеется.)*

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Опять е е комната.

О н . Слишком много компромиссов рождают неуправляемую среду. Именно в ней теперь вязнет Европа. Старушка Европа под бременем мертвых. Эмигранты погубят ее окончательно. Они умерли, ибо оторвались от своих корней, и она чахнет под их задором. Бескультурные варвары. Как тебе?

О н а . Ну, для них сойдет, они такое любят.

О н . Думаешь, купят?

О н а . Конечно, у тебя же лучший импресарио в мире.

О н . Ну да. Иногда мне кажется, что я работаю за еду.

О н а . Ну, еще ты можешь быть возле меня.

О н . Это, похоже, очень дорого мне обходится.

О н а . Без меня ты бы валялся сейчас под забором, не в силах решиться хоть на что-нибудь. А так ты востребован, нужен. Ты идеолог нового мира.

О н . Ну да, ну да. Ну, я тогда доделаю и отнесу статью. Или ты?

О н а . Неси сам, ты же не заблудишься? *(Смеется.)*

О н . Постараюсь.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Опять е г о комната.

О н . Да, я говорил и возражал, да, я готов переделать, я готов хоть всего Лермонтова переписать, но «Капитанской дочки» не получится. Ах, вы и это знаете. Тогда я за культуру нашу спокоен. Всего доброго. *Бросает трубку и ложится на диван.*

О н а *(входит в комнату).* Мне звонили и говорили ужасные вещи. Говорили, что ты уперся и не желаешь ставить «Молодую гвардию». Это еще почему?

О н . Я ее не чувствую.

О н а . Хорошо, поставь заседание парткома. Своевременная жизненная вещь.

О н . Я посмотрю.

О н а . Ну, не капризничай, зайчик, я такой подряд получила, а из-за тебя может все сорваться, если тобой будут недовольны. Я же отвечаю за тебя перед старшими товарищами.

О н . Ладно, отстань, я подумаю.

О н а *(холодно).* Не затягивай.

Уходит.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

О н *(с собеседником по телефону).* Да брось ты, все одинаковые, и Смирнов был таким же, как все, а потом — ну, не знаю, почему-то. Настроение, похмелье, неудачи творческие, да мало ли причин. Да иди ты в жопу со своими домыслами. Не делай людей прекрасными — и не будешь расстраиваться. Пока.

О н а *(входит резко).* Ну до чего испоганились люди, к ним всей душой, а они.

О н (щурясь). Это ты-то всей душой? Смешно. Ты их продаешь и покупаешь. Кому-то это иногда надоедает. Это естественно, душа моя.

О н а. Ах вот как ты заговорил.

О н. Да ладно, я в меланхолии. После разговора с Загорским. Он наговорил мне тут про мотивы Смирнова. Как он переживал и помогал всем, и вообще.

О н а. Понятно. Ну а мне-то что делать? Вышло интервью с этой мадам, и она теперь страшно недовольна: я рассказала, чего рассказывать нельзя. Но ты же знаешь: не хочешь, чтобы узнали, мне не рассказывай. *(Смеется.)*

О н. Ну да, тебе же касса нужна. Чтобы боялись и восхищались. А главное — не забывали. Чтобы каждый день ты, ты и только ты во всех утюгах. Ух ты, золотое дитя перестройки.

О н а. Да, а что? Я такая. Я могу и я хочу.

О н. Мне надо идти к этим. Получать точки над «i». Наводить резкость и понимание, как надо смотреть на происходящее. И еще мне расскажут, чего от меня ждут. В общем, на правилку пошел. *(Смеется.)*

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Обедают в ресторане где-то в Охотном Ряду.

О н. Ну, мне объяснили. Знаешь, оказывается, хранение традиций — это наша единственная задача последние тысячу лет, и мы с ней отлично справляемся.

О н а. А как ты думал, конечно. Все эти иконы, братства и прочая лабуда. Все, чтобы показать вечность и незыблемость. И ты понимаешь, все эти извращенцы — прям умильные прихожане с постными лицами.

О н . Да кому ты рассказываешь. Они с одинаковыми лицами ходят и в храм, и в театр, и на партсобрание.

О н а . Ты отбил мне аппетит весь. Вот ешь теперь сам свои гребешки.

О н . Как ты все-таки чувствительна, душа моя. Да насрать, мы не изменим традиции жить как жили.

О н а . Да, конечно. Постоянно жмут. Это не говори, это не пиши. А субботники? Этого отпаши, этого прикрой. И от кого они прикрываются? Да друг от друга.

О н . Среди друзей — самое опасное и некомфортное пребывание. Неизвестно, кто тебя имеет прямо здесь и сейчас.

О н а . Ладно, пошли. У меня куча дел. Или ты останешься? Оставайся. Я побегу. С тобой долго. *(Уходит.)*

О н . Слава богу, ушла, как же я теперь отлично поем и отдохну. На сегодня мне уже достаточно свиных рож.

Зовет официанта.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Она разговаривает по телефону из машины.

О н а . Да, я сейчас заеду. Невыносимо это все. Он так тяжело мне дается. Ну почему я? Ладно. Конечно, я сладкий пирожочек. Но трахать меня надо как следует, а не абы как. Иначе какой во всем этом смысл. Да уж, пожалуйста, устрой. Да, скоро доеду.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О н , ожидая счет в ресторане, разговаривает по телефону.

О н . Представляешь, она полностью солидарна со всеми этими бездарями. И еще мне Бродским тыкает.

Т р у б к а . Ну а ты?

О н . Я все ей сказал. Я сказал ей, что я, конечно, все вынесу. Но не все-все-все.

Т р у б к а . Ну а она?

О н . Она сказала, чтобы я не [redacted] и сосал, как положено. Представляешь? Говорит, нужен энтузиазм.

Т р у б к а . Какая же она тварь. И сука. Сука и тварь.

О н . Да-да-да. Когда увидимся? Я соскучился.

Т р у б к а . Ну, не раньше пятницы, кролик, меня же нет, ты же знаешь *(смеется)*. Все, пока, я побежала.

О н . Пока. *(Вздыхает и кладет трубку.)*

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Он в расписном халате, в скуфейке стоит у окна. Такого — от пола до потолка, на каком-то пятидесятом этаже, и глядит на реку. Она с длинным мундштуком в руке, в трусах и майке, заведомо мальчишеской прическе.

О н . Ты уже достала этими посиделками до утра, мне надо работать. И дети, почему дети в загоне?

О н а . Ничего они не в загоне. Они с няней были, все в порядке. К тому же ты все сам знаешь. Контролируешь каждый шаг всех, до кого можешь дотянуться.

О н . Тебе плохо со мной?

О н а . Я этого не говорила.

О н . Значит, мне показалось.

О н а . Тебе всегда все кажется, а все потом виноваты.

Действие второе

О н . Ладно, собирайся, поедем обедать. Все-таки воскресенье. Семейный день. *(Смеется.)*

О н а . Ну, через час я, может быть, буду готова.

О н . 20 минут, и ни минутой больше. Время пошло. Я уже вызвал машину.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ресторан, куча народа. Обедают перед театрами. Отдельный кабинет.

О н *(после ухода того, кто с ними обедал).* Ну, что скажешь про этого, как он тебе?

О н а . Ни рыба ни мясо. Скользкий и противный.

О н . Ну, конечно. Он вполне религиозен, не то что твои подружки. Всякие гоголи и моголи. Тут другое, это ведь не Малая Бронная.

О н а . Слушай, не втягивай меня в это свое. Я в этом ничего не понимаю. И не хочу.

О н . Ты моя жена. Что значит не хочу? Ты обязана. Мы вместе. И борьба — она и твоя борьба.

О н а . Ну, хорошо. За что ты борешься?

Входит официант. Они замолкают. Он просит кофе и счет.

О н а . Я хочу стакан воды.

О н . И стакан воды.

Официант уходит.

О н а . Что в этой вашей мелочной возне?

О н . Нет никакой возни. Время такое. Надо найти способ выжить. Устоять. Возможно, занять недостижимые ранее места.

О н а . Ну да. Я понимаю. Пошли давай, великий.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Где-то в Европе, наверное. Но об этом сейчас немодно распространяться.

О н . Ненавижу Париж. Всегда одно и то же. Они суют нам превосходство, а мы им Чайковского.

О н а . Да ладно. Ниночка, как всегда, была прелестна, буфет неплохой. Что не так?

О н . Что — мне уже и покапризничать нельзя?

О н а . Можно, конечно, можно. Просто ты все принимаешь близко к сердцу, я переживаю. Может быть, поедем лучше на побережье или на остров. Помнишь, звал Ксавье тебя?

О н . Да. Может быть. Но я все-таки не знаю, чем нам открывать сезон. Министр молчит, а я человек коммерческий, мне надо кассу собирать.

О н а . Ну, если бы их не было, ты бы ничего не собрал. Без идеологий-то.

О н . Молчи, дура, о чем не понимаешь. Думаешь, мне это все даром достается. Язык болит. Все жопы лизать — не перелизать.

О н а . Да ладно тебе, успокойся. Все у тебя будет ок. Иначе я бы за тебя не вышла. *(Смеется.)* Или считаешь, пора разводиться?

О н . Ты дошутишься. *(Уходит, хлопает всем, что попадается под руку.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Опять столица.

О н . Ну решительно не могу понять, чего они от меня хотят. Ну подумай сама. То надо ставить, то не надо ставить. Вот скажи, чем плоха «Бангладешка»? Отличная вещь — и музыка, и декорации, и костюмы. Но нет, опять нет идеологической составляющей. Размывает основы.

О н а . Ну и не парься. Дай глубину, качни философией, ты же умный.

О н . Да, я умный. Я в состоянии и Достоевского на лыжи поставить. Но не могу я вектор определять, а они — кто во что горазд. И кто будет отвечать?

О н а . Милый, ты горячишься, дыши ноздрями.

О н . Нет, ну ты пойми, но невозможно же так. Пусть кто-нибудь скажет, как надо. И не на сегодня, а навсегда. И я буду тогда понимать и отливать в бронзе.

О н а . Я не знаю. Так, наверное, нельзя. А может, они сами не знают, как надо?

О н . Не пори чушь. Всё они знают. Просто играют. Ждут, чтобы я оступился. Но [redacted] им. Да-да, именно, ты не ослышалась. Не дам им такой радости.

О н а . Ну хорошо, дорогой, как скажешь. Давай пойдем, я чаю заварила, того, от Мэйси, последний раз выбрали, помнишь?

Он понуро бредет за ней на кухню.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Квартира по-над речкой.

О н *(говорит по телефону).* Нет, я не могу перенести на 20-е, да вы поймите, душа моя, это невозможно. С 10-го театр на ремонте. Ремонте! Как кто разрешил? Вы и согласовывали. Я не смеюсь. Да, точно так. И в аппарате, и в совете. *(Кладет трубку и тупо смотрит на нее.)*

О н . Какие-то чудеса.

О н а *(кричит из другой комнаты).* Дорогой, ты будешь завтракать?

О н . Да.

Выходит в другую комнату.

О н . Нет, ну представь, звонит сейчас мадам и говорит невозможное. Затем звонит администратор, начальник большой, и говорит еще более невозможное.

О н а . А что случилось?

О н . Ну, я закрыл театр на ремонт, а теперь понадобилась площадка для какого-то мероприятия, большого и важного, и они все делают вид, что первый раз слышат.

О н а . Что — других помещений нет?

О н . Есть, конечно. Но хотели у меня. И главное — мне это тоже нужно. Это мероприятие — чтобы было у меня. Вот, черт возьми, мудизм.

О н а . Ну ладно. Следующее будет точно такое же, они тебя любят.

О н . Они? Они меня ненавидят. Сожрали бы, да не могут. Пока. *(Смеется.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Сидят в машине. Машина едет по мосту. Вид открыточный. Ну, бывают в этом городе такие виды. Попадаются иногда. О н смеется.

О н а . А чего смешного? Почему я всегда выгляжу нелепо?

О н . Нет, прекрасно. Как ты ему сказала? А вы кто?

О н а . Ну а что такого, я действительно не знала его. Первый раз увидела. Сомлела прям вся.

О н . Нет, его лицо, выражение лица было бесценно. Он так оторопел. Он смотрел на тебя с ужасным изумлением. Великолепно это все было.

О н а . Анжелика начала отвлекать, хлопотать. Она в этом мастер вроде. Развеяла немую сцену. Все смеялись и все позабыли.

О н . Ну, конечно. Уже всему городу, поди, рассказали.

О н а . Ну, я не знаю. Тебе виднее. Я тебя подвела?

О н . Да нет. Ну баба-дура, что с нее возьмешь. Будут меня подкалывать пару дней. Потом другое развлечение найдут.

О н а . Ну прости.

О н . Давай заедем. Сюда, с моста направо. По бокальчику. Ты как?

О н а . Да я с удовольствием *(в изумлении, что так легко сошло недоразумение с рук).*

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Звонит телефон у него в кабинете. Он занят. Совещание. Но снимает трубку.

Т р у б к а . Приветствую! Ну и как вы себе представляете то, что прислали, ваши предложения? Как их реализовывать?

О н . Добрый день! Я думал так, что вы утвердите, и я все сделаю.

Т р у б к а . А как? Как вы это сделаете?

О н . Ну, как всегда. Возьму и сделаю. Вы утвердите. А я все сделаю.

Т р у б к а . А деньги? Откуда деньги?

О н . Ну, там смета приложена. Но если скажете, я найду сам.

Т р у б к а . Вот даже как. Смело. Интересно. Я подумаю.

О н . Спасибо за звонок *(уже отключившемуся собеседнику).*

О н . О чем мы говорили? Давайте перенесем. У меня важный звонок.

Все выходят.

О н *(вслух, оставшись один).* Может, я погорячился? Не стоило так вкладываться? Теперь, если он согласится, придется искать деньги, звонить Петру, унижаться, предлагать опять заинтересованные продвижения в тесном кругу культуры. Где все. Где все — как в любой закрытой корпорации — тугие, неповоротливые, недоверчивые и извращенные. Ладно. Посмотрим.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Яхта. Средиземное море. О н в прекрасном настроении. Отпуск. О н а , впрочем, тоже.

О н . Море спокойное. Может, поныряем?

О н а . Я чего-то не хочу. Да и нельзя еще, наверное. После полета.

О н . Ну да. Пожалуй. Попроси тогда еще шампанского. Хочется праздника.

О н а . Конечно, милый. Все-таки здорово, что ты выбрался. Да и я тоже. *(Смеется.)*

О н . Ну да. Оторвалась от вашей сплоченной группы. Все кости перемыли?

О н а . Еще не всем. Но тебе перемыли.

О н . Что говорят?

О н а . Говорят, что ты пользуешься ситуацией и загребаешь все больше под себя. Не вылезаешь от администраторов. И все гранты и контракты твои, ну, или почти все. *(Смеется.)* Тебя не сильно любят.

О н . Едва терпят. Тусовка совсем не моя. Я держусь именно в результате их непреходящего изумления и моей наглости.

О н а . Ну да. Давай же пить шампанское. А то сейчас они появятся.

О н . Ну и пусть. Это же наши дети.

О н а . Я их обожаю.

О н . Вроде школы некоторые сохранятся. А то непонятно, что делать-то.

О н а . Хорошо бы. Им нравится нынешняя. Кстати, моя мама хочет приехать.

О н . Сюда? Конечно, пусть приезжает. Мне нравится семья. Кто бы что ни сотворил, семья — это семья.

О н а . Ок. Я напишу ей. Ее кто-нибудь встретит?

О н . В Ницце? Ну, конечно, скажи ребятам.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Театр. Идет монтаж декораций. Звонит телефон.

О н . Да. Привет. Ну почему сразу так. Я такого не подразумевал. Я думал — по-товарищески. Ладно, нет так нет. Извини, жена звонит.

О н а . Отрываю?

О н . Ну что ты. Один придурок просто пытался прокатиться на халяву. Но я ему не дал. *(Смеется.)*

О н а . Да. На тебя где сядешь, там и слезешь. Неужели этого еще не все знают?

О н . Видимо, не все. Какой план? Мне заехать за тобой и вместе пойдем? Или ты туда сама приедешь?

О н а . Наверное, сама. Мы тут со Светой немного зависли и не укладываемся по времени.

О н . Ну ок. Тогда там. Но обратно вместе. *(Смеется.)*

О н а . Железно.

О н продолжает разглядывать декорации, которые продолжают монтировать.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Едут в машине после афтепати, которое было после мероприятия, на которое они так давно хотели попасть.

О н . Все-таки это было не нужно.

О н а . Почему? Ты поговорил с Егором Кузьмичом — ты давно хотел, а тут как раз и он, и ты, и абсолютно не связанная повестка.

О н . Откуда ты такие слова знаешь? Повестка. Непринужденная обстановка. Ты прям как мои суслики. Все сечешь, во всем разбираешься. *(Смеется.)*

О н а . Ну да. Пытаюсь соответствовать. Не все же время дура дурой стоять рядом с тобой.

О н . Ну, вот раз ты такая продвинутая, скажи мне: надо использовать детей в рекламе?

О н а . Наших?

О н . Да, наших. В мой большой рекламный проект нужны дети для визуализации концепции. Что думаешь?

О н а . Я, в принципе, не против. Меня возьмут?

О н . Ну как без тебя, конечно, возьмут. Тогда решили: будем эксплуатировать детей.

О н а . Они будут рады. Это не эксплуатация, а развлечение для них.

О н . Да, конечно. Я пошутил. Я, кстати, получу еще проект. Решится на неделе.

О н а . А что, разве тебе недостаточно того, что есть?

О н . Дают — бери, бьют — беги. Нельзя отказываться, фарт уйдет. А сейчас время собирать.

О н а . Ну, не знаю. Возможно. Хотя у меня от новостей мороз по коже иногда. Не уверена, что завтрашний день меня обрадует.

О н . А кто говорит, что уверен. Но надо шевелиться. Иначе что? Застой и смерть.

О н а . Ты слишком хитрый.

О н . Я-то? Да. Зато ты красивая. Отличный марьяж.

О н а *(смотрит в окно).* Красиво тут как все-таки.

О н . Здесь очень, да, и дальше неплохо. Хочешь, еще проедем куда-нибудь?

О н а . Нет. Давай домой сразу.

О н . Ок.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Поздний вечер бесконечного дня. О н а ушла спать. О н читает сообщения в телефоне. Звонок. О н снимает трубку.

О н . Да, это я.

Т р у б к а . Смирнов умер.

О н . Я его вроде видел недавно.

Т р у б к а . Ну да. Он сначала пропал, а потом нашелся. Вы скажете ей? А то я не смогу.

О н . Да, конечно, скажу.

Т р у б к а . Спасибо.

О н . Если нужна помощь с похоронами, родственниками, скажите, что надо сделать.

Т р у б к а . Спасибо. До свидания.

О н *(идет в спальню).* Ты не спишь?
О н а . Нет.
О н . Смирнов умер.
О н а . И что? Я при чем?
О н . Я не знаю. Просили передать — я передаю.
О н а . Будешь ложиться?
О н . Нет. Еще почитаю там.
О н а . Тогда закрой дверь. Я буду спать.
О н . Спокойной ночи. *(Закрывает дверь.)*

О н а любит готовить. О н любит бухать. Гармоничная пара.
О н а очень много работает. Мотор. Ну а ему деваться некуда.

Действие третье

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Загородный дом. Много народу всегда. Бывшие жены, родители, сотрудники и прочие.

О н а *(забегает, когда он наливает).* Ну что такое, дорогой. Еще не вечер.

О н . Но адмиральский час пробил. *(Смеется.)*

О н а . Так сегодня голубцы. Мне привезли чудесную капусту. И мясо, и все-все-все. И ничего не говори. *(Уходит.)*

О н . А я ничего и не говорю. *(Делает глоток.)* Отлично. *(Счастлив и доволен.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Огромный и сложносочиненный обед окончен. Гости разъехались. О н и сидят на веранде. О н а в переднике, о н в шортах и фуфайке.

О н . Ты довольна?

О н а . Да. Но все-таки соленые огурцы подкачали. То ли размер, то ли засол. Не пойму.

О н . А по-моему, все было отлично.

О н а . Ну, конечно. Даже твоя бывшая с удовольствием осталась до завтра. Доедать. Все не смогла за раз.

О н . Язва ты все-таки.

О н а . Ну, за это меня и любят.

О н . Что да, то да. Не даешь спуску врагам.

О н а . А то.

О н . Новый сценарий мой смотрела?

О н а . Слушай, давай завтра про твое занудство поговорим.

О н . Как хочешь. Это же тебе надо. Мне просто скучно.

О н а . Ну, конечно. С моими бабками, конечно, тебе скучно. Делать-то ничего не надо.

О н . Опять. Тогда я пошел спать.

О н а . Видишь. А я пошла работать.

Расходятся.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и там же. Типа следующее утро. Утро после обычного праздника вечером. Сидят на кухне и едят овсянку.

О н . Все-таки вот эти пиры, зачем они? Ты сублимируешь страх или тебе хочется царствовать? Кормить и ублажать, заставляя людей трепетать и подчиняться.

О н а . Ну, наверное. Во мне много любви, и она требует выхода. Ненависть находит выход на работе. (*Смеется.)* А любовь, наверное, не находит и вот так воплощается в другом виде. Чем плохо?

О н . Да нет. Я просто думаю о том несоответствии, которое порождают эти хлебосольные бунты против действительности.

О н а . Да брось ты. Все так. В чем-то или с кем-то. А мы традиционная пара: я на кухне, ты бухаешь

с телевизором. Что не так? У нас даже лучше. Потому что пока я на кухне, другая я всегда с тобой.

О н . Наверное. Не знаю. Грустно это все. Все, что я делаю последние годы, это ведь что такое? Я не знаю этому названия даже.

О н а . Да брось ты. Все ты знаешь. Ты хотел красиво жить. Ну, вот примерно все так и получилось. А все остальное в контракте.

О н . Вот даже как. Я еще и козел.

О н а . Ты не козел. Ты колеблешься вместе с линией партии, как говорили старые партийцы. Это уважаемая среди элиты позиция. Ведь она самая востребованная. И не надо этих интеллигентских вздохов.

О н . А я что. Я ничего. Налей мне еще. И сырников. И сметанки.

О н а . Ух ты мой поросеночек. Проснулся аппетит. Радуешь меня. Ладно, я опаздываю. Не балуйся слишком сильно.

О н а убегает. О н продолжает есть, повернувшись спиной к сцене.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

О н и выходят из какого-то важного дома. Ну, есть такие дома на Москве. Понятно, что там принимают решения. Или выдают. В общем, опасные такие дома. О н а в деловом костюме, вся на цырлах. О н опущенный, какой-то мятый костюм, но улыбается голливудской улыбкой.

О н . Лихо они нас. Я прям думал, обоссусь прямо там.

О н а . А теперь расхотелось? Перетерпел?

О н . Да, отпустило слегка. Что это было?

О н а . Это обычное выворачивание кишок, чтобы дошло, наконец, чего они хотят.

О н . До меня дошло, только я не знаю что.

О н а . Сейчас поедем домой, и я тебе все объясню.

Садятся в машину и уезжают.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Вечер. Они идут по тропинке около дома. Такой большой променадный круг на участке сделан. О н а в телогрейке, от Этро, наверное, а о н в спортивном костюме Адидас. Разговор начат не сейчас. Мы слышим с середины.

О н а . Вот примерно так. Не забудь еще, что клеймить теперь можно без всяких политесов и соблюдения приличий. Прям площадно. Завтра надо собрать креаторов и поставить задачу. Тебе понятно?

О н . Да, понятно. Глумиться — это, конечно, понятно. Только, ты же знаешь, эта дорога короткая. Возгонка быстрая. А что потом? Этого хватит ну на полгода. Не больше.

О н а . Дальше можно поменять цели и опять гнать то же самое.

О н . Это понятно. А потом? Мы же вытаптываем. Но ничего нового не создаем. Не сажаем, прости господи.

О н а *(ржет).* А ты бы хотел?

О н . Что?

О н а . Ну, сажать. Такой комиссар в кожанке. И давай сажать.

Он смотрит на нее со страхом.

О н а . Ладно, пошутила. Вас, интеллигентов, легко шутить. *(Смеется.)* Ладно, расслабься.

О н . Надеюсь, ты все-таки не такая, какой иногда мне кажешься.

О н а . Я и сама надеюсь.

Идут дальше.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Говорят по телефону.

О н а . Что ты опять натворил? Почему опять надо тебя выгораживать? Ну кто разрешал нести эту пургу?

О н . Ну, прости. Я… как-то само понеслось. Одно за другое. И они еще подначивали меня.

О н а . Кто тебя подначивал? Ты сам начал. Я же видела все. Включая рабочий материал. У тебя же не эфир. Нельзя было доработать?

О н . Времени не было. Гнали. И потом, моим всем нравилось. Ну я и подумал.

О н а . Кому твоим? Твоим прошмандовкам нравится, когда ты их за добро трогаешь, на все остальное им насрать.

О н . Ну зачем ты так? Мы же интеллигентные люди.

О н а *(перебивает).* Кто? Ты, что ли? Да ты забыл, где это. Тоже мне, артист, гонишься за кумиром. Зря. Сегодня он кумир, а завтра в жопе командир.

О н . Ну ты прям так грубо. Они же все-таки люди.

О н а . Говно на блюде. А я разгребай. Ладно, вечером поговорим. Дождись меня в нормальном виде. Не прячься за бутылками.

О н (бросает трубку). Да пошла ты. Стерва.

О н а . Вот [redacted]. Трубки бросает. С гонором. *(Смеется.)*

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Звонит ему снова.

О н а . Ты чего трубки бросаешь?

О н . Да я тут уже, у тебя под дверью.

О н а . А, ну давай, заходи тогда.

Он заходит к ней в кабинет, она встает, идет к нему, целует, усаживаются на диван.

О н а . Ну и что это было? Ладно, проехали. Но! Перестань выпрыгивать. Что за новая манера завелась. Хочешь ребят переплюнуть. Не получится, да и не надо этого. У нас устоявшаяся сейчас конфигурация, и не надо ничего менять.

О н . Да я, в общем, и не хотел. Оно само, я же говорил.

О н а . Вот смотри. Нас выбрали, и мы в расстановке. Роли расписаны. Не выламывай картинку. Тебе что — мало известности? Куда больше?

О н . Я хочу кино.

О н а . Вы посмотрите — он хочет кино. И что теперь делать? Сейчас получается другое кино совсем. И надо в нем держаться.

О н . Мотивация падает.

О н а . Ага, а градус растет. Смотри, выпадешь из тележки, я тебя подбирать не буду. Буду кормить — и это все. Ты понял?

О н . Жизнь одна.

О н а . И ты ее прекрасно живешь. Все. Если хочешь, слетай куда-нибудь. Мне некогда. И не ворчи. Тут и другие есть *(смеется)* патриоты не хуже.

О н . Ну ладно-ладно, разошлась прям. И так меня ошкуривать, и эдак. Иди сама знаешь куда. Я уехал к ребятам бухать, сегодня ночевать не приеду. Адье!

О н а . Ну, слава богу! Радость моя, иди-иди проветрись. Знаю я твоих ребят. Но не против.

О н . Иди в жопу. Пока.

Целует ее в нос и уходит. Хлопает дверь.

О н а *(вслед ему).* Нет, ну до чего мудак. Ну сил же нет!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

У них дома. Чей-то день рождения. Куча народу. Подарки, бутылки, дорогие машины, везде шары, цветы и все прочее, вплоть до фейерверков. О н одет в летний костюм какого-то знатного дизайнера. Золотые цепи, ну, все как положено. О н а в платье с декольте, и тоже все как положено.

О н *(запыхавшись от беготни и танцев, хватает ее под локоть).* Пошли покурим?

О н а. Пошли, а куда?

О н. Да вон к соседям давай, там тихо, их нет.

О н а. Ну что, ты доволен? Орден. Все такое.

О н. Ну да, вполне. Хотя в недоумении. А почему такой?

О н а. Ну, такой потому, что такой. Слушай, какая разница. Ты на виду. Орден, праздник. Великий популяризатор идей. Что тебе еще надо? Ты же тралил без мотивации? Вот стараюсь, как могу.

О н. Нет, это конечно. Спасибо. Но все-таки я же не первогодок какой-то, почему мне — и такое. Я не понимаю. Это пренебрежение или вообще просто не считается. Ну, надо дать, так давайте дадим. Это тебе услуга, что ли? Ты попросила — и тебе дали. Я при чем?

О н а. Ну, знаешь. Я потратила много сил, двигая бумаги, и чтобы к сроку дали. А тебе все равно. Ну ок. Я поняла.

О н. Нет, спасибо огромное, особенно за то, что хлопотала. Но я и так тебя люблю. И совсем не за это. Хотя это повод. *(Смеется.)*

О н а. Ладно. Пошли, куритель великий. Туши.

О н *(тушит сигарету и целует ее).* Пошли выпьем?

О н а. Пошли.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Утро. Завтрак. Опять завтрак и опять утро.

О н а . Слушай, но зачем тебе «Роллс-Ройс»? Ты можешь мне объяснить?

О н . Да, могу. Я взрослый солидный мужчина, и я хочу ездить на такой машине. Пол-Москвы так ездит, и почему не я? Тем более что другие развлечения недоступны.

О н а . А это развлечение?

О н . Ну да. А что же? Удобная красивая машина. Подчеркивает статус, и отпадают многие вопросы социального общения. Иерархия. Мы же иерархическое общество?

О н а . Ну, наверное. Я не знаю. Мы — общество, где лучше не попадаться. Выход намного дороже, чем вход. «Роллс-Ройс» раздражает. И не социум, а соседей и товарищей по борьбе, у которых его нет. Давит.

О н . Я и хочу давить их. Давить. Давить этих соседей, этих коллег по работе. Переезжать их на тракторе. Ну или хотя бы на «Роллс-Ройсе».

О н а . Ладно, я побежала. Обязательно поешь кашу. Доктор мне всю голову пропилила, когда узнала, что ты не ешь кашу. Давай, вперед.

О н . Пока, дорогая. И пожестче там с ними.

О н а . Ну, ты же меня знаешь. Спуску никому не дам.

О н . За это вас и любят.

О н а . И вас. Целую. Пока.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

О н дома. Работает. Смотрит какие-то нарезки или что-то ищет в ноутбуке. Непонятно. Звонит телефон. О н снимает.

О н . Да, это я.

Т р у б к а . Смирнов умер. Я обзваниваю всех.

О н . Да, я понял. А что случилось? Авария? Или как?

Т р у б к а . Похоже, суицид. Его нашли повесившимся.

О н . Вот как.

Т р у б к а . Вы скажете ей? А то я, наверное, не смогу.

О н . Конечно, скажу сам.

Т р у б к а . Благодарю и прощайте.

О н . Прощайте.

Кладет трубку и набирает номер.

О н а . Да, чего тебе?

О н . Смирнов умер. Позвонили.

О н а . Я поняла. Ладно. Мне пора. Ты не жди меня сегодня.

О н слушал гудки и тупо смотрел в телефон. Смирнов умер. Вот оно как.

Манхэттен. О н и о н а без плотного графика. Бизнес-серфинг в плавающем режиме. Много встреч. Флексибл-активность и такие же ответы на вопросы. Вроде пенсия, а вроде и нет.

Действие четвертое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гуляют в парке.

О н а . Все-таки непонятно, чем подагра отличается от ревматизма. Ну, что ты думаешь?

О н . Я не врач. И не хочу об этом думать. С чего ты об этом с утра.

О н а . Ногу крутит.

О н . Понятно. Ну, отвлекись. Пройдемся. Потом чайку горячего.

О н а . Я буду кофе. Хотя если подагра, то вроде нельзя.

О н . Виски *(смеется)* виски можно всегда. Мой доктор так говорит.

О н а . Это-то конечно. Но женский алкоголизм.

О н . Ну, тебе не тридцать. Чего теперь бояться? Может, с ним и легче мириться с происходящим.

О н а . Может, ты и прав. *(Глядит в сторону.)* Все-таки отвратительная у них привычка продавать туристам вчерашние брецели. Прям вот — ну как так?

О н . Ну, это разве проблема. *(Смеется.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кофейня. Сидят за столиком, смотрят на поток пешеходов и машин за окном.

О н . Ты вот мне скажи, как мы должны себя вести со всем этим. Они говорят, что мы знали.

О н а . Ну мы же знали. И что с того. Мы пытались выводить из-под удара. Получается, торговали инсайдом.

О н . Теперь в результате мы не нужны ни там ни здесь.

О н а . В этом и проблема текущего момента. Мы должны переждать. Возможно, картина изменится, и мы снова понадобимся.

О н . Надо пытаться быть полезными процессу создания будущего. В нем мы вполне можем воплотиться и остаться в потоке.

О н а . Главное сейчас — чтобы нас совсем не списали.

О н . Пока не спишут. Тонкий лед. Всем все непонятно. Мы в любом случае — актив. Можно использовать.

О н а . Активисты. *(Смеется.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

«Метрополитен». Антракт. Они гуляют по фойе.

О н . Неплохо, неплохо. И все-таки ты помнишь, как все начиналось? Кто как не ты! Почему все пошло не так?

О н а . Как не так? Все пошло именно так. Возможно, с деталями, которые нам не нравятся. Но все так.

О н . Ну как же. Мы же не хотели просто отливать в граните. Мы хотели веселое инновационное развитие. Не так ли?

О н а . Ну ты же не всегда был тупой и помнишь изначально, что так быть не могло. Нам просто казалось, что можно так. Но на самом деле так было нельзя.

О н . Ты клиренс имеешь в виду. Ну да, на цыпочки мы вставали, но не помогло.

О н а . Мы хотели сразу в кино, а нас усадили ждать в приемной следующего сеанса. На текущий мы не попали.

О н . Но это не мешает нам слушать «Тоску» теперь в Нью-Йорке. И тогда не мешало.

О н а . Мы не виноваты?

О н . Да вообще никто не виноват. Пошли, опоздаем.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фитнес-этаж в кондо. Утро, солнце только пробивается. О н и , одетые сообразно моменту, крутят эллипсы, стоящие рядом.

О н . Будет, похоже, неплохой день. Сегодня какой план? Прилетает Иосиф?

О н а . Прилетает. Ума не приложу, о чем нам говорить. Чего он хочет?

О н . Он хочет, чтобы ты сказала ему, что все будет хорошо. И он станет еще богаче. Надо только потерпеть.

О н а . Он не верит. Я ему сто раз говорила. Он и слушать не хочет. И смотрит так, как будто я не хочу сказать ему что-то важное.

О н . Ну, значит, будем сидеть в ресторане до утра и нюхать пробки.

О н а . А что остается. Это же ты приучил их верить и решать за них проблемы. А теперь, когда волшебная вода утратила силу, они не верят и ждут по-прежнему чудес.

О н . Ждут ли?

О н а . Крути педали. Пенсионер.

О н . Ну вот, потянулись года беззаконий.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Сидят в каком-то уютном месте, явно не Америка. Скорее, Франция. В общем, все как у Чехова — и Ницца, и бугенвиллии в цвету.

О н . А ты помнишь Флавия? Странное имя, древнее какое-то, а парень был молодой и хороший.

О н а . А чего это ты вдруг? Ну, помню, мы общались много в доэпоху, ты нас знакомил. Потом он работал с нами.

О н . Да, видел его как-то, не так давно. Как-то его недоиспользуют, что ли. И главное, заикаюсь о нем — и ничего, тишина и пустота. Странно как-то система работает теперь. Какие-то новые настройки добавились, что ли.

О н а . Только заметил. Старым кадрам — старое, а молодым — дорогу. Причем молодые — это не возраст, а особое состояние души.

О н . А что — настолько возросло недоверие?

О н а . Наверное, даже не в этом дело. Не то чтобы недоверие, а как бы снизилось мелькание, другие загородили взгляд.

О н . Ну да, понятно.

О н а . Это и наша с тобой проблема тоже.

О н . Конечно. Я это чувствую по разговорам. Они тонут. Результатов нет. Постепенно растворяются старые договоренности.

О н а . Именно. Приходят новые, они не в курсе. И все. Стена. Все труднее откапывать дорогу, снова восстанавливать связи, снова доказывать, что мы тут стояли.

О н . Да. И притом все больше снижается проходимость при возрастающем количестве улыбок.

О н а . Ладно, понятно все, не рви сердце.

О н . Что ты, радость моя. Я спокоен и упруг. Я прям как жидкое железо.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Большой театр или какое-то подобное место, премьера. Много улыбок. Подходят поздороваться и засвидетельствовать. О н и чувствуют свою отдельность, какую-то отыгранность.

О н . Все-таки все как-то неуловимо изменилось. Они смотрят на нас, как на восставших из мертвых, а мы на них — как будто и не узнаем никого. Такие ребята с началом Альцгеймера.

О н а . Увы, ты прав. Только старики еще как-то осмысленно реагируют, остальные — либо пикап, либо как с портретами.

О н . Надо, что ли, пореже бывать. Все это как-то нагружает. Вся эта нелепость обоюдная.

О н а . Я не знаю, как теперь, какие правила. Мне кажется, теперь их нет, но об этом не все догадываются, поэтому что-то соблюдается, а что-то — никак. Инерция восприятия.

О н . Ну да. Осталось что-то еще здесь или, может, завтра улетим?

О н а . Я сама хотела предложить. Летим завтра, во Францию, наверное. Теперь все так нелинейно. *(Смеется.)*

О н . Ну да.

О н а . Может, сбежим отсюда прямо сейчас? Машина же ждет.

О н . Да, конечно. Поехали.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

В машине едут в аэропорт.

О н *(говорит по телефону)*. Да, я понимаю, ну, надо лететь. Там сложности какие-то. Увидимся в Дубае или где? Срочности же нет? Пока. Спасибо.

О н а . Степан? Волнуется?

О н . Ну, как всегда. Всего ему мало, отовсюду выдавливают, и беспокоится, что он без нас будет делать, как происки отбивать. Все изменилось, и ему трудно, а мы опять улетаем, совсем не побыли, а он невыездной.

О н а . Ну да, я и забыла. Что он от нас хочет? Мы же реально сейчас ему мало чем можем помочь. Режим пытается найти новое равновесие, все же в подвешенном состоянии.

О н . Да пошли они все. Скроемся, напьемся, и только мы будем с нами.

О н а . Отличный план.

Идут к самолету.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Какой-то из городов-миллионников, где есть театр оперы и балета. В антракте, в вип-комнате.

О н . В принципе, неплохо. Может быть, Осипова могла бы и лучше, но и так неплохо.

О н а . Да отлично все. Милый зальчик, хорошая сценка, великолепный оркестр.

О н . Согласен. Хотя, конечно, «Баядерка» бывает и лучше.

О н а . Бывает, конечно. И вип-комнаты бывают лучше. *(Смеется.)*

О н . Тише, ты чего. Обидятся еще. Хорошие же. Стараются. Вот театр содержат, несмотря на всех и все.

О н а . Слушай, ты вот иногда такой раболепный, да еще и не в ту сторону. Твоя цель вон где. А ты все куда?

О н . О людях никто не думает.

О н а . А ты думаешь, не смеши. Они несчастны и не знают об этом. Не буди их.

О н . А если знают?

О н а . А если знают, не давай им повода это демонстрировать. Пусть несут свое знание молча, на скорбных лицах.

О н . Ты какая-то недобрая сегодня. Что случилось?

О н а . Да написали опять про музей этот несчастный, в котором я в попечительском совете. Теперь прокуратура с проверкой. До того милиция. Я заколебалась с ними разбираться.

О н . А чего молчала? Я бы поучаствовал.

О н а . В чем? В утирании моих слез? Так с этим ты не опоздал. *(Улыбается.)*

О н . Неужели нельзя как-то это вырулить окончательно?

О н а . Вот и я говорю: неужели нельзя? А ответа нет.

О н . Это да. Чего нет, того нет.

В помещении начинается движение. Все выходят.

О н а . Пошли. Похоже, антракт закончился.

О н . А что, за нами не придут?

О н а . Радуйся, пока нет. *(Смеется.)*

Уходят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Отель. Очевидно, в том же городе. Обычный номер. Известный с советских времен дизайн. О н лежит на кровати, о н а в ванной комнате, дверь открыта. Звонит телефон. О н берет.

Т р у б к а . Смирнов умер.

О н . Вот как. И что? От нас что требуется?

Т р у б к а . Ничего, я просто решил, что вам надо знать.

О н . Спасибо, что побеспокоились.

Т р у б к а . Вы скажете ей? Я как-то не решился. Да и неудобно как-то.

О н . Хорошо. Я скажу.

Т р у б к а . Всего доброго.

О н . Взаимно. *(Вешает трубку.)*

О н а . Что случилось?

О н . Смирнов умер.

О н а . Вот как. *(Захлопывает дверь.)*

О н . Что дальше?

О н а . Ложись спать. Я еще долго.

Слышен шум наполняемой ванны.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Манхэттен. Парк. Гуляют. Зима, холодно. Народу немного.

О н . Ну что, душа моя, не скучаешь по Москве?

О н а . Совсем нет. А ты?

О н . Бывает иногда, но, скорее, по местам, чем по людям. *(Смеется.)*

О н а . Пожалуй. По людям скучать теперь как-то нелепо. Они сами по себе не скучают. Не любят себя. И это отчаянно видно.

О н . Может, купим билеты — и в кругосветное? На год. А?

О н а . Мысль неплохая. Ты да я. Как всегда.

О н . Пошли домой, похоже, ты замерзла.

О н а . Ты такой внимательный.

Прижимается к нему, и о н и идут к выходу из парка.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

О н в Москве. День провел на встречах. Вечером дома. Звонит е й .

О н . Привет.

О н а . Ну как?

О н . Никак. Ватная стена. Все тонет в словах. Решений нет. Даже минимальных. Говорил буквально со всеми, кто откликнулся.

О н а . А Иван? С Иваном ты виделся?

О н . Нет, Иван не смог. Эпидемобстановка и все такое. Но это, конечно, просто повод не встречаться.

О н а . Он же не был таким.

О н . Они все не были такими. *(Смеется.)*

О н а . Мы же не это загадывали. (*Смеется.)*

О н . А сбылось это. *(Смеется.)*

О н а . Жду тебя. Соскучилась. Будь осторожен. Пока.

О н . Я быстро. Пока.

Действие пятое

Наверное, тоже за городом где-то. Где все засекречено. На популярном направлении. Речка та же. О н — стройный, подтянутый. О н а вообще спортивная.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

О н а. Совсем перестала тебя видеть. А когда вижу, ты всегда уставший. Одни глаза остались. *(Смеется.)*

О н. Ну, ты же знаешь, что да как. Хочешь — полетим на юг. Ты же можешь в удаленке. Я тем более. *(Смеется.)*

О н а. Да особо не хочу. Мне и здесь хорошо. Был бы милый рядом. *(Смех, неизвестно чей.)*

О н. Ну, смотри сама. Я всю неделю в твоем распоряжении. Вроде супернапряжения сейчас нет. А если будет, вернемся. Мы же быстрые. *(Смеется известно кто.)*

О н а. Я в Америку хочу.

О н. Кто же не хочет. Но сейчас она недосягаема. Никак. Ни так ни сяк.

О н а. Может, попробуешь?

О н. Даже не проси. Невозможно.

О н а. Это очень напрягает. Жизнь проходит. Ты мне обещал красивую жизнь.

О н . А чего тебе не хватает? У тебя все есть.

О н а . Кроме свободы.

О н . Ух ты. Что я слышу.

О н а . А что нового ты услышал? Что?

О н . Ты же все понимаешь. Зачем затеваешь опять этот бессмысленный разговор? Чтобы меня дрочить.

О н а . Ну, хотя бы что-нибудь подрочить. Почему бы и нет?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. О н сидит и листает ноутбук. О н а входит.

О н . Ну как, успокоилась?

О н а . А я и не заводилась. Это тебе все время кажется. С твоими мужиками еще и не такое покажется. Бедненький.

О н . Ну все, хорош. Одевайся, пошли погуляем. Мне тебе рассказать надо кое-что.

О н а . Пять минут.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

О н и в лесу за пределами поселка. Идут по тропинке. О н в шортах, о н а в пилотке.

О н . Меня сегодня вызывал сама знаешь кто и предложил поменять место работы.

О н а . На еще более невыездное?

О н . Ну да, примерно так. Очень выездное, но не туда, куда тебе все время хочется.

О н а . А нельзя туда? ООН какой-нибудь?

О н . Я не могу такие вещи спрашивать. В любом случае теперь это совершенно нереально.

О н а . Да уж. Так и состарюсь я в Геленджике.

О н . Ну почему обязательно в Геленджике, выбор есть. Страна большая.

О н а . Вы все так говорите. А лицо все больше скрывает, а глаза все больше видят. Что у вас там внутри.

О н . Ты же знаешь. Биоробот. *(Смеется.)* Мы действуем согласно планам. Они известны на месяцы вперед, и только вам, ну не всем, конечно, они кажутся случайными событиями или быстрой реакцией на них. Нет никаких спонтанных реакций и случайных событий. Это каток, а не стрекоза.

О н а . Ты слишком умный или тупой совсем. Жизнь проходит. Одна. Единственная. А у меня еще столько платьев не выгуляно.

О н . Вот-вот. Вся тусовка пропитана этим ядом отрицания очевидного. Подростковый нигилизм.

О н а . Иди ты знаешь куда.

О н . Знаю. Пошли домой. *(Смеется и обнимает ее.)*

О н а втайне довольна, о н втайне недоволен. Но оба счастливы.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Где-то на правильном юге. Короткий отдых. Роскошный номер. О н а готовится выйти в люди, о н уже готов. Сидит нарядный и смотрит в смартфон.

О н а . Я скоро-скоро.

О н . Я знаю. Через час примерно.

О н а . Да ладно. Когда такое было.

О н . Всегда. И всегда ты делаешься чудо как хороша. А я млею и забываю эти ожидания.

О н а . Вот-вот. Искусство требует. Кстати, об искусстве. Почему вы не даете работать людям? Люди ропщут, уезжают и источают яд.

О н . Все работают. Все имеют возможность. Обозначаешь позицию и работаешь. Или мудро молчишь и работаешь.

О н а . Ну да, конечно. Выдавили уже всех. Смотреть в театрах нечего. Да ты и сам это знаешь.

О н . Ну ладно, «Нетфликс» же мы отстояли. Смотри сколько хочешь. *(Смеется.)*.

О н а . Ну нельзя же так. Ну почему? Ну, говорят они даже, может, что-то. Но на что это может повлиять. На них смотрит только Садовое кольцо в лучшем случае.

О н . Так только Садовое и имеет смысл, все остальное само идет куда надо.

О н а . Ненавижу это. Цинизм жуткий ваш.

О н . Ты же кормишься с того цинизма. Чего вдруг?

О н а . Да не знаю. Скоро осень — и, как всегда, накатывает. Протест. Хочется же жить, а не проживать.

О н . Ну, понеслось. Все наши разговоры так похожи.

О н а . Потому что вы все такие похожие и нас превратили в массу студня трясущегося — непонятно, почему, непонятно, отчего.

О н . [redacted] ты революционер.

О н а *(выходит из спальни)*. Ну как?

О н . Ты прекрасна, как и всегда, особенно когда твой язык находится под контролем.

О н а *(смеется)*. Ладно, пошли, деятель. Покажем им, как мы умеем отдыхать.

О н . Ура!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Спальня. О н а спит. О н опять смотрит в смартфон. Пищит звонок. Он снимает трубку, встает с кровати и выходит из спальни.

О н . Алло.

Т р у б к а . Смирнов умер. Я обзваниваю всех знакомых.

О н . Понятно. Как это случилось?

Т р у б к а . Он сначала пропал, потом нашелся. Но уже в петле…

О н . Даже так?

Т р у б к а . Скажете ей? Я, наверное, не смогу.

О н . Да, хорошо. Конечно, скажу.

Т р у б к а . Спасибо. Всего доброго.

О н . И вам. *(Вешает трубку.)*

Возвращается в спальню. Она не спит.

О н . Смирнов умер. Суицид, похоже.

О н а ошеломлена. Встает. Выходит из спальни. Через минуту хлопает входная дверь. Слышен лифт.

О н . Значит, все-таки мы еще в Сочи. Только там такие шумные лифты. Совсем потерял ориентацию в пространстве. А кто такой этот Смирнов?

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Перед новогодними праздниками. Суета и шум. В ГУМе каток. Все как обычно. О н и идут по одной из галерей, подхваченные толпой.

О н а . Не забудь, надо что-то купить еще нашим, они приезжают на каникулы или что-то в этом роде.

О н . Так давай сейчас, не откладывая. Заходим и берем. С запасом. *(Смеется.)*

О н а . Не могу придумать. Теперь так сложно. Этого нельзя этим, того нельзя тем.

О н . Да брось ты, не придумывай. Действуем, как обычно. Помнишь, как в «Бриллиантовой руке»: детям мороженое, бабам цветы. Все придумано до нас.

О н а . Можно и так. Но брендов нет. А которые есть — уже не те. Давай наше тогда что-то выбирать.

О н . Так выбирай. А не выдумывай причины. Надо примиряться с обстоятельствами, а не ждать, когда вернутся старые. Не вернутся.

О н а . Я знаю. И это меня больше всего и раздражает. Хочется организовать движение за жизнь как обычно.

О н . Ну, не для многих произошли изменения. Только подружки твои тебя поддержат.

О н а . Ну и друзья тоже. Почему одни подружки. А песни еще можно всякие слушать или уже блэклист есть?

О н . Слушай, ну давай не сегодня. Я вырвался на часок побыть с тобой в праздничной толпе, а ты опять полощешь мне мозг. У меня забот, думаешь, мало и [redacted], проедающих мозг. Зачем мне это еще?

О н а . Ладно, извини. Давай сюда.

Заходят в бистро и просят шампанское.

О н *(после паузы)*. Ну, так себе, но пить же можно?

О н а . Все можно пить, но не всем можно наслаждаться. Шампанское для наслаждения, а не нажраться.

О н . Может, ты и права.

Он платит, и они выходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Утро. Не очень рано. О н лениво собирается на работу. На что-то смотрит в мониторе, кому-то пишет в смартфоне. Полуодет, полупроснулся. С бутербродом во рту и чашкой кофе в руке. О н а входит — подтянутая, свежая и одетая.

О н а . А каша? Ну сколько можно говорить. Сначала овсянка, потом бутерброды и кофе.

О н . Извини. Тебя же не было. А сам я не мог. Я тут вот подгружен уже с утра. А ты крутила педали?

О н а . Да, я крутила, в отличие от некоторых.

О н . Ничего. Я в течение дня нагоню. Ты едешь со мной?

О н а . Нет, я сама. Поеду к Лизе. Столько событий, а мы так редко видимся.

О н . Ну да, ну да. *(Пишет в смартфоне все время разговора.)*

О н а . А чего, прям с утра полыхает?

О н . А то. Побежал. Увидимся, наверное, вечером.

О н а . А что — улетишь?

О н . Не знаю. Может быть.

О н а . Пока-пока. Застегнись. *(Он целует ее и уходит.)*

О н а . Ну никакой жизни нет, ну все осточертело.

Пытается сварить себе кашу.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Навещали знакомых. Едут обратно к себе. О н чем-то очень недоволен, она довольна, что он недоволен.

О н *(с возмущением).* Нет, ну ты слышала? Они свободно перемещаются, не под санкциями, денег стало больше, чем было, и недовольны. На них, видите ли, косо смотрят. А в чем проблема?

О н а . Видишь, не все прониклись духом вашего бесконечного величия. Люди сомневаются в целесообразности. Полезности.

О н . И при этом гребут, как раньше не гребли. Нет, каково! Если бы я не знал их тысячу лет, подумал бы, что они с ума посходили. Но нет, они в полном порядке. И еще каком. И главное — ты заметила?

О н а . Что?

О н . Они не боятся. Так никогда не было, всегда боялись. Больше, меньше. Это часть режима. Страх.

Так положено, так надо. А эти перестали. И еще учат жить.

О н а . Ну, ты чего-то прям разошелся. Они милые. Обещали мне деньги на проекты, и вообще эта тусовка важна.

О н . Тебе хорошо говорить. А мне что делать? Мне придется прекратить это общение. И еще мне придется предупреждать. Ты понимаешь?

О н а . Да заткнись ты, все я понимаю. Но помечтать-то можно. Заладил. Не должно быть, не может быть. Как попугай. Где твой блеск, где перья, где очарование. Стал — как облезлый воробей. Озираешься по сторонам, как подстреленный.

О н . Молчи, сука. Лучше молчи. Вот ты куда полезла. Хочешь сама. Ну, давай попробуй.

О н а . Вылезай, приехали, Дездемона моя. Пойдем, я перья твои почищу. Успокоишься.

О н *(невозмутимо).* А я спокоен.

Идут в дом.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Посещали новую галерею где-то на Остоженке. Вышли немного навеселе. Было небольшое афтепати. Ну и все были милые, и все было мило. Благостные, они решили пройтись немного: весна, погода неплохая. Уже не холодно и еще светло.

О н . Вот прям хорошо было, да? Как-то отвлеклись. Какой-то сказочный мир. Какое-то волшебное не отсюда. Как будто этих людей не трогает все вокруг, они где-то там, на горе.

О н а . Да, я тоже удивлена. Где ты их откопал?

О н . Да это не я. Кто-то дал приглашение. Я даже не помню, кто.

О н а . Симпатично. Как раньше. Ты разве не хочешь, как раньше?

О н . Я не могу хотеть. Это не моя функция. Этого нет в контракте.

О н а . Иногда мне хочется тебя задушить

О н . Так ты попробуй как-нибудь. Я не против.

О н а . Ух ты как заговорил. Такой мягкий и никому не нужный. И не подумаешь.

О н . Что?

О н а . Что ты на самом деле за такое.

О н . Да ты не стесняйся

О н а . Нет. Поберегу силы. Нам еще жить и жить, бултыхаться в этом дерьме.

О н . В пахнущем шинелью. Теплом, милом, таком знакомом.

Идут дальше.

Действие шестое

Похороны Смирнова. Тут все на усмотрение постановщика. Фото Смирнова, венки Смирнову, аллюзии, иллюзии, намеки и прямые указания. Все сообразно задаче, как видит ее постановщик пьесы в контексте структуры момента, чтобы окончательно вовлечь зрителя или, наоборот, отвлечь. Контекст и еще раз контекст. Тут можно дожать все, что не дожали в предыдущих действиях. Участвуют они все! Если играли разные актеры. Или им помогают сотрудники театра, если играли все пять пар одной парой актеров. Тут все по самочувствию. Музыка, продолжительность действия — все на усмотрение устроителей спектакля. Возможен интерактив со зрителями. Игра в угадай, кого играли актеры. Кто эта десятка современников, так талантливо представленная на сцене. И призы тем, кто угадал. Ведь надежда — она умирает последней. Не так ли?

Занавес
или конец

Содержание

Матильда и отец ... 2
Не сегодня ... 13
Антресоли ... 23
Метастазы ... 31
Любители ... 41
Трупные пятна будущего ... 53
Неандертальцы ... 63
Лаврик ... 73
Побочные эффекты ... 81
Отношения ... 91
Навязанные состояния ... 101
План на завтра ... 111
Ностальгия по настоящему ... 121
Боль ... 133
Апрелевка и смысл ... 145
После работы ... 155
Караоке ... 165
Central ... 175
Обыск с Авенолем ... 185
Клиника ... 195
Сон ... 207
Эффект Доплера ... 219
Коллаборация ... 229
Неполнота жизни ... 239
Похороны Смирнова ... 249

Семён Грила
ПОХОРОНЫ СМИРНОВА
РАССКАЗЫ И ПЬЕСА
18+

Иллюстрации: Виктор Богорад
Дизайн и верстка: Федор Шумилов
Корректор: Светлана Мазур

ISBN 978-5-4391-0937-1

Сдано в набор: 29.07.2024
Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс»
199155, Санкт-Петербург, Уральская ул., 17, корп. 3, офис 4
art-xpress.ru | +7 (812) 331–33–22 | Заказ 34838

Тираж 200 экземпляров